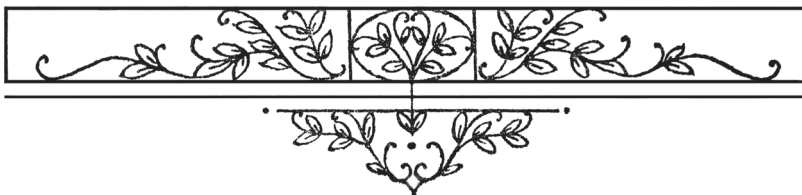

К 450-летию города Орла

Четырёхтомное
собрание произведений
современных орловских
писателей

ОРЁЛ – 2015

СОВРЕМЕННЫЕ ОРЛОВСКИЕ ПИСАТЕЛИ
ИЗБРАННОЕ

Том второй

ПОЭЗИЯ

Издательство «Вешние воды»

ББК 84(2Р)6
П 67

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Правительства Орловской области

Главный редактор издания Г.А. Попов
Художественное оформление издания *Г.В. Скорикова*
Редактор тома «Поэзия» *И.С. Семёнова*
Составители: *Е.А. Машукова, А.В. Фролов*

П 67   **Четырёхтомное собрание произведений современных орловских писателей. Том 2: Поэзия.** – Орёл: Вешние воды, 2015. – 504 с.

ISBN 978-5-87295-289-3

В настоящее издание включены лучшие произведения современных орловских писателей, созданные за более чем пятидесятилетнюю историю Орловской писательской организации.

Произведения в четырёхтомном собрании распределены по жанровому принципу. Второй том представляет читателю стихотворения, написанные орловскими поэтами с 1960 по 2015 год.

ISBN 978-5-87295-289-3

© Издательство «Вешние воды», 2015
© Орловская писательская организация, 2015

ИВАН **АЛЕКСАНДРОВ**

***

Мой дед всю жизнь пахал и сеял,
Не вылезая из села:
Мол, только б матушка Расея
Светло и радостно жила.

Я горд, что он корпел упорно,
Что не жалел для нас горба,
Что зреют дедовские зёрна
В колосьях нашего герба.

***

Чудак и труженик великий,
Мой дед, чтоб я не голосил,
Пучок душистой земляники
Всегда с покоса приносил.

Я выбегал ему навстречу,
Навстречу радости самой.
А дед сажал меня на плечи
И нёс торжественно домой.

Мне вспоминается в разлуке,
Что пахли ягодой тогда
Его мозолистые руки,
Его седая борода.

Чудак и труженик великий
Шагал тропинкой луговой,
А звёзды зрели земляникой
Почти над самой головой.

***

В двенадцать лет во мне
Гудиловка
Признала дружно косаря.
В двенадцать лет меня будила
Рукою матери заря.

Я сброшу сон, как полушубок,
И заспешу на дальний луг,
Где от косьбы и бабьих шуток
Дрожало марево вокруг.

Смеялась шустрая дивчина:
– Поддай, Ванюха, огоньку!
И я сгибал упруго спину
И забывал про боль в боку.

Дымилась у меня рубаха,
Дымилась шея у меня,
А знает каждый работяга,
Что нету дыма без огня.

***

Дорога радует не всякого,
А я всю юность колесил:
То прямоезжей – на Корсаково,
То окружной – на Новосиль.

А где-то в самой середине
Моих тропинок и дорог –
В тени крапивы и полыни –
Лежал родительский порог.

И я сворачивал в глубинку
И неизменно делал крюк,
Чтоб остывающую крынку
Принять из материнских рук.

И я невольно торопился
И не жалел, что крюк – большой.
Я, видно, с детства зацепился
За этот самый крюк душой.

***

Где-то рядом громыхали пушки,
За снарядом завывал снаряд.
Мы бежали в лес из деревушки,
Позабыв про кошку и котят.

Было жутко и тревожно очень,
Муторно и горько на душе.
Я очнулся средь июльской ночи
В маленьком дырявом шалаше.

Слышу, задыхаясь от волнения,
Трётся Мурка около меня:
– Принимай, хозяин, пополнение –
Вывела сейчас из-под огня...

***

Мы рано детство потеряли
В чужой и дальней стороне.
В одной упряжке с матерями
Мы воз тянули на войне.

Нет, воз тот был не символический,
А самый грешный и земной,
Забитый тряпками обычными
И прочей кладью избяной.

То был не воз, а просто тачка
На двух помятых колесах.
И мать, мужичка и гордячка,
И то скисала на глазах.

– А им-то легче, им-то легче? –
Я грустно в сторону глядел,
Где на родной орловской речке,
Не затихая, бой гремел.

– Ну, хорошо: давай немного,
Ещё немножко поднажмём! –
И мы, подлаживая ногу,
Тащили тачку на подъём.

Я до сих пор всё это вижу! –
Не вспоминать бы век о том,
Да за спиной порой услышу:
Мол, воз-то явно не по нём.

Прости меня, судья мой строгий,
Что по-мальчишески веду.
Я до сих пор по той дороге,
По той распутице бреду.

В одной упряжке с матерями
Мы где-то там ещё бредём.
Мы рано детство потеряли,
А взрослость –
Вряд ли обретём!

***

Я мать запомнил молодойю
Среди ровесниц и подруг,
Когда с граблями и косою
Спешила на заречный луг.

Я мать запомнил молодойю,
Когда за плугом и сохой
Она ходила бороздою
Упругой поступью мужской.

Я мать запомнил молодойю,
Когда, блуждая по войне,
Она скиталась с ребяtnёю
В чужой бездомной стороне.

Я мать запомнил молодойю
И зла на сердце не держал,
Когда дубасила метлою
За то, что мины разряжал.

Я мать запомнил молодойю
С вязанкой радостей и бед.
Вся жизнь осталась за горою
С вершиной в девяносто лет.

***

Всю-то жизнь,
Всю жизнь по доброй воле
Нянчить от луны и до луны:
То снопы в полынном знойном поле,
То в угарной хате чугуны!

Где брала ты мужество и силу,
Из каких душевных родников?
Прежде нас ты на руках носила,
Нынче носишь наших сопляков.

Всю-то жизнь
Бедуешь, нянчишь, носишь.
Мечешься с рассвета и до звёзд,
Чтоб тебя когда-нибудь под осень
На руках снесли бы на погост.

Боже мой, а если бы спросили:
У каких калиток и дверей
Мы при жизни на руках носили
Наших горемычных матерей?

***

Опираясь горестно о палку
И моля о благе небеса,
Краешком цветного полушалка
Утирала бабушка глаза.

Видимо, почудилось неволью,
Что продрогла церковь на ветру.
Злые люди сбили колокольню,
С луковиц содрали кожуру.

Вот бы снова Богу показаться,
Преданно взглянуть на образа.
Потому слезятся и слезятся
От раздетых луковиц глаза...

***

Умерла Гудиловка
На закате века.
Отошла родимая
На исходе дня.
Не было на свете
Дороже человека,
Не было роднее
Места для меня.

Отдышусь с дороги.
Погляжу в окошко:
На заглохшей улице
Буйствует лопух.
В памяти мяукнет
У порога кошка
И прокукарекает
У плетня петух.

Я своё подворье
Навещаю редко.
Кликну домового,
Вместе посидим.
Соберемся с духом
Да помянем предков.
Да по старой памяти
Снова загудим!..

***

Вернусь из странствий в сентябре
В свой край туманно-синий,
Остановлюсь на пустыре,
Нарву пучок полыни.

Начну сбивать седую пыль
С ботинок узконосых.
А чтобы ветер не знобил,
Достану папиросу.

Я погляжу на ближний лес,
Вздохну светло и глухо.
«Видать, наводит Ванька блеск», –
Подумает сеструха.

А я-то пыль чужих дорог
Старательно сметаю,
Ступив с волнением на порог
Отеческого края.

***

В Дубках,
Да в Лужках,
Да в Скородинке
Смешно нам о славе вздыхать.
Узнали бы только на родине,
А где-то успеют узнать.

А здесь-то в года завирухи
Протопали мы босиком.
Я с детства во мценской округе
С любой деревенькой знаком.

Я в дружбе с любой луговиной,
Приятель для каждой тропы:
Сорочий зовёт по малину,
Осинковец – по грибы.

Взойду на лесную опушку,
Присяду в тени у куста, –
Знакомая с детства кукушка
Желает не менее ста.

Здесь даже зверьё и пичуги
Считают меня земляком.
Ах, с кем не знаком я в округе? –
С любой собакой знаком.

Бывает, конечно, бывает:
В какой-то неласковый час
Звягливая Моська облает,
А Тузик мне лапу подаст.

Я встану стеною за друга,
Отдам и рубашку и честь.
Недаром судачит округа:
Мол, парень-то нашенский весь!

И мне под родительской крышей,
И мне у родимой ветлы
Не надо признания выше,
Достойнее похвалы.

В Дубках,
Да в Лужках,
Да в Скородинке
Смешно нам о славе вздыхать.
Признали бы только на родине,
А где-то успеют признать.

***

Я давно в любовь не верю,
Всё равно назло беде
Обниму холодный берег,
Свешу голову к воде.

Я украдкой поцелую
Речку Снежедь в лозняке,
Словно жилку голубую
У девчонки на руке.

***

Снова вижу матицу за печкой
И забитый в матицу крючок.
Песенкой весёлой и беспечной
Забавлялся в уголке сверчок.

Золотая бабушка Акуля,
Вспоминая молодость свою,
Медленно раскачивала люльку,
Напевала баюшки-баю.

Летним днём из молодого сада
В растворённый нараспашку дом
Затекала нежная прохлада,
Смешанная с мёдом и дымком.

Это только проблески сознания,
Неизбывной памяти исток.
Светлые в душе воспоминанья
Будит незатейливый крючок.

Быть бы мне бродягою-скитальцем,
Да всегда из стороны любой
Этим самым крючковатым пальцем
Матица зовёт меня домой.

***

Я пойду ромашковой дорожкой
В тишину лужаек и полян,
Где живёт в бревенчатой сторожке
Добрый и лукавый старикан.

Он печально встретит у порога,
Скорбно сложит руки на груди
И прикрикнет безобидно-строго:
– Заходи, пропащий, заходи!
Сколько лет не сиживал с тобою.
Где бродяжил? Честно отвечай.

Будет пахнуть водка зверобоем
И душицей с земляникой чай.

Всё представлю явственно и зримо,
Расскажу про жизнь и про людей.
– Боже мой, да ты неисправимый
И чудной, как дуб без желудей!

Обниму до хруста седоглавого:
– Будь здоров! Живи не унывай
И свою зелёную державу
Никому в обиду не давай.

Я берёзку дёрну за серёжку,
Почешу за ухом у дубка
И светло потопаю дорожкой
В детство от избушки лесника.

***

Доживает век бабуся
Не в селе, а в городке.
Всё мерещится, что гуси
Припозднились на реке.

Забелел Покров от снега
И донёс гусиный крик.
Бабка кличет: «Тега! Тега!»,
Крошит хлеб на половик...

***

Слишком долго автострада
Добиралась до села:
Ни от рая, ни от ада
Никого не сберегла.

Ни одной корявой хаты,
Ни одной живой души.
Лишь рассветы да закаты
Несказанно хороши!

Задичавшая сторонка,
Соловьиный перехлест.
Да на взгорке остановка
По прозванию Погост.

Лучезарно светят звёзды
Невозвратных прежних лет.
Снова память до Погоста
Второпях берёт билет.

***

Где тот дремучий травостой
Лихой поры военной?
Такой дремучий и густой:
Взмахнешь – вязанка сена!

Была та буйная трава
Загадочной немножко:
Темнели тайной острова
Мышиного горошка.

Я замирал за два шага,
Робея и немея,
Перед метелкой овсюга
И пикою пырея.

Кивал головкой там и тут
Пахучий белый клевер.
Над ним стоял пчелиный гуд,
Протяжен и напевен.

Трава отчаянно цвела,
По-бабьи жировала.
Земля хозяина ждала,
Звала и горевала.

Земле хотелось щедрой быть
И верить в плодородие.
Я здесь учился жизнь любить,
Служить земле и Родине.

***

Вместе пили, пели, обнимались,
Возводили дружбу, словно храм,
А потом с похмелья разбежались
По глухим углам и конурам.

Наживали, строили, творили,
Мучаясь, дерзая и горя,
А потом кощунственно делили
Пушкина и Кобзаря...

Никому в башку не приходило,
И никто не в силах объяснить:
Как же можно братские могилы
И святые мощи разделить?

Все мы, братцы, сволочные люди,
Мы всю жизнь обречены страдать:
Это мы позволили Иуде
И Христа, и Родину предать.

***

Всё смешается во мгле –
Быль и небыль.
Жил и не жил на земле,
Был и не был.

Если пылко не любил,
Страсть не ведал,
Значит, юность загубил,
Душу предал.

Если жил среди людей
Одиночкой,
Значит, был для них ничей,
Мёртвой почкой.

Если кровь и лебеду
Не отринул,
Значит, общую беду
Сердцем принял.

Если доброе зерно
В жизни сеял,
Значит, в мире заодно
Был со всеми.

Если спутники во мгле
Нам светили,
Значит – жили на земле,
Значит – были!

ДМИТРИЙ **БЛЫНСКИЙ**

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

С ним я подружился знойным летом –
 В дни, когда у деда был подпаском,
 В дни, когда не думал быть поэтом,
 Зная мир по бабушкиным сказкам.
 – Здравствуйте! –
 Негромким этим словом
 Деда я приветствовал вначале,
 Я его произносил коровам,
 Но они, как дед, всегда молчали.
 А когда я в луг шагал с обедом,
 Кто-то крикнул мне в ответ:
 – Здорово! –
 Я любил свой кнут, сплетённый дедом,
 Но ещё сильнее это слово.
 Я любил сидеть с кнутом у вяза
 Перед стадом, за селом заречным,
 Повторяя за день по три раза
 «Здравствуйте» одним и тем же встречным.
 Нравилось, как сумрачные лица
 Озарялись весело при этом.
 Разве мог тогда я не влюбиться
 В слово, переполненное светом!
 «Здравствуйте!» –
 Всю жизнь свою желаю
 Повторять я это слово всюду.
 Буду счастлив, если, умирая,
 Я сказать «прощайте» позабуду.

***

О стихах говорят в этом доме поэты.
Я у двери стою, не решаясь войти.
Где ты, смелость моя деревенская, где ты?
Шла со мною сюда, да отстала в пути.

Что принес я с собой? На ладонях мозоли,
Запах лопнувших почек с весенних берез
Да тетрадку стихов, где-то сложенных в поле,
Где-то сложенных в поле в жару и в мороз.

Я, как пахарь, их видел под лемехом плуга,
Как пастух, я встречал их в глазах у телят.
Даже вьюга, бездушная, колкая вьюга,
Мне стихами орёт так, что уши болят.

Где бы их ни искал я – в полях ли, в лугах ли,
Нахожу в каждом колосе, в песне ручья,
Потому мои строки землею пропахли,
Как пропахла полынью фуфайка моя.

Рифму я не вертел за столом по неделе
(Чем причудливей рифма, тем громче стихи).
На меня они сами, простые, глядели
То слезинкой цветка, то сережкой ольхи.

Где ты, смелость моя деревенская, где ты?
Шла со мною сюда, да отстала в пути.
О стихах говорят в этом доме поэты.
Я стучу. Я вхожу. Я обязан войти.

МУЖЧИНА ПЛАЧЕТ...

Георгию Спасову

Ест племянник мой яблоко всласть
 И, сжимая, боится – уронит.
 А народу вокруг на перроне –
 Даже яблоку негде упасть.
 Поезд прибыл в Москву из Софии
 С ветеранами прошлой войны.
 И болгарские речи слышны,
 И цветы пламенеют живые.
 Машет, машет племянник рукой,
 Не поймёт он, что это всё значит:
 – Посмотри-ка, мужчина, а плачет,
 И к тому же огромный такой...
 В первый раз он увидел объятя,
 Перевитые руки мужчин:
 Житель Плевны и наш смолянин
 Обнялись, как законные братья.
 Как ему объяснить на вокзале
 Про какую-то ту войну,
 Где им пальцы рубили в плену
 И на спинах слова вырезали?
 Где, забыв, что такое слеза,
 Лишь сдвигали от мук они брови,
 И дымились рубахи от крови,
 И горели сухие глаза.

***

По-бабьи на людях бедовы,
А дома по-бабьи грустны
Мои деревенские вдовы,
Что любят рассказывать сны.

А в снах –
беспокойные страхи
Являются, горе тая, –
К ним сходят мужья с фотографий,
Совсем молодые мужья.

Седыми ночами им снится,
Что встретиться вновь суждено,
А каждому –
только под тридцать,
А каждой –
за сорок давно...

РОССИЯ

*Н. Н. Жукову –
замечательному художнику*

Жизнь моя встает передо мною,
Лишь тебе известная одной,
С детством,
Что оборвано войною,
С юностью,
Что начата войной.

Я – малыш,
 Расплывшийся в улыбке
 От того, что озорник ручей
 На моих ногах щекочет цыпки,
 От которых я не сплю ночей.

Что же ты не ловишься, рыбешка?
 Разве ты не знаешь, что война?..
 Мне бы пескарей
 Хотя б немножко,
 Мне большая рыба не нужна.

Я ловил.
 И, может быть, впервые
 Понял чутким сердцем малыша,
 Что России трудно,
 Что Россия
 Даже пескарями хороша.

Я – твой школьник.
 Помню все, что было:
 Темный класс подобен шалашу.
 Я дышу на мерзлые чернила,
 Я на пальцы синие дышу.

Стынут зайцы снежные по стенам,
 Жмутся к ненагретым печам.
 В окна школы,
 Что заткнуты сеном,
 Их мороз впускает по ночам.

И хотя вдали –
 Бои большие,
 Ты со мною крепко держишь связь:

В образе учителя, Россия,
Ты встаешь,
Над партою склонясь.

Я – косарь.
Плывет над лугом небо,
Крепко спит трава, сойдясь в ряды.
У меня ломоть ржаного хлеба
Да колодец ключевой воды.

Ем и запиваю хлеб водою
Из зеленой кружки – лопуха.
Стыдно, если сердце молодое
Скажет мне,
Что жизнь моя плоха.

Есть у парня руки молодые,
Край, пропахший скошенной травой,
Остальное будет все, Россия,
Главное, что здесь я –
Парень свой.

МОЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

То дорога, то тропка узкая,
То ручей по реке без дна, –
Ой, ты, русская, наша русская,
Наша отчая сторона!

Наградила святыми узами
И сказала нам: «В добрый час!»
И не блоками, не союзами,
А сердцами связала нас.

Ты, как наши мечты, просторная,
 С лаской, с удалью огневой,
 С шумом поезда под Касторною,
 С полнолунием над Невой.

Ты с березовыми расцветами,
 С вечной тягой родной земли, –
 Пусть пешком обошли полсвета мы,
 Мы обратно домой пришли.

В этом буйном разнообразии –
 Кто с Байкала, а кто с Оки –
 Мы живем посреди Евразии,
 Беспокойные русаки.

Соберемся мы, встречу праздную,
 Ну хотя бы на полчаса:
 Речи разные, песни разные,
 Очень разные голоса.

Только все-таки мы похожие,
 Чем похожие мы – спроси:
 Не случайные, не прохожие,
 А хозяйева на Руси.

Край наш – степи его, леса его –
 Наша отчая сторона,
 У Гордейчева, у Исаева,
 У Полянского ты одна.

Ты нам пращурами завещана,
 Чтоб любили тебя, храня,
 Ты для Фирсова – мать Смоленщина,
 Мать Орловщина – для меня.

Нам скрывать друг от друга нечего
И выпячивать напоказ,
Если гордость того ж Гордейчева –
Гордость искренняя всех нас.

Гордость зернышком, в землю брошенным,
Чтобы плод родила земля,
Гордость всем – от простой горошины
До космического корабля.

Расступитесь, рвачи, да нытики,
Да хулители всех мастей,
Те, что ищут большой политики
В маникюре своих ногтей!

Позабыта квартира душная,
Мы в пути, на ногах с утра.
Эй, с дороги вы, малодушные,
Золотушные фраера!

То дорога, то тропка узкая,
То ручей, то река без дна, –
Ой, ты, русская, наша русская,
Наша отчая сторона!

В сердце солнечное горение,
Половодье российских рек.
Вот она, моя точка зрения,
От рождения и – вовек.

ТАКОЕ НЕ ПРОСТИТСЯ НИКОГДА

Мне было в том году неполных десять,
Когда пришел фашист в начале дня,
Чтобы меня в моем саду повесить
Или в моей же хате сжечь меня.

Под детский плач он все решил заране,
Он все учел под орудийный гул,
И окна школы, где цвели герани,
Колючкой ржавой он перечеркнул.

Моя тропинка с зеленью медвяной,
Где от цветов кружилась голова,
Легла от дома к школе черной раной
Его противотанкового рва.

Я видел сам со школьными друзьями,
Как у него не дрогнула рука
Свалить, столкнуть, живым засыпать в яме
Учителя, седого старика.

Его штыком мальчишка был заколот
За то, что, плакать не имея сил,
Ручонками и ртом – такой был голод –
Мальчишка есть у матери просил.

Нам не забыть – за это мы в ответе, –
Как, обращаясь к мертвым и живым,
Взывают к мести женщины и дети,
В моем краю расстрелянные им.

Будь русским ты, поляком или немцем,
Будь из норвежцев или из мадьяр, –
Твоих друзей сгонял фашист в Освенцим
И сталкивал под пули в Бабий Яр.

Нам не забыть, пройдя сквозь все тревоги,
Сквозь сто смертей и тысячи обид,
Что он раздавлен в собственной берлоге,
Но он еще поныне не добит.

Ничто не прощено и не забыто,
А бундесверский Бонн уже готов
Помиловать убийцу и бандита,
Простить его за давностью годов.

Мы знаем все об этом человеке,
Он не уйдет от правого суда:
Такое не забудется вовеки,
Такое не простится никогда.

ДВА ОСКОЛКА

Еще не сделал пахарь круга,
Они открылись, как тоска,
Два извлеченных из-под плуга
Стальных заржавленных куска.

Глядят с ладони зло и колко,
Как раны рваные, страшны,
Глядят на парня два осколка,
Две повстречавшихся войны.

Они мрачны, как непогода,
Загадочны, как тишина,
Война двенадцатого года
И сорок первого война.

Лежат, от солнца съежась, рядом,
Морщинистые, как кора,
Один осколок от снаряда,
Другой осколок от ядра.

А пахарь... Он на плуг присядет,
И вдруг задумается он:
Не тем ли был сражен прапрадед?
Не этим ли отец сражен?

И вновь за плуг возьмется пахарь
С тяжелой думой о войне,
Пока набухшая рубаха
Не прикипит к его спине.

СОРОК ПЯТЫЙ

Прости меня, отец, что за семь лет
Я в первый раз к тебе явился в гости.
Ковром сухой травы
Твой холм одет –
Заботливая осень на погосте.

А где твой крест?
Какая-то вдова
Зимой, в метель (мне скажут: это слишком,
Но так и есть) срубила на дрова,
Чтобы сварить похлебку ребятишкам.

Торчит один пенек.
Отцовский крест...
Его забыть бы, но тревожна дума:
Да что там крест, куда ни глянь –
Окрест
Пеньки, пеньки глядят на мир угрюмо.

Где раньше рос на крутосклоне лес,
Сегодня куст маячит одиноко.
Как старый нищий,
Сгорбился, облез,
Войною искалеченный до срока.

Зайди в село –
Спокойная душа
Нетронутой останется едва ли:
В моем селе не встретишь малыша –
Четыре года
Бабы не рожали.

Но встань сейчас, отец, и посмотри,
Как на пригорках вырастают хаты
Из самана, из глины,
А внутри
Поют до слез вчерашние солдаты.

Мы будем жить.
И снова малыши
Дома наполнят плачем или смехом.
И только ты, отец, от всей души
Нас не поздравить ни с каким успехом.

Прости меня, прости, что за семь лет
Я первый раз к тебе явился в гости.
Ковром сухой травы
Твой холм одет –
Заботливая осень на погосте.

***

Как часто вижу её во сне я...
Она задириста, весела.
Эх, даже проститься не смог я с нею, –
Ушла и назад не придёт,
Ушла...

Я делал всё, что она велела.
В такой овраг на лыжах летел,
Куда сам дьявол,
Взглянув несмело,
Пешком спуститься б не захотел.

А лето с удочкою с утра я
Часами просиживал у ручья.
И в каждой росинке
На разнотравье
Мы с ней отражались –
Она и я.

Со мной под грибными дождями мокла,
Стояла с рогаткою у плетня
И, целясь в птиц,
Попадала в стёкла,
Но не её ругали –
Меня.

Нередко учила с улыбкой счастливой,
Как в сад проходить
Через ход потайной.
Когда ж меня сторож «гладил» крапивой,
Стояла и плакала вместе со мной.

Меня познакомила с песней звонкой,
С хорошей книгою и мечтой
И даже с девчонкой,
Даже с девчонкой,
Ничуть не ревнуя к девчонке той.

Мы думали думы одни и те же,
Влекли нас одни и те же пути.
Когда ж её слушаться стал я реже,
Она от меня
Решила уйти.

Как часто вижу её во сне я...
Она задириста, весела.
Эх, даже проститься не смог я с нею, —
Ушла навсегда моя юность...
Ушла...

ТРИПТИХ

1. Боги Андрея Рублева

В моем роду молились испокон,
И я, безбожник, я готов молиться,
Когда подолгу вглядываюсь в лица,
Что мудро смотрят с фресок и икон.

В святом Предтече вижу гончара,
 Кем для кистей Андрея-богомаза
 Была из глины вылеплена ваза,
 А чудилось – она из серебра.

Не Михаил-Архангел, а пастух,
 Не с крылышками ангел, а подпасок
 Сидели перед ним, и буйство красок
 Захватывало их холопский дух.

А в той святой с младенцем на руках
 Мне видится земная наша баба,
 Что в иудеях разбиралась слабо,
 Зато прекрасно – в русских мужиках.

В далекий век, в глухие времена
 При шуме вьюги и при птичьем гаме
 Простых и бедных делал он богами,
 Давая смертным божьи имена.

2. Глаза Михайлы Ломоносова

Он снял парик. Глаза устремлены
 К Венере – удивительной планете.
 И голова его при лунном свете
 Сверкала в полумгле, как шар Луны.

Приникший к телескопу, не шутя
 Шептал он, околдованный Венерой:
 «Закутана ты знатной атмосферой,
 Как одеялом малое дитя...»

О Русь, ты от пилы и топора
До выхода в простор вселенских высей!
Пусть полетит не он, больной и лысый,
Но кто-то полетит – придет пора.

Иван, и только он, – ни Жан, ни Джон, –
Иван, кто прыгнул с вышки колокольной
На самодельных крыльях в день престольный,
Хоть знал, что будет заживо сожжен.

Сиял Михайло, думая о том,
Что со Вселенной русский связь наладит,
Тогда еще гагаринский прапрадед
На четвереньках ползал под столом.

3. Родник Александра Пушкина

Родник и ныне бьет из-под земли
В именье Гончаровых, в Яропольце.
Расходятся серебряные кольца,
Как и тогда, при встрече с Натали.

Стоял поэт с женой – рука в руке,
Глядел в родник, себя не замечая,
А Натали, в самой души не чая,
Собою любовалась в роднике.

Поэт с Невой, с Курою был знаком,
Он знал, как величавы Днепр и Волга,
Но так стоять
Задумчиво и долго
Мог Пушкин
Только перед родником.

Лёг ручеек в веселую строку
От родника опального поэта,
И кажется, что Пушкин рядом где-то
И он вот-вот вернется к роднику...

Быть близкой всем
Поэзия должна,
Как хлеборобу вкус и запах хлеба.
И, Пушкиным опущенная с неба,
Земною стала с той поры она.

НИКОЛАЙ ПЕРОВСКИЙ

***

Лета к суровой прозе клонят...

А.С. Пушкин

Еще заигрываю с музой,
отодвигая день и час,
когда я стану ей обузой,
как постаревший ловелас.

Игра – в природе человека,
тасует страсти шар земной,
но я в течение полувека
был верен музе, ей одной.

Мы накануне расставанья.
Уж не поплакаться ли мне –
пусть не в жилетку мирозданья,
а лишь в подол своей жене?!

И все окончится чудесно:
моя законная жена
своей сопернице небесной
воздаст сторицею сполна!

ВЕСНА

Давай, зима, на посошок
пригубим мартовской капли!
По свету носится слушок,
что на подлете птичьей трели.

Весна с грачами на слуху.
Однажды ночью лопнут почки,
проснется верба вся в пуху,
и лес в зеленой оторочке.

А этот зябкий березняк
и этот паводок весенний –
вселенский праведный сквозняк
в канун Христова воскресения.

Две тыщи лет из года в год
дух торжествует над каноном
и каждый праздничный восход
кропит пасхальным перезвоном.

ТЕАТР

Душа и разум знают цену
самим себе, но вот вопрос:
взойдя на жизненную сцену,
что принимать на ней всерьез?
Где башмаки, а где котурны,
где языки, а где клинки?
А в добродетели дежурной
злодейства зреют ли ростки?

И если спрятался под маской,
то соответствовать изволь,
но знай, что жизнь не стала сказкой,
что роль – она и в жизни роль.
В порфире Лира или Кира,
держа вселенную в горсти,
ты не забудь владыка мира,
в канаве место припасти.

ПРОЗРЕНЬЕ

Памяти Сергея Наровчатова

Бывает острое прозренье,
как взрыв в мозгу, что ты живой,
что ненависть, любовь, горенье
в тебе с тобой и над тобой.

Ты только вскрикни, хлопни дверью
или засмейся – просто – вдруг –
и тут же ветер и деревья
тебя затянут в общий круг.

В тот милый круг, где все живое,
где наслаждение и боль,
где правят общую судьбою
горенье, ненависть, любовь.

Мы в общем хоре все – солисты,
и даже тот, кто безголос,
в своем, особенном, регистре
доносит шепот свой до звезд.

***

Гляди! Пушистый жеребенок
резвится, пляшет, травы бьет, –
почти духовный, как ребенок,
почти абстрактный, как полет.

На переломе и на стыке,
на тонкой дужке коромысл
струится космос безъязыкий,
времен и судеб тайный смысл.

И может, высшая минута
тебе дается для того,
чтоб лишь коснуться абсолюта,
а не ослепнуть от него.

ПАУТИНА

Паутина в осиновых чащах,
паутина в березовых рощах,
сизый морок, по миру летящий,
укрывает и выгон, и площадь.

По тропинкам опавшего сада,
по дорожкам увядшего луга
прохожу я, пастух листопада,
паутиной опутанный туго.

Разомлев от теплыни в полыни,
пауки понаделали пряжи,
запропала земля в паутине,
и никто не заметил пропажи.

КОРНИ

Был я болен и тем виноват
перед миром людей и растений,
но однажды ушел я в закат –
проводить удлиненные тени.

Я присел у слепого костра,
согревая озябшие руки,
и осенняя ночь, как сестра,
обняла меня после разлуки.

А когда от земного огня
глянул на небо в звездных накрапах,
мне почудилось, что зеленыя
источают младенческий запах.

Я не думал, откуда взялась
и с такой прямою воплотилась
неподсудная разуму власть –
обращать наказание в милость.

Я стоял, не стыдясь своих слез,
между звездами и зелеными,
и меня не тревожил вопрос,
что считать в этом мире корнями.

В РАЙЦЕНТРЕ

В райцентре хоронили старика,
не знаю, кем он был на белом свете,
плыла машина, плыли облака,
старухи, старики, деревья, дети...

А на его рассудочном лице
такое затаилось выраженье,
как будто это он привел в конце
весь мир в одностороннее движенье.

Сдвигалось и смещалось всё окрест,
живое и бессмертное покамест,
и старый домкультуровский оркестр
шел во хмелю, хрипя и спотыкаясь,

И довели до места, и снесли
к пределу, где кресты стояли косо,
и с каждым комом сброшенной земли
слабее становился запах теса.

И стали расходиться, и оркестр
куда-то поспешал на именины,
а мне казалось – вбитый в землю крест
ухмылкой провожает наши спины.

ДИОГЕН

Вышел я в полдень с ночным фонарем,
стал я искать человека.
Встретился с деревом и с муравьем –
что за оказия? Эка!

Тот лихоимец, другой лиходей...
вдруг я споткнулся – и в яме,
глядь, а вокруг меня тыщи людей,
все, как один, с фонарями...

ВРЕМЯ

Рыхлая баба снимает белье с узловатой веревки,
пьяный мужик перекрыл своей грудью канаву, как дзот,
клены роняют листву, балансирует голубь на бровке,
в мире мистерий на цыпочках Время идет.

Время шутя проникает в любую лачугу и крепость –
вечный свидетель зачатий, смертей и стирки белья,
лепит из наших ничтожных страстей героический эпос
и надзирает за нами в тюремном кругу бытия.

СТЕПНОЕ ОЗЕРО

Я увидел степное озеро,
когда на нет сошла луна:
вода густая, как молозиво,
прохладных лилий белизна.

Дымилась гладь его зеркальная,
похоронившая луну,
созвездия зодиакальные,
отсыревая, шли ко дну.

А на закате бледно-розовом
бессмертники и ковыли
головки свесили над озером
и к водопою прилегли.

И вслед за жаркими зарницами
на берег хлынули лучи
с людьми, отарами и птицами,
перворожденными в ночи.

ТУМАН

Туман занавесил цветы в луговине,
и зелень примята тяжелой росой,
рыбак по колени в тумане, как в глине,
висит с удилицем над сонной рекой.

Над лугом плывут отсыревшие звуки –
хрипят пастухи и заходятся псы,
заря сквозь туман – от излома излуки –
раскинула до песчаной косы.

Сидеть бы и мне на замшелой коряге,
на тоненький прутик низать пескаря
с лицом, отраженным от радужной влаги,
с душой, что проснулась ни свет ни заря.

Высокие годы, тяжелые воды
туманом окутали душу мою,
стою, словно пасынок мирной природы,
над бездной тумана, на самом краю.

КАРТИНА

Воды Орлика спокойны,
холодны и зелены.
Дух болотный, запах хвойный,
ожидание луны.

Шелестят в ночи деревья,
камышы в воде по грудь.
Дремлет город. Спит деревня.
Проплывает Млечный Путь...

ЖУРАВЛИ

Клином, караваном, вереницей,
вместе от начала до конца
проплывают медленные птицы –
задираем головы и лица,
простираем руки и сердца!

Как летят – привыкнуть невозможно!
В стае облаков белым-белы,
дарят нам печально и тревожно
влажное, гортанное «курлы!».

Долетят до моря и растают,
но, на радость жителям земли,
журавли не только улетают,
но и прилетают журавли!

БОМЖ

Попросил прикурить у бомжа,
он смутился на долю минутки,
а потом, суетясь и дрожа,
протянул мне «бычок» самокрутки.

И, потешно тряхнув головой,
он как будто на миг возгордился,
дескать, видишь, браток, я живой,
я кому-то еще пригодился!

ПРОХОДНЫЕ ДВОРЫ

Проходные дворы беспризорного детства,
безнадежной орлянки, бесславной буры,
если негде приткнуться и некуда деться, –
проходные дворы, проходные дворы.

Дровяные сараи, углы, закоулки,
голубятни, подвалы, веревки с бельем,
ржавый жмых, самогон, кукурузные булки
и разборки, и дружбы с домашним жульем.

...С коммунальными схватками из-за обмылка...
В чадном запахе примуса, в приторном духе греха,
где, обрита наголо, послетифозная Милка
увела у родимой мамыши ее жениха.

Там свистели литые ременные бляхи,
моряки под полундру со шпаной толковали «за жисть»,
а военный патруль в суматохе и чуть ли не в страхе
то грозил трибуналом, то просто просил разойтись.

В проходных процветали бандитские хазы,
банковала малина до самой зари,
и по крышам – куда там тебе верхолазы! –
уходили в отрыв от ментов скокари.

Там скрипели, насытившись ваксой, блатные сапожки,
правил бал марафет и подначивал хмель,
отшвырнув костыли, отрешась от плаксивой гармошки,
инвалиды войны заползали на вдовью постель.

Все, что было там, – шито, и крыто, и брито...
провалилось в безвременье, в тартарары,
только в старом кино отбивает свой ритм «Риорита»
да в развалку плывут в никуда проходные дворы.

РЫНОК

Не пишется, не пьется, не поется,
и все-таки пишу, пою и пью.
Гляжу на дно забытого колодца
И собственную душу узнаю.

А по ночам отдергиваю шторы,
и лунные лучи, ложась на стол,
безжалостные, словно кредиторы,
бракуют и бракуют мой глагол.

Но, горд, как лорд, и кроток, словно инок,
я заново сплетаю кружева,
сегодня на земле и в небе рынок,
а мой товар – слова, слова, слова.

УГЛЫ

В городе было четыре угла.
Все остальное сгорело дотла.
То ли судьба в наказание сожгла,
то ли Надежда на откуп взяла.

В комнате было четыре угла.
Женщина в ней одиноко жила.
Чистила коврики, мыла полы,
в синих глазах отражались углы.

Жил в этом городе тихий чудаки,
в небе снимал обветшалый чердак,
думал о чем-то, не зная – о чем,
привороженный рассветным лучом.

Женщина гордо по городу шла,
светлую голову в небе несла.
– Боже! – вскричал потрясенный чудаки. –
Будь милосерден, обрушь мой чердаки!

Не помогают скопища слов,
в городе сделалось восемь углов.

В МЕРЗЛЯКОВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

*Не потому, что от нее светло,
а потому, что с ней не надо света.*

Ин. Анненский

А в Мерзляковском среди тараканьих бегов
Анненский плыл между узенькими берегами.
Спал я, как будто на теле пестреющих летом лугов,
весь от подошв до макушки обросший лугами.

Плыли и таяли восемь таинственных строк,
напоминая, какой я бездарный и жалкий,
строки, которым, по слухам, завидовал Блок,
плыли и таяли в грязной, глухой коммуналке.

Спал и не спал я, как будто бы жил и не жил,
в мире простраций, диковинных ассоциаций,
Богу ли, дьяволу душу свою заложил
ради восьми этих строк, неподсудных мне граций.

Что-то шептал мне на кухне обкраденный жизнью старик,
гневом косила старуха, годами горбата,
в комнате девушки я проглотил свой проклятый язык,
плыл и тонул на кушетке между Тверским и Арбатом.

Свет был погашен, и на небе не было туч,
время смешалось, в созвучьях запутались строки,
луч безымянной звезды, прибудившийся луч,
словно космический цензор, просвечивал дивные строки.

Конские гривы и крупы размыло на черной стене, –
где ты, куда унесло тебя, дикий детеныш?!
Будь милосердна, не я себя создал, пригрезилось мне
что-то такое, чего на Коньке-горбунке не догонишь...

Кто я и что я, зачем я родился на свет?
Что выразить языком и к чему прикоснуться руками?
Предназначение мое уничтожил почти неизвестный поэт
так, между делом, восьмью неземными строками.

НОЧНЫЕ ГОРОДА

Ночные города – моя беда.
Так просто потерять покой и веру,
когда все спит, все немощно когда,
а ты один мотаешься по скверу.

Лишь ветер пробежится по листве
да по трамвайным рельсам что-то звякнет,
а то в твоей бессонной голове
сладчайшим бредом вспыхнет и иссякнет.

Да ветер ли? И кажется тебе,
что нет, не ветер, что-то там иное,
причастное ко всей людской судьбе,
витийствует, витая над тобою.

Оно, наверно, ждет, что я усну.
Я не усну, я слишком старый сторож,
пересидевший не одну луну
в многоэтажных каменных просторах.

Я не за плату – плата мне не впрок,
я не за славу – спят владельцы славы,
покуда мир плетет себе венок,
я должен охранять цветы и травы.

ЗВЕЗДА УПАЛА

Звезда упала в женские ладони,
и пошатнулась женщина смеясь,
а в озаренном искрою затоне
огнем желанным лилия зажглась.

В безумии рыбак отбросил снасти,
возжег от жаркой искорки костер
и к женщине, слабеющей от страсти,
свои ладони тяжкие простер.

Цветы и травы бросились в объятья,
и судорга прошла по глади вод,
а пламя непорочного зачатья
зеркально отошло на небосвод.

ОСЕННИЕ СТИХИ

1

Об осени писать – какой наглец?!
О ней не раз великие писали...
Но как же быть, когда соседний лес
опять, опять в безлиственной печали?
Как не писать, когда в сухой стерне
старинный горьковатый запах грусти,
а в блеклой, отпылавшей вышине
все тот же плач несут над нами гуси?
И будет так за окнами темно!
Случайный, а быть может, не случайный
ворвется ветхий лист в мое окно,
хрустящий, как пергамент, полный тайны...

И я бегу из дома!
И до слез
все так необъяснимо и так близко...
То листья поднимаются до звезд,
то звезды опускаются на листья...

2

Кружитесь, листья, падайте на грудь,
ложитесь мне на голову и плечи!
И пусть ваш золотой и краткий путь
с путем пересечется человечьим.
Какая между нами в мире связь?
Какие у нас общие законы?
И с горечью я провожаю вас,
как будто бы в последний путь знакомых...
Ну что ж, прощайте, листья! Не беда.
Весной из вас взойдут густые травы.
Я в людях не исчезну без следа –
и в этом мы похожи, в этом правы...

АНАТОЛИЙ ШИЛЯЕВ

***

Память,
эта глазастая, пёстрая птица,
снова вскинула гибкие
быстрые крылья в полёте.
В хмарь осеннюю долгую,
как и мне, ей не спится,
и летит она в ночь над землёю
в житейской заботе.

Слышишь, память, вернись.
Ты напрасно, напрасно
Что-то ищешь впотьмах
на дорогах ушедшего лета!
Мне в холодной ночи
одному
оставаться опасно
без тебя и любви,
без людского тепла и привета.

Но молчит
одинокая гордая птица,
только крылья шуршат,
и медлительно движутся тени,
и огромная ночь,
вся из синего-синего ситца,
словно память живая,
садится ко мне на колени.

НАЧАЛО

Опять иду по улицам Орла,
Как будто годы долгие итожа.
Вот здесь когда-то девочка жила,
Не на неё ли дочь моя похожа?

Вот старый домик смотрит в два окна,
Над ним грустит черёмуха-старуха.
Вхожу во двор знакомый.

Тишина

повисла, непривычная для слуха.
И этот домик обречён на снос,
Уже растёт громада этажами,
И лает на неё охрипший пёс,
Не понимая, что случилось с нами.

Иная жизнь, другие времена,
Но улица от зелени кудлата.
Натянуты до звона стремена
У времени,
летящего куда-то.

По улицам Орла опять иду,
По переулкам памяти плутая,
И слышится мне в городском саду
Из юности
мелодия простая.

Послушаю.
Немного постою,
Припомнив танцевальную площадку,
И юность неуклюжую свою,
И в армию вокзальную посадку,
И от реки осенний холодок,
Который время вечное умчало...
Привет тебе, Рабочий городок,
Моё полузабытое начало!

Я по весенним улицам хожу.
Меня не остановит ветер влажный.

Привет тебе, Рабочий городок,
Окраинный и весь одноэтажный!
Расходятся, как по воде круги,
То летний жар, то зимняя остуда.
Вот здесь я делал первые шаги,
И память начинается отсюда.
Волнения от встречи не унять.
Светло моё высокое жилище,
Но память возвращается опять
На старое родное пепелище.

У памяти и времени в плену,
Как боем опалённые солдаты,
Живём,
                  как будто чувствуем вину
За то, в чём никогда не виноваты.

ГОРОД МОЕЙ СУДЬБЫ

На реке Оке да на Орлике
Вырос город моей судьбы.
Переулки его и дворики
В свете утреннем голубы.

Деревянный да белокаменный
В изумрудном кольце садов.
Только память его с окалиной
От пожаров былых годов.

Помнят липы его да акации,
Помнят люди его сполна
Время страшное «оккупация»,
Слово проклятое «война».

И тянулись, как вечность, месяцы,
И стучали шаги сильней
По ступеням железной лестницы
Раскалённых ночей и дней.

Город мой, до глубин израненный,
Исковерканный до венца,
Содрогнулся на зорьке ранней
От истерзанного лица.

Но прошли-прошумели месяцы,
И теперь, через много лет,
По ступеням зелёной лестницы
Снова льётся небесный свет.

И горит, как огонь содружества,
Ярче многих других огней
Пламя стойкости, пламя мужества,
Пламя памяти грозных дней.

ЯБЛОКИ

Зреют яблоки, соком полнятся;
Но в пахучую пору эту
Мне другие яблоки помнятся
И совсем другое лето.
Берегами, заросшими рощами,
Весь в пыли и поту от похода,
По разбитым дорогам Орловщины
Август шёл сорок третьего года.
У людей же улыбки радушные,
Будто нет ни разрухи, ни голода.
Площадь шумно людьми запружена,

Словно вышло с цветами лето,
 И встречает сегодня дружно
 Русских воинов гулом приветов.
 Я стоял возле матери смирно,
 От рассвета ёжился зябко...
 Вдруг
 Солдат в гимнастёрке застиранной
 Протянул мне
 Два спелых яблока.
 Были яблоки крутобокие.
 И, взглянув на весёлые лица,
 Тот солдат улыбнулся и, окая,
 Мне:
 – Возьми. Отобрал у фрица.
 Мне как будто сказать было нечего.
 Я стоял и молчал, как рыба.
 Только к матери жался застенчиво
 И совсем забыл про «спасибо»...
 Годы скачут, как белые лошади.
 Я теперь вспоминаю часто,
 Как тогда на гудящей площади
 Ел я сочные яблоки счастья.

***

Дорога устала от бега
 И шума летящих колёс.
 Дыхание первого снега
 Над рощами ветер пронёс.

Как будто приходит старенье
 Всему, что цвело и жило.
 Деревьев немые коренья
 Ворочаются тяжело.

И в травах засушенных разных
По-лунному светит полынь...

Но снова за буднями праздник,
За холодом снова теплынь,
И новая зелень побега,
И старая песня колёс...
Дыхание первого снега
Над рощами ветер пронёс.

***

Тот счастлив,
кто умеет замечать
под серый вечер
утренние краски.
На нём лежит младенчества
Печать,
А наши дни стремительны
И кратки.
С далёких дней
Храню одну мечту:
Хочу среди забот и потрясений
И в некрасивом
Видеть красоту,
И в декабре
Увидеть день весенний.

***

Стынет в синем холоде река,
Журавли над рощей отжурчали.
Старая дорога нелегка,
Но трудней, которая вначале.

И только в памяти печальной
Останусь я с тобой вдвоём
Да фотокарточкой случайной
В альбоме стареньком твоём.
И жить ты будешь до мгновенья
Желанной встречи у дверей.
Но это будет повторенье
Судьбы отцов и матерей.

***

Давай сегодня помолчим.
Сердца за нас доскажут сами,
А мы в мерцающей ночи
Сойдёмся тёплыми глазами.
Ведь нам уже немало лет,
И юность наша отшумела,
Но сохранить тепло и свет
Она воистину сумела.
Пускай меж нами был разлад,
Как будто рушилась основа.
Но разве облетевший сад
Весной не зацветает снова?
Кто от любви неизлечим,
Тот знает жизнь под небесами.
Давай сегодня помолчим –
Сердца за нас доскажут сами.

***

По нраву мне
Высокие деревья.
Их чёрных сучьев
Острые углы.
Когда земля,
Как белое поверье,

Отзеленев,
Выходит из игры.
Но в глубине корней
Таится сила,
Гроза прорваться
К солнечным лучам...
Стоят деревья гордо и красиво,
О новых днях мечтая по ночам.
И, облаков вершинами касаясь,
Они-то знают мужества удел.
В них бродит гулко
Новой жизни завязь,
Им песни века ветер нагудел.
Их высота
Мне с каждым днём роднее,
При встрече с ними
Радостны глаза.
Высоким быть – тревожней и труднее:
Разит высоких первыми гроза.
Вот почему растёт во мне доверье
К деревьям тем, с которыми расту...
Не умирают гордые деревья,
А гибнут,
Покидая высоту.

СТАРИК

Он давно одевается не по моде
и живёт в комнате,
где полы чисты,
где единственная фотокарточка
на комодe –
девушка
удивительной красоты.

У него седые усы и брови
 и от времени выцветшие глаза.
 Ничего, что вид у него суровый,
 он может многое рассказать.
 Например, о том, как в году двадцатом
 в Красной Армии был молодым трубачом,
 голодал
 и спал на полу дощатом,
 но казались трудности ему нипочём.
 Или, скажем, о том,
 как любил он девушку,
 да её беляки сожгли на костре...
 А теперь говорят ему многие –
 дедушка,
 да и сам понимает он – постарел.
 Или, может, о том, как мечтал он часто
 ночами тёмными в Брянских лесах,
 что ему самому улыбнётся счастье,
 и улыбка блуждала в рыжеватых усах.
 А теперь
 в старом чайнике
 кипятит себе воду,
 сам стирает
 и сам готовит обед...
 Но бывает порою –
 подходит к комоду
 и долго смотрит на женский портрет.

Он мурлычет задумчиво
 старую песню
 про ударный и боевой батальон.
 В месяц раз
 приносит ему пенсию
 девушка с веснушками – почтальон.

Нет у него
 ни родных, ни близких,
 а друзей он давно уже всех растерял:
 числится кто-то
 в посмертных списках,
 кто-то министр,
 а кто – генерал...
 Только иногда затоскует страшно,
 словно пожалеет о чём-то большом.
 А если кто мимоходом спрашивает:
 «Как поживаете?»,
 говорит: «Хорошо».

Он не ждёт никого,
 ничего не требует,
 говорит:
 «Была бы крыша над головой,
 соли щепоть, да ломоть хлеба,
 да родная земля под ногой...»

***

Последний снег.
 В его прощальном хрусте
 Мне песня лебединая слышна.

Твои глаза,
 Как две большие грусти,
 И в них плывёт,
 Качается весна.

Зачем грустить?
 Всё в жизни повторится:
 И этот снег,
 И расставаний боль,

И лишь, как сон,
Блуждающий в ресницах,
Не повторится
Первая любовь.

***

Женщина
Расчёсывает волосы,
В зеркало блестящее глядит.
Света перепутанные полосы
На её волнуются груди.
Отчего же полосы волнуются?
Вся она в стекле отражена,
И, стеной закрытая от улицы,
Грудь её почти обнажена...
Тишина.
Ни звука и ни голоса,
В неширокой комнате одна
Влажные расчёсывает волосы
Женщина у белого окна.
Почему же так неосторожно?
Даже занавесок не свела,
Словно так сегодня и положено,
Если красотой расцвела.
И ложатся волосы богатством
На живую обнажённость плеч
Для кого-то золотистым царством,
Для кого-то
Как по сердцу плетъ.
Красоты
Нечаянный свидетель,
Отрываю грешные глаза.
Так уходят от соблазна дети
И глядят с надеждою назад.

Но теперь, не сожалея вовсе,
 Что тогда в окно не постучал,
 По плечам распущенные волосы
 Вижу в свете белого луча.
 Сквозь метели белые и ливни
 Я её поныне узнаю –
 Полуобнажённую, без имени,
 Незнакомку давнюю свою.
 Чья она жена или невеста?
 Кто её ласкает по ночам?
 Почему глядит во тьму невесело,
 Волосы рассыпав по плечам?
 А возможно, даже не печалась,
 В той же узкой комнате одна
 Синими глазами излучает
 Нежность беспокойную она.
 Женщина расчёсывает волосы,
 Словно пряжу медленно прядёт.
 Тишина.
 Ни звука и ни голоса.
 И никто, наверно, не придёт.

***

Нет, я не потерял свои права,
 И не в угоду умнику слепому
 Я говорю обычные слова
 О том, что *верен я родному дому.*

Нет, я не спорю с умником слепым,
 Который от начитанности млеет,
 Пускать слова и фразы, словно дым,
 Он от житейской мудрости умеет.

С ним трудно спорить.
Он, пожалуй, прав.
И мыслей ход его предельно ясен.
И всё же, все премудрости поправ,
Я говорю спокойно:
«Не согласен».

Приятель мой, ты мудрый человек,
Ты видел жизнь, её порыв суровый,
И времени стремительный разбег
Тебя несёт вперёд,
Как ветер новый.

Но посмотри пронзительно вокруг.
Пуškai ты много видел, много знаешь,
А вдруг ты ошибаешься, а вдруг
Чего-то в жизни ты не понимаешь,
И то, что выдаёшь ты за своё,
Заветное, как слово или дело,
Накаркало когда-то вороньё
И до тебя случайно долетело.

Среди земных ошибок и удач,
Среди земных признаний и гонений
Есть плач как смех,
И смех как лёгкий плач,
И много, много затаённых мнений.

Прости меня за честные слова.
Конечно, в жизни этой всё не ново.
Нет, я не потерял свои права
На это недосказанное слово.

***

Лето русское, прости,
Что люблю я больше осень.
Мне по осени нести
Снежность зим и нежность вёсен.

Мне по осени гореть
Околдованно и долго,
Словно клёну на горе
За Окой или за Волгой.

Мне в прохладе золотой
Слушать шорохи и звуки...
Но куда же ты? Постой! –
Я протягиваю руки.

Слышишь, лето, погоди,
Не спеши по бездорожью.
Ночь немая впереди
Пахнет влагою и рожью.

По оврагам бродит жуть,
Дико прячется от солнца...
Хочешь, лето, провожу
Я тебя
до горизонта?

ПОДАРОК

По марту, по рыхлому снегу,
По зимне-весенней Оке
Иду я к родному ночлегу
С весёлым подарком в руке.

Подарок молчит, отдыхая.
Иду я себе не спеша.
И вдруг
                мне навстречу, вздыхая,
Подходит ночная душа,
Знакомая, вроде соседа,
И мне говорит:
– погоди,

Ты это... со мной побеседуй,
А лучше – меня проводи.
А я говорю, как бывало,
Оглядываясь, как в лесу:
– Ты знаешь, времени мало, –
Я дочке подарок несу.
– А ну покажи, что за штука?
Взглянул, засмеялся – и прочь.
Мудрёная это наука –
                подарки и тёмная ночь.
Сняла с меня милая стружку:
– Уж больно ночами ты смел!

А нёс я по снегу Петрушку,
Который смеяться умел.

***

Зима переписала набело
Черновики осенней непогоды.
Простуженное солнце обвело
Неярким светом облачные своды.
И утреннего снега чистота
Меня опять волнует и тревожит,
Как откровенность белого листа,
Которая не волновать не может.

***

Страх начинается с сомнений,
Он нарастает, как обвал,
Сбивает грозно на колени
И убивает наповал.

Его расширенное око
Пронзает с головы до пят,
И слепнут голубые окна,
И сны зловецкие скрипят.

Но есть победное движенье:
Сгорают люди на кострах,
И уползает от сожженья
На хищных лапах липкий страх.

А есть оружие иное,
Оно уверенней вдвойне:
Людей и смертью, и войною
Не запугаешь на войне.

И сердце – вечная бойница –
Готово выдержать бои.
Кто был в огне,
Тот не боится
В колючих звёздах раствориться
За убеждения свои.

***

Не знаю, кто где упадёт
И обо что свой лоб остудит,
Но знаю –
Кончится полёт,
И время всем судьбою будет.

Всему есть в жизни свой черёд:
Любить, надеяться, смеяться
И с одиночеством смиряться,
Когда оно к тебе придёт,
И умирать –
Держать ответ
За всё, что сделано за годы,
Которых нет уже, как нет
Ни радости и ни заботы.
Но перед смертью страха нет.
В часы труда и вдохновенья,
Выплёскивая людям свет,
Боюсь не смерти,
А забвенья.

Белое бессмертие берёз
Я был давно.
Ещё я долго буду,
Пока стоит единственная Русь,
Готовая к величию, как к бунту,
Заученная сердцем наизусть.
Я русский пахарь,
Сеятель и воин.
В глазах моих –
Синь неба и воды
Да бешено-немая жажда воли
С пророчеством неведомой беды.
По мне идут столетия и бури,
Их боль ложится солью на виски.
Татарами изрубленный в куски,
Я поднимаюсь вновь,
От горя бурый.
Меня чужие дико топчут кони,

И вороны клюют мои глаза,
Но я встаю, уверенно-спокойный,
Иных столетий слыша голоса.
Я – Русь.
Встаю и падаю
И снова
    Встаю!
И на губах горит полынь.
Я – Русь. Её начало и основа,
Её полей опора и теплынь.
Я был убит на поле Куликовом,
Но вновь восстал.
И в Бородинский бой
По старым и неписанным законам
Закрыл Россию горькую собой.
Я – Русь.
И отступают вражьи орды.
И так всегда
В пожарах новых гроз
Не гибну я,
А прорастаю гордо,
Как белое бессмертие берёз.

ИВАН ПОДСВИРОВ

***

Однажды в час унылого ученья,
 Когда катилось солнце по холмам,
 Предрёк судьбу мне наш учитель пенья:
 «Ты обречён хвосты крутить быкам!»

Ах, Боже мой, какая злая доля
 Была мне уготована навек!
 И плакала навзрыд девчонка Оля,
 Что я совсем пропащий человек.

Я убежал в пещерную обитель,
 Калину ел с продрогшего куста,
 Но позже убедился, что учитель
 Судьбу мне напророчил неспроста.

...Доныне я во славу милых дам
 Кручу хвосты романам и стихам.

1997

***

Перед войной рождён я на кордоне,
 При свете Эльбруса и горных ледников.
 В тот год у нас в конюшнях ржали кони –
 К печали смертной древних стариков.

Отечеству служили мои предки –
 Хопёрский полк, воспрянь и Расскажи!
 Но спят богатыри и малолетки*
 У роковой, не отданной межи...

---

*Малолеток – молодой казак, ещё не достигший призывного возраста.

В роду старшин и гордых атаманов
Я стал безроден, и родной колхоз
Послал меня, босого, «за туманом»,
Закрыв последний классовый вопрос.

И вот доселе я скитаюсь сам не свой:
Чужой – в Москве, на родине – изгой...

1997

***

Мой отец вернулся в сорок пятом
В День Преображения Христа.
К нам явился гвардии сержантом,
Пулей не целованный в уста.

Помню: истомился светлый август,
От жары поникла лебеда...
Но медаль сержанта «За отвагу»
На груди сияла, как звезда.

Посредине улицы широкой
Я стоял, сияньем ослеплён.
Кто сей гость, победно-светлоокий?
Чей родитель и откуда он?

И тогда ответил мне папашка,
Доставая с табаком кiset:
«Эх, сынок, такая вот промашка –
Мы с тобой не виделись семь лет».

Так в пыли горячей и сегодня
Я стою на улице, малец.
В День Преображения Господня
С фронта возвращается отец...

*Станица Кардоникская
2000*

***

Наш горестный поэт исторг моление:
 «Россия, Русь! Храни себя, храни!»
 Но есть над нами Божье провиденье –
 В нём предначертаны века и дни.

Иные дни, иные сроки будут –
 Для Родины лихие времена.
 Осина в нетерпенье ждёт Иуду
 И не дождётся, и сгниёт одна.

В реакции распада зреют зёрна,
 Помолом грозным бредят жернова...
 Кружит над Русью вестник – ворон чёрный,
 Бессильна речь, святая даль мертва.

И всё же верь: настанут наши дни.
 «Россия, Русь! Храни себя, храни!»

1997

***

На зеркале пруда две зыбких тени
 Вербы зелёной как судьбы излом...
 Полёт гусей над сонмом отражений,
 Над блеском вод, принявших майский гром.

Выходит белый мельник – наш мирошник,
 Сын кулака и плотник-эрудит.
 Он водопад в лоток пускает мощный
 И слушает, как мельница гудит.

Ты мне сказала: «Дом я не покину»,
Сказал и я, что мельницу люблю.
Её снесло. Мирошник умер в тине,
И я на хладный жернов водку лью.

В пустом жилище стонет домовой,
А ты не возвращаешься домой.

1997

***

Любе

Мгновения любви непостижимы:
Случайный взгляд, прикосновение рук.
На камне ты стояла, шёл я мимо,
Кипел поток... И ты качнулась вдруг

Над краем скал, над стерегущей бездной,
Но пальцы наши вовремя сплелись.
Знак провиденья. Речи неуместны
Там, где парит Божественная высь...

А после мы в долинах рек блуждали,
И к урожаю вызрел серп луны.
Осенние, с прозрачной грустью дали
К нам были снисхождения полны.

Не сон ли с гор несущийся поток
В стране далёкой, где алел восток?

1997

***

Ты с Монастырки вновь явилась в свет.
Садись, и, если хочешь, выпьем водки.
Ну, как там поживает наш поэт,
Певец Орла и затонувшей лодки?

Я люстру погашу, зажгу свечу,
 В твоих глазах увижу омут тайны.
 И жгут волос, сбегая по плечу,
 Навевает мне горячий вихрь матани.

Не упрекай: тебя я не забыл,
 Но знай: в душе и на Кавказе смута.
 И оттого мне не хватает сил
 Всю горечь выразить, чтоб вырваться отсюда.

«Ах, дорогой, превыше войн и смут
 Мгновенья этих радостных минут».

1997

***

Мне жаль синиц, озябнувших на ветке
 При зареве негреющей зари.
 И попугая жаль в роскошной клетке,
 Который что-то людям говорит.

Старик собаку на платформе бросил.
 В толпе она бежит, скулит слегка
 И, замерев, над рельсами голосит...
 Мне жаль её, но жаль и старика.

Минводы, Пятигорск, Ессентуки –
 В раю земном я помирал с тоски
 И грезил тем, что ускользало мимо.
 Любя мечту, я мало жизнь любил
 И женщин предавал из-за чернил.
 Мне жаль себя, банкрота-пилигрима...

1997

***

Как в детстве, светел месяц над Шаханом*,
Над речкою Аксаут, надо мной.
В верховьях, околдованных туманом,
Шумит вода и долог волчий вой.

На перекатах серебро струится,
И свет вершин невыразимо чист.
И в нашей горной дремлющей станице
Грустит о чём-то поздний гармонист.

Исполнены значенья в этом мире
Блеск ледников и тени от плетня.
И в палисаднике лиловый ирис
По-родственному смотрит на меня.

Всё неизменно. Только нет отца,
И мама не встречает у крыльца...

1997

***

Объята горы чуткой тишиной,
Звезда остановилась над Шаханом
И шлёт ему сквозь пелену тумана
Поклон от нашей матери родной.

Она глядеть любила поутру
На смутный силуэт казацкой вышки.
И вот однажды из калитки вышла
И больше не вернулась ко двору.

---

*Шахан – название горы.

Свечою трепетной звезда горит,
 И что она Шахану говорит,
 Нам не дано понять...
 Мой брат и сёстры
 И вся моя станичная родня
 С немой мольбою смотрят на меня.
 И я молюсь, глотая воздух острый...

1997

***

Мохнатый шмель увяз в пыльце цветочной,
 Поднявши золотистый хоботок.
 Летит пчела над муравьиной кочкой
 И падает со взятком на леток.

Лимонный свет подсолнухов в ложбине,
 С холмов полынный запах чабреца...
 Какая благодать! Но сердце стынет
 От взгляда напряжённого бойца.

Окопы. Рвы. Движение батальонов.
 И беженцы из яростной Чечни.
 Маджары, Святой Крест, или Будённовск, –
 Зловещий знак отчаянной резни.

Мир ослеплён враждою. Лишь пчела
 Несёт дар солнца – капельку тепла.

Курский район, Ставрополье
 1997

***

Шумны речушки – горы молчаливы.
Они, как стражи, с пиками стоят.
Морщин кембрийских мрачные извивы
Орлиный завораживают взгляд.

И мысль пронзит: среди немоты Вселенной
Напрасно счастье на земле искать.
Остановись и преклони колени
У этих недоступных синих скал.

Горам неведомы мирские страсти,
Они тебя вовек не предадут.
Как дом родной, распахнутые настезь,
Всех блудных сыновей из странствий ждут.

Однако лишним словом среди скал
Не разбуди губительный обвал.

1997

ВИДЕНИЕ

Я недавно к Бруту ехал,
Чтоб узнать: а Цезарь где?
Вижу вдруг – седая Пьеха
Сеет песни в борозде.

И тогда я крикнул: «Ева!
Брось ты сеять в звёздной мгле,
Обернись прекрасной девой –
И помчимся мы к Земле!»

Отвечала мне Эдита:
«Мой Адам сгорел в огне...
Оглянись: Земля убита,
Бледный всадник на коне».

Не посмел взглянуть я в бездну.
Обратясь лицом к звезде,
Лишь спросил с тоскою Ездры:
«Господи, а люди где?»

1998

***

Здесь ни с кем я больше не знаком,
И с луною тягостна беседа...
Мне приснилась в платье голубом
Девочка, которую я предал.

Подошла, застыла у окна –
Близкая, желанная, родная...
И душа сиянием полна:
На земле врата открылись рая.

Что ж я плачу?

И молю: «Прости»,
Хоть не жду прощенья и пощады.
«Милый, милый, слёзы впереди.
Ты со мной, я счастлива и рада».

Я припал покаянно к губам –
Но как лёд стекло оконной рамы.
Никого. Молчит вблизи верба,
Бледный лик истаял над горами.

...Здесь ни с кем я больше не знаком,
И с луною тягостна беседа...
Мне приснилась в платье голубом
Девочка, которую я предал.

1998

***

Бывают ночи – длинные, как жизнь,
Бывают годы – что одна минута.
На взлёте говорю себе: «Держись!»,
В паденье не желаю парашюта.

Красавица в манто
идёт в кино
И сокращает путь свой до стардома.
Остановить мгновенье не дано –
И в пепел обращается солома.

Такие вот престранные дела
Вершатся изначально на планете.
Ко мне сегодня девушка пришла –
Не знаю лишь, в каком тысячелетье...

Долгопрудный – Орёл
1999

***

В этом мире никто не уступит,
Не спасёт, не протянет руки.
Ты не верь, что тебя кто-то любит, –
Просто воду берут из реки.

После дождика радуга в поле
Воссияла небесной красой.
Есть одно утешение в боли –
Этот свет над тобою и мной.

Есть одна благодать и отрада –
 Одиноко средь поля стоять.
 Видеть то, что сокрылось от взгляда
 И уже не вернётся назад.

Что-то шепчут забытые губы –
 Только горек их выпитый мёд.
 ...Всё же верь, что тебя кто-то любит
 И однажды к себе позовёт.

1999

***

Я ехал домой в электричке,
 Качался народный вагон...
 И кто-то по пьяной привычке
 Блевал из окна на перрон.

Мне чудился замок во Мцхети:
 Кура и Арагви кипят.
 Но рядом в ковбойках и кепи
 Небритые тени храпят.

Мутило от рвани и прели,
 От жалости странной к бомжам.
 Вчера я парил с Руставели,
 Сегодня вернулся в бедлам.

Вчера мне грузинский правитель
 Показывал древний Тифлис.
 Сегодня я еду в обитель,
 В прибежище сырых и крыс.

Спасибо, генсек, за науку,
 За правдинский мой кругозор.
 Я видел дворец ваш и суку,
 Бежавшую к вам на бугор.

Спасибо за даль коммунизма,
За ваш обновлённый уют,
За то, что в родимом Архызе
Столетние сосны растут.

За Раю, достигшую рая
В пределах чужой стороны.
Но жаль мне, что Русь уплывает
В забытые древние сны.

Свихнулась с орбиты планета,
Ждёт кары предатель и раб.
О, эта зловещая мета –
Во лбу фиолетовый краб!

Но ходит во тьме электричка,
Мерцает всё тот же вагон.
И кто-то по старой привычке
Всё так же блюёт на перрон.

30 мая 1999 г.

***

В Кисловодске, на Горке Согласия,
Есть один позабытый дом.
Там старуха под сенью ясеня
Проминад совершает с котом.
Изрекает он истины вещи:
«Всё проходит... Пройдёт красота».
Говорю я любимой женщине:
«Дорогая, не слушай кота.
Не гляди на старуху беззубую –
Знать, такая дана ей судьба.
Если молодость чья-то погублена –
Эта участь минует тебя.

Посмотри, как над Горкой Согласия
Выткан к празднику звёздный ковёр.
Облетевшая крона ясеня
В срок раскинет зелёный шатёр».

*г. Кисловодск
4 января 2001 г.*

***

Притёк я, нищий, с горькими плодами
К подножию Кавказского хребта.
Здесь храм стоял, обветренный веками,
Но дни пришли – ни камня, ни креста.

Казацкий край – оплот бывлой державы,
Епархии Аланской гордый сын –
Повержен в прах.
И Эльбрус величавый
Над бездной держит судные весы.

Где курень мой, обитель вдохновенья?
И отчего угрюм казак-джигит?
Рыдаю и пишу стихотворенье:
«В Сторожевой* никто не сторожит».

Не встанет из могил казачья рать,
Удел живущих – черепки собирать.

2002

---

*Сторожевая – станица в Зеленчукском районе, покинутая кубанскими казаками в дни последней смуты.

ПЁТР РОДИЧЕВ

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Сыну Алёше

Уйти, уехать, улететь –
как заново родиться...
Тут мало просто захотеть,
тут дай-то Бог решиться!
И где-то в дальней стороне,
на взлёте устремления,
молю, чтоб здравствовал во мне
азарт преодоления.
Дойти б до самого конца
без страха и упрёка, –
прожить,
не отвернув лица
от правды, что жестока;
от неожиданной беды,
пришедшей в дом соседа;
от зла, – святее нет вражды,
коль за добром – победа;
от наглецов, сорвавших куш,
обретших хватку волчью,
от золотых безвестных душ,
беспомощных воочию...

Но как бы выбор мой и впредь
ни высветлял дорогу,
я не смогу преодолеть
за этот мир тревогу.
...Ушёл, уехал, улетел,
и, чтоб не укачало,
я сам себя преодолел,
лиха беда – начало!

***

Рябина долго накалялась,
потом взыграла, как салют...
Давно так сердце не сжималось
в тисках волнующих минут.

Огонь рябиновый струился,
и свет его – отменно ал –
с дороги памяти не сбился,
до сокровенного достал.

И вспомнил я тропу лесную
и в ту войну опять шагнул...
...Фашист не выследил связную,
предатель глазом не моргнул.

В пути
    карательным отрядом
окружена, обречена,
Вдруг обернулась листопадом
едва расцветшая весна...

Мальчишеским тревожным оком
я видел сам – душа рвалась –
в бою неравном и жестоком
она живою не сдалась.
С её последним донесеньем
я крался прочь от тайника...

И горько мне в лесу осеннем
глядеть в тот день издалека –
из мирных дней,
                                из самой гущи

открытой жизни на износ –
и в перехватчике ревущем
ловить предвестье новых гроз.

Всё ж на судьбу я не в обиде,
хоть нелегка её печать:
равно любя и ненавидя,
за всё на свете отвечать.

***

Хожу, измученный весной,
и ожидаю чуда.
Боюсь, не грусть всему виной, –
не быть ему. Откуда?

В пелёнках мартовских ночей
природа терпелива.
По капле собранный ручей –
душа всего разлива.

Я сам по капле накопил
надежд большие воды,
с тех пор себя приговорил
у моря ждать погоды.

Не брать же на душу мне грех –
в таком огромном мире
расцеловать её при всех,
уйти на все четыре...

***

Благодарение богам
за синеву в глазах у милой:
прошла по мартовским снегам –
и все подснежники затмила...

И как по тоненькому льду,
готовый тут же провалиться,
я по следам её бреду,
и мне уже не воротиться!

Казалось – дрянь мои дела,
душа в отчаянье замкнулась;
но вот она почти спасла,
хотя всего лишь оглянулась...

***

Придумай мне такое слово,
в котором нежность и тоска,
с которым памятью бывшего
моя наполнится строка.

Придумай мне такую встречу,
чтоб радость хлынула рекой, –
я и обмана не замечу,
и все обиды – как рукой!

Придумай мне такую ласку,
чтоб грусть навеки уплыла, –
я полюблю тебя как сказку –
волшебницу добра и зла...

***

Попутчица неласкова,
невесело глядит.
Кленовый лист из Спасского
ей губы холодит.

Луна едва наметилась,
и сумерки нежны,
к тому ж тропинка встретилась
безумной крутизны.

И надо быть везучею –
чтоб так спешить к реке
и уцелеть над кручею
на дамском каблук...

Пускай не знает девушка,
когда в последний раз
похаживал здесь дедушка,
высок и седовлас;

зато известно истинно,
что был он однолюб;
по русской – столь изысканно –
всю жизнь вздыхать ему б...

Но, как заря атласная
Дворянское гнездо,
зажгла его
напрасная
Полина Виардо.

Таланты и поклонники –
восторженная высь:
в анналах светской хроники
поди-ка разберись...

Не потому ль неласково
попутчица глядит?
Кленовый лист из Спасского
ей губы холодит.

ЗАМАНИХА

Тихий ужас произвола...
В телефон с мольбой трубя,
существо другого пола,
не дозволялся я тебя
ни к себе на день рожденья,
ни за город, ни в кинцо...
Красит ветер отчужденья
в серый цвет моё лицо.

И зачем ты мне дарила
этот город на Оке,
если всё, что в сердце было,
было замком на песке?

То ли замок, то ли терем,
то ли блочный исполин...
Привыкай, душа, к потерям:
я у милой – не один.

У неё и в одночасье
могут сбыться семь погод:
и успешное согласие,
и внезапный поворот...

От вокзала, от причала,
от воздушного порта,
видно, вновь её умчала
прихотливая мечта.

И в письме, таком нескором, –
настроений жуткий крен
да цветущее задором
многоточие измен...

***

*Стихи, навеянные «Алёнушкой»
художника В.М. Васнецова*

Пробьёт ли час –
к манящим берегам
вернуться мне
из затяжных скитаний
и, наконец,
упасть к твоим ногам
листом осенним
с дерева мечтаний?..
Застать тебя
на том же валуне,
где в ожиданье,
голову теряя,
и ты пылаешь
в чувственном огне –

любимая
и вечно молодая.
Там,
в зеркале заветного пруда,
ещё цветёт
волос твоих кувшинка
и синих глаз
глубокая вода
с ответным взглядом
ищет поединка...
И я нигде
покоя не найду
и счастья;
задыхаясь от погони,
всё буду мчать,
пока не упаду
листом осенним
в чуткие ладони.

***

Милый клён,
и ты поддался, старина?
Отшумела твоя юность
зелена;
треплет осень
пятерней своих ветров
бронзовеющую вольницу вихров.
От тебя,
хотя ещё шикарный вид,
что-то солнце отвернуться норовит;

может, завтра
я и сам у злой черты
буду ласкою обманут,
как и ты...

***

Эти сумерки с кострами,
этот лиственный дымок,
эти песни вечерами
сердцу влюбчивому впрок.
Сладко девушкам поётся,
да и песня ничего:
«Сердце бьётся, бьётся, бьётся
и добьётся своего...»
Искушённый нежным ядом,
я мечтать и то робел,
чтоб с моим бы ровень взглядом
взгляд любимой голубел.
Сердце многого добилось,
как не верить в чудеса:
лист потёк, а мне приснилось –
расплелась Её коса...

***

Дай мне, осень, отсрочку,
видишь – я не успел
развязать в одиночку
узелок моих дел.

Потому что не схожи
суета и мечта.
Лезть бы к цели из кожи,
только совесть не та...

Полыханьем багряни,
осень, ты не спеши
сгладить острые грани
на изломах души.

Поздно думать о лете –
прибавляя утрат,
изнемог в пируэте
листопад, листопад...

Мне привиделось ныне,
будто из-за реки
дуб высокий к рябине
перебрался с тоски.

Так им стало сподручней
опираться в буран
друг на друга над кручей,
углубляться в роман...

***

Небо ночное, колючее,
в горле молчанья комок;
что-то не помнится случая,
был ли я так одинок...

Сердце моё спотыкается
от волхвования звёзд.
В чём же иду я покаяться
к маме на тихий погост?

Дня ли не выбрал наведаться,
сбился ль с пути – не дошёл?
Сжался, Большая Медведица,
вычерпай слёзы ковшом...

ВИКТОР **ДРОННИКОВ**

***

Я спал в зеленой колыбели
У птичьей песни на краю,
Когда железные метели
Накрыли Родину мою.

Свинцовых струй вражда слепая,
Цветов кровавая купель.
Мать. Мама. Девочка седая
Мою качала колыбель.

Прошла гроза, и вслед за громом
Над вешней Родиной моей
Всем существом, зеленым горлом
Ударил ранний соловей.

Как будто пел за всех пропавших
У птичьей песни на краю...
Как чутко древний свет ромашек
Овеял Родину мою.

МОЛЕНИЕ О ВИТЯЗЕ

За ушедшего на битву,
За последний русский край
Я шепчу одну молитву:
– Витязь мой, не умирай...
Подрывной волной фугасной
Гнут Россию на излом.
Господи, не дай погаснуть
Русской жизни под огнем.
По крови бежит остуда,
Как от раны ножевой.

Витязь мой, приходи оттуда
Невредимый и живой.

.....

Сколько русской крови льется...
Господи, не покидай
Всех, кто бился,
Всех, кто бьется
За последний русский край.
Вот и вся моя молитва
До последнего конца,
Только б слитно,
Только б слитно
Бились русские сердца.

***

Нет-нет да и вспыхнет во мне забытьё,
Как тайное чьё-то желанье...
Как будто чужое и всё же моё
Короткое воспоминанье.
К чему этот знак из далекой дали,
Точней, из военного лета?
Трехлетним гляжу я на зелень земли
Сквозь стеклышко синего цвета.
Гляжу я на солнце цветное с крыльца,
Гляжу на заречную пойму...
Не помню я взрывы... не помню отца...
А синее стеклышко помню!

***

О Русь-Россия, как разнится
В стихах поэтов образ твой:
Для Гоголя ты тройка-птица,
А Блок назвал своей женой.

Я потому пишу об этом,
Что мне нисколько не смешно.
К таким классическим поэтам
Быть непочтительным грешно.

Своя у каждого Россия!
Но в чёрный день, забыв свое,
Какое сердце не просило
Победы Божьей для неё.

Когда земель её алкали,
Тех, кто на стягах носит ночь,
Соединенными полками
Она отбрасывала прочь!

Россия русским – Берегиня,
«И синь, упавшая в реку»,
И безутешная княгиня
В бессмертном «Слове о полку».

И для меня как свет в оконце
С рождения до крайних дней
Россия – лик! Россия – солнце
С чертами матери моей!

ВИТЮТЕНЬ

Витютень стонет: – Вить,
Скоро гнездо мне вить,
Скоро гнездо мне вить,
А дерева нет у меня.
Дерево посадить –
Некому пособить.
Некому пособить...

Где ж ты, моя родня?
Знаю я, каково
Жить без гнезда своего,
Жить без гнезда своего –
Грустно на свете жить.
Дерево посажу,
С птицами я дружу.
С птицами я дружу,
С ними легко дружить.
Витютень снова: – Вить,
Дай мне росы испить,
Дай мне росы испить.
Стань для меня отцом.
Имя твое любить,
Взгляды твои ловить,
Взгляды твои ловить
Я научу птенцов.
Дерево посадил.
Витютеня напоил...
Сел отдохнуть без сил –
Тут и сошлась родня.
Каждый меня хвалил.
С каждым я пригубил...
Имя своё забыл.
А было оно у меня.
Кто я, в какой стране?..
Весь я горел в огне,
Сам становясь огнем.
Спутались свет и тень...
Где ты, мой витютень,
Где ты, мой витютень?
Где мой родимый дом?
Спутались явь и сон...

Птицами был спасен,
Птицами был спасен.
Ввергнутый в забытье,
Вышел в осенний сад –
Птицы на взгляд летят,
Птицы на взгляд летят,
Имя поют моё!

***

Могилы замшели, как лодки,
Не пристынь – пустыня утрат.
Деревья склоняются кротко,
И с братом не ссорится брат.

Но странно, в любую погоду
(Так птицы сбиваются в круг)
Все больше здесь стало народу
Из новозаветных старух.

Как будто с холерного пира
Бредут, выбиваясь из сил,
Как будто они не от мира,
А жители этих могил.

Неясному зову послушны,
Часами стоят у оград...
Нет места им в жизни бездушной,
И нет им дороги назад...

ЗМЕЯ

Она в траве осенней грела
Своё бескостное кольцо.
И кажется, что не смотрела,
Что не смотрела мне в лицо.

Дремотно спущенное веко
Не выдало и легкий вздрог.
И я по праву человека
Её разглядывал как мог.
В сгущающемся напряженье
Я знал: меня не усыпить.
Шло молчаливое сраженье,
И кто-то должен уступить.
Я уступил... Сухая былка
Под шагом треснула как раз...
И я почувствовал затылком,
Как у змеи отверзся глаз...
Так бездна всеми голосами
Земной озвучивает прах,
Когда смыкается глазами
Со страхом первородный страх.

ЛОДОЧНИК

К нему не ходят на постой,
К нему ходить невесело.
И дом обходят стороной,
Страшась его профессии.
Он не был баловнем судьбы,
Живет один, как демон.
Он нынче делает гробы,
А раньше лодки делал.
Бывало, ночь дохнет грозой,
Все вымрет в околотке,
И только он на чей-то зов
Отважится на лодке.
Но как-то местным подлецом
Был тайно оговорен.

И в ночь глухую под крыльцо
 Подъехал «черный ворон».
 Никто не знает, где он был,
 В каких краях болотных.
 Одно лишь знаю, что гробы
 Он делает добротню.
 От той поры у старика
 Осталась эта странность.
 Когда вскрывается река,
 Он запивает страшно.

ПЧЕЛА

Поистерла крылышки пчела
 В луговом цветущем бездорожье.
 В венчике ромашки умерла,
 Как уснула труженица Божья.

А когда просохла тишина
 Там, где конь травую сочно хрупал,
 Муравей, трудяга, как она,
 Приволок её под хвойный купол.

Пчелы не волнуются о ней,
 И никто её искать не будет.
 В лихорадке медоносных дней
 Сколько их в свой домик не прибудет...

Без вести пропавшая в лугах,
 Жизнь пчелы как Божия отрада!
 Пчелы умирают на цветах –
 Лучшей доли и желать не надо.

УТРО В ДЕРЕВНЕ

Я вслушиваюсь в сад –
Там перезвоны, стуки
Превыше всех наград
Земли родные звуки.

Зачем писать стихи –
Сиди, смотри и слушай,
Как сохнут лопухи
И пьёт телок из лужи.

Среди грызни, возни,
Порядка, безобразья
Попробуй объясни
Весь смысл многообразья.

Я на бревне сажу,
И грусть меня не точит.
Пойду переспрошу,
О чём петух хлопочет?

***

Не осуждайте мои привычки,
Они не ваши, они мои.
Ко мне на плечи летят синички,
Ну чем синички не соловьи?

Зачем мне кисти, зачем полотна,
Зачем мне мудрость чужих страниц?
Ведь так отраднo, что так щекотно
Кормить в ладонях своих синиц.

Я зачарован их чудной речью,
Осталось только в слова облечь.
Я научился на человечью
Переводить их синичью речь.

Мои синицы... Я так их слышу...
Осталось только мне птицей стать.
Совсем не трудно взглянуть повыше –
Взглянуть повыше – как полетать.

***

Разве словом жизнь переиначишь,
Разве сердцем зло перетолчешь?
Вот ты и смеёшься, словно плачешь,
Вот и плачешь, словно бы поешь.

Лучше б ты не слышал и не видел,
Жил бы, очи Божии любя...
Разве никого ты не обидел,
Разве не обидели тебя?

Потому так истомленно глухо,
С ветром изнеможена в борьбе,
Долетает музыка до слуха,
Словно посвященная тебе.

И тогда по призрачному цвету
С бестелесной дрожью узнаешь
Жизнь, которой не было и нету,
О которой песни не споешь.

***

Если можешь глазами вздохнуть,
Значит, видишь святые пути.
Дальше звезд человеческий путь,
По которому надо пройти.

Сколько раз разбивался я в прах,
Сколько раз выбивался из сил...
Но я знал, кто в незримых мирах
Душу мне на земле осветил.

И когда завершится мой срок
И придется держать мне ответ,
Я сложу на Великий порог
Сбереженный во странствиях свет.

***

От самого себя отстану,
От этой жизни перемётной.
Ни к чьей не прибиваюсь стае,
Поскольку я неперелетный.

Не лезу под чужую крышу,
На чем стою – того и стою.
Когда незримое предвижу,
Я слышу крылья за спиною.

Пока в России есть знаменья,
Я знаю – свет идет откуда!
Россия – Божье озаренье,
А не бесовская причуда.

Она, спеленутая в муки,
Принадлежит тому, кто слышит...
Она очнётся в трубном звуке,
И Бог уже над нею дышит...

***

Деревья дорогу ему уступали,
И солнце спускалось за ним по холму.
И птицы, которые радостно спали,
Открыли глаза и запели ему.

И в том, как цвела под луною дорога,
И в том, как цветами смыкались следы, –
Во всём ощущалось присутствие Бога –
В дыхании неба, земли и воды.

Весь мир представлял как большое дыханье,
И радость восторга теснила мне грудь...
И сердцем владели любовь и желанье
Идти в бесконечный божественный путь...

***

Однажды он душу свою заспал...
Очнулся, а Родины нет.
Он к прежним святыням губами припал,
Но холод ему в ответ.

Он к матери кинулся – матери нет...
Кто знал его – нет никого.
С тоской посмотрел он на белый свет,
И свет посмотрел на него.

Так зрячие смотрят на путь слепых,
    Готовых за свет шагнуть...
Свободный от мертвых и от живых,
    Он встал на незримый путь.

Незримые слезы текли с лица,
    А может, незримый пот.
Это проснулась душа слепца
    И к Богу его ведет.

Где Родина детства, любовь и семья,
    Где знают – откуда он, чей...
И посох его обвивала змея,
    И ворон сидел на плече...

***

Отчизна! Родина! Россия! –
Мои вершинные слова.
В них неотъемлемая сила,
Тысячелетние права
На то, чтоб жить под русской синью
От русских дел не в стороне.
И жить не пасынком, а сыном
В самодостаточной стране.
Не важно – тихо или громко
Слова звучат тебе окрест.
Они твой посох и котомка,
Они твой жертвенник и крест,
Их свет не вычерпать, не вызнать...
Они от Бога на земле!
Россия, Родина, Отчизна –
Слова в единственном числе.

БОЖИИ СТАРЦЫ

Из келий, обителей, дольных пустынь,
 Чтоб с Богом душой не расстаться,
 Выносятся свет православных святынь –
 Несут его Божии старцы.

И все замирает вблизи и вдали,
 Восходит молитва народа...
 О, тайная радость крещеной Руси –
 Пришествие крестного хода.

Где нет гордецов и униженных нет,
 Где нету беды иноверцу...
 И Божии старцы проходят как свет,
 Доступные каждому сердцу.

Гноили заступников Русской земли...
 (А в храмах бесились и выли),
 И в белую замять босыми вели,
 И в тайных местах хоронили...

Рассыпался прах обезбоженных снов.
 А церковь стоит сокровенно.
 И мощи сокрытые Божьих сынов
 В земле прорастают нетленно.

И Русская правда на вере стоит,
 На вере и светлом моленье.
 И каждый святой на Руси – это щит
 И Божие благословенье.

Уже исполняется Божий Завет:
 Архангел трубит за плечами,
 И Божии старцы проходят сквозь свет,
 Сияя святыми очами!

КРЕСТ

Крестом ей выпала дорога –
В какую сторону свернуть?
Россия позабыла Бога
И потеряла светлый путь.
Забыла теплые молитвы,
Знамения и благовест...
Теперь от битвы и до битвы
Несет победы, словно крест.

***

Как бы ни был славен и почитен,
Вечность не примеривай к себе.
Ты в своих поступках под отчётом
Господу, Отечеству, Судьбе...

Выходи за них на поединок,
Защищай их, жертвуя собой,
И тогда сольёшься воедино
С Господом, Отечеством, Судьбой...

***

– Ты слышала? – ночью кричали пролетные птицы?
Я слышал их крики... Иль всё это было во сне?
– Ты слышала? – ночью скрипели в доме половицы...
Входил, выходил кто? – Иль всё это грезилось мне?

Ты знаешь, мне грустно, что я отлучен от природы...
Я где-то не с нею, я где-то поодаль стою.
Не я же, не я на краю золотой непогоды
Кричу над водою и белыми крыльями бью.

Ты знаешь, так тянет на берег дремотной протоки,
Где листьями лилий укрылась вода, не дыша,
Где если и звук над водой, то такой одинокий,
Как если бы плачет и мечется чья-то душа.

– Ты слышала? – ночью скрипели в доме половицы.
Входил, выходил кто из дома иль в дом?
Не я ли там был, где кричали пролетные птицы?
Я был там, я был там и крыльями бил над водой...

***

Кто этот мир? И что мы сами?
Перетекают жизнь и смерть...
О, если б Божьими глазами
Хоть раз на землю посмотреть.

Вот почему светло и слепо,
Когда зияют небеса,
Я запрокидываю в небо
Осиротевшие глаза.

Не удержать звезды в ресницах...
Но сколько лет, но сколько лет
Душа сама летит, как птица,
На Божий свет! На Божий свет!

Когда-нибудь родное небо
Меня приблизит без следа...
Не говорите был иль не был?
Я там, я там, где был всегда...

ИГОРЬ КРОХИН

***

Всего-то и надо –
 Луны,
 Высоких деревьев над речкой
 И редкостной тишины,
 Но только, конечно, не вечной.

Всего-то и надо –
 Всего
 Огромного мира земного,
 Единственного,
 Одного
 Простого и сложного слова –
 Люблю!..

И навстречу шагнуть
 Дорогой морозно-хрустящей
 До звёзд –
 И в себя заглянуть
 С бесстрашием птицы парящей.

***

Была дорога –
 И перепахали.
 Куда же дальше?
 А в объезд – длинней.
 Века по ней телеги громыхали,
 Ходили, уходили – всё по ней.
 Да столько с нею связано за годы...
 Она короче, если над рекой.
 Она – от человеческой природы:
 Всё напрямиком, когда подать рукой
 До огоньков, –
 А в снеговой не жарко!

Заманчиво желтеют огоньки:
Жгут свет, хоть электричества и жалко,
Бессонницей страдая, старики.
Глядят в окно – знакомая привычка,
А ночь течёт,
А темень – глаз коли.
Простукала чуть слышно электричка
На задремавшем краешке земли.
Пресеивают в памяти, как в сите,
Года, события, близких и родных:
Остались лишь зарубки на раките –
Кто был какого росту – от иных.

***

Сырые ветры прошумели в чаще.
Смело снега.
С лугов сошла вода.
Как никогда, дух тополиный слаще,
Дороже каждый миг,
Как никогда...
Ветрами юга разогнало тучи,
И над садами сизые дымы.
Далёко видно над рекою
С кручи:
Поля, и перелески, и холмы.
А в вышине пернатые отряды,
Колебля розовеющую высь,
По звёздам ли,
Земным созвездьям рады,
Смеясь и плача,
К северу неслись.
Над зелеными,
Над речной излукой –
Над Лебедянью
Крылья шелестят.

– К Нерли! К Нерли!.. –
 Прислушиваюсь к звукам.
 Русь пролетает,
 Лебеди летят.

КАНУН

Не родился, а всё уже было
 Решено до меня обо мне,
 Чтобы солнце моё не всходило,
 Не расцвёл медунец по весне...

Не родился, а всё уже было
 Решено до меня обо мне:
 Сколько надо свинца и тротила
 И солдат на пятнистой броне,
 Пулемётов на вышках охраны,
 Душегубок,
 Овчарок,
 Печей
 Крематориев
 И, как ни странно,
 Улыбающихся палачей...

И окрысится с грохотом запад,
 И на воздух взлетит тишина...
 Я родился до этого за год
 В гарнизонном посёлке «Весна».

И рождённому в укрепрайоне
 Встать бы на ноги...
 Из-под огня
 Увозили армейские кони
 В санитарной повозке меня.

***

Уходили, плакали и пели,
По проселкам тяжело пыля...
А над нами «мессеры» висели,
А под нами – ходуном земля.

Спеленав обрывком плащ-палатки,
От бомбежек,
Из-под артогня,
Отступая, матерью-солдаткой
Выносила Родина меня.

Волга, Волга!..
Волны потемнели,
И вода столбами за бортом...
А потом: лежу я на шинели
И хватаю воздух жарким ртом.

А потом
Полосками бумаги
Накрест перечеркнуто стекло.
Наголо остриженная – мама?..
Мама!
И от сердца отлегло...

ТЫЛОВАЯ ДЕРЕВНЯ

Не верещит –
Замерз сверчок,
До теплых дней не отзовется.
Наверно, поломал смычок,
А вот починит – и вернется?

Мать принесла вязанку дров –
Морозный хворост,
Не поленья.
Трещит в печи огонь –
Багров,
С вишневым отсветом варенья.

Не потеплело –
Коркой льда
Стекло оконное покрыто,
Ледком подернута вода,
Блестит, как озерцо, корыто.

Вода со звонами в ведре,
В пустой кастрюле тоже звонко.
Зима в избе и на дворе,
Но только бы... не похоронка.

ПОБЕДА

Рассыпалась в небе ракета,
Взлетела другая звездой.
Победа...
Победа?
Победа!
А хлеб на столе с лебедой...

Гуляла деревня с восхода,
А к вечеру стало шумней:
Бывалого столько народа
Пылило со станции к ней.

И лишь теперь в отце понятным стало,
 Какое чувство жизни клокотало
 В его словах: «Мы верили всерьез...»

***

Говорят,
 Из колодца
 Видно звёзды и днём.
 Не поверим – проверим:
 По верёвке скользнём.
 Глубоко
 И темно.
 Обжигает вода.
 Ломтик синего неба...
 – А где же звезда?!
 И в ответ заорали
 Дураки свысока,
 Что меня разыграли, –
 Нашли дурака.
 – Вижу, вижу! –
 Кричу
 И зубами стучу.

ТОПОЛЬ

Простор полей,
 Конца ему не видно,
 Но знаю: там окошком в зеленыя
 Глядит наш дом
 И тополь стреловидный
 Высматривает издали меня.
 Он широко раскинул ветви-руки,
 Как будто мир пытается обнять.

Растут в сторонке тополята-внуки,
И на судьбу им нечего пенять.
А старый тополь, как ровесник века,
Свидетель гроз небесных и земных,
Шумит себе над кровлей человека –
Высок, и прям, и строен, как жених.
С холма на холм,
С пригорка на пригорок,
Светла, ещё не вечереет высь.
И дым в краю, где родился ты, горек,
Да сладок хлеб земли,
Где родились.

ПОД ВЕЛИКИМИ ЛУКАМИ

Лесные просёлки,
Болотные топи,
Опёнки у пня
Как солдаты в окопе.

Великие Луки –
Великие муки.
Следы огневые
Военной науки.

А рвы и траншеи –
Что не зарастают?
Лишь лиственный шелест
Летает и тает.

Воронки, осколки...
Лопату вонзаешь –
На что натолкнёшься,
Откуда узнаешь?

Разбитая каска,
Истлевшая кожа.
И ржавая пряжка –
Не наша, похоже.

«Гот тмит...» – еле видно.
Как видно, не вышло
Поддержки от Бога,
Ядри её в дышло!

Обрывки «колючки»,
Чужие патроны,
Следы наступленья,
Следы обороны.

От бледной берёзки
До чахлой осины
В промоине топкой –
Валежник, жердины.

И каска не наша,
И пряжка не наша –
Затягивай к чёрту,
Болотная каша.

МЕРА

Земная мера – для земных вещей.
Как подойти с одной, всеобщей мерой
К звезде и свечке,
Солнцу и огню,
Зовущему к родительскому крову?
Сжимается Вселенная до точки
Трепещущего жёлтого пятна –

Там ждут тебя,
Твоих сестёр и братьев,
И незнакомцу тоже места хватит
За праздничным или горестным столом.
Мы в сборе все,
Глядим, как незнакомцы, –
За столько лет не свидеться?
Смешно...
Спасительный всех примиряет свет
Настольной лампы-керосинки –
Память...

***

У моря домик строю
Из мокрого песка,
Вот щепкою прикрою –
И крыша на века.

Бежит волна из моря,
Пытается слизнуть
Построенное мною –
И на попятный путь.

Бегут из моря волны,
Угрозам нет числа.
Да если бы не войны –
Какая б жизнь была!

ДАЧНИКИ

...И подкралось воскресенье.
Перебежки сквозняка.
Окна настезь.
Тянет сеном –
Непросохшее пока.

Что не спится?
В эту пору
Дрыхнет пёс сторожевой,
А мечтательному вору
Снится бдительный конвой.

И пожарника сморило –
На коленях голова,
И ему, сгори полмира,
Отоспаться бы сперва!

Зреет рожь,
Сполох зарницы
Предраассветно холодит.
Скоро-скоро из столицы
Пассажирский прогремит...

И пойдут –
На воскресенье! –
С малой станции спеша,
На далёкий запах сена
По созвездию Ковша.

***

Везут коней.
Куда везут?
На тихой станции Отрада
Теплушки медленно ползут
Под жёлтым ливнем листопада.
Переступают скакуны,
Стучат копытами чечётку,
Бессонницей возбуждены,
Косят глазами на решётку.

Куда вас, кони?
Часовой
Глядит с площадки нелюдимо.
А им похрупать бы травой,
По луговинам бы –
Да мимо!
Мерцает лезвие штыка
Предупредительно и грозно...
От придорожного стожка
Пахнуло и свежо, и остро.
За перегонном перегон,
И вот за станционным вязом
Сигналит хвостовой вагон,
Краснея повлажневшим глазом.
Светилась в воздухе сыром
Луны ущёрбная коронка.
И долго-долго над селом
Дрожало ржанье жеребёнка.

ЛЕШИЙ

Леший лежал на поваленном дубе,
Думая думу:
– Где она, лешая,
Вертится в клубе?
Выпустил сдуру!

Думая думу,
Курил беломорину,
Сплёвывал в сторону.
– Как бы то ни было,
Будет по-моему,
Что бы ни стоило!

Думая думу, внимал соловьиному
Зычному пению.
– Жить бы да жить бы
По ладу старинному –
Лопнет терпение..

Шаркая по земи, шаткой походкою
Двинулся к лесу:
– Надо же было связаться
с молодкою,
Ну её к бесу!..

***

Не застал в живых я деда:
Перед самую войной
Помер старый непоседа –
Не увиделся со мной.

Печки дедовы исправно
Согревали род людской
На Валдае, и на славной
Днепр-реке, и за Окой.

Приговаривал про глину:
– В глинке тёплый дух живёт! –
И при этом, как малину,
Восхищённо пожуёт.

Так и этак пораскинет,
Пустит дым из бороды,
Набочок шапчонку сдвинет,
Принимаясь за труды.

И засвищет в дымоходе,
Жаром пыхнет из жерла.
В глине, бессловесной вроде,
Искра дедова жила.

АНТОНОВКА

Вот яблоко!
Его не тронул червь:
До холодов предзимних довисело!
При свете дней, при темноте ночей
На самой верхней ветке зажелтело.
И бродит сок под твёрдой кожурой –
Пьянящий сок – с морозцем и жарой,
И блеском лун, и отблеском грозы
В просторах среднерусской полосы.
Вот яблоко небесного раздора –
Все звёзды на него устремлены,
А посреди космического спора –
Улыбка кисло-сладкая луны.
Вот яблоко!

***

Бесснежье.
Зябкая пора.
Былинка не колышется –
Стоит безветрие с утра,
В полях далёко слышится...
Дорога вверх,
Тропинка – вбок,
За сломанной церквушкой
Открылся тихий уголок
С какой-то деревушкой.
Внизу стеклянная река,
В пустых садах околица.

И сколько ждать ещё,
Пока
Земля под снегом скроется...
Погост, а там – грачиный край,
Сверкающий берёстами.
Ну хоть ложись и помирай
Под русскими берёзами!

СЕМЕНА

Перебираем картошку:
Мелкую –
На семена,
Вёдрами носим в сторожку:
Пусть пообсохнет она.

Крупную
Режем на доли –
Тоже подсохнуть должны,
Были б глазки
Остальное –
Это забота весны.

Сроки весна сокращает,
А над душой – бригадир
То наказаньем страшит,
То обещает-прельщает:
– По окончании – пир!..

Выдал хотя б по десятку
Мелких картошек
Домой –
Хватит на целую грядку!..
Дома – в обрез на посадку.
Год – сорок седьмой...

ПОРТРЕТ

В линиялой кепчонке,
Ситцевой рубашонке,
Мярых портках,
Мятой пропах,
Псиной и летом,
Солнечным светом,
Горькой полынью,
Полям, светлынью,
Лесом и лугом,
Ворованным луком.
Голос писклявый,
Волос светлявый,
Руки-ноги в цыпках,
Губы – в улыбках.
Это был я...

***

Вечерний свет.
Разлив заката.
Как бы в трепещущем огне
Дрожащий воздух –
Красноваты
Луга и копны на стерне,
И дымка мягкая туманца,
Известкой выбеленный дом,
Окно, отмытое до глянца
Коротким проливным дождём.
В неровном зеркальце оконном
Отражены и даль, и высь –
Мир, вечереющий спокойно,
Как будто страсти улеглись...

***

Кивало колосьями поле,
Пестрели в логу клевера.
И я оглянулся и понял:
Прощаться настала пора.

Аукнул на станции поезд,
В поля откатился гудок.
И чью-то печальную повесть
Сквозь ливень состав поволок.

***

Дождь в стороне,
Сияет свет,
Сияет воздух свежий!
И на большак выводит след
Просёлочный, тележный.
А в колее блестит вода,
Высь ясно отражая.
Как не любить её,
Когда
Своя, а не чужая
Земля,
Земелька,
Дух земли,
И власть её, и зовы.
Не оттого ли журавли
Печалют криком зори?
Не в том ли счастье,
Что живём?
Поём, смеёмся, плачем,
Детей растим,
И хлеб жуём,
И, твёрдо стоя на своём,
Не можем жить иначе.

ГЕННАДИЙ **ПОПОВ**

ПЕРВЫЙ УЗЕЛ

Вновь и вновь благодарно взглядеться
И пройти вдоль седой городьбы
В глубину снова близкого детства:
До него три минуты ходьбы.
Три минуты ходьбы до вокзала...
Он давно перестроен – другой.
Память много узлов развязала, –
Первый узел, как прежде, тугой:
На перроне дымится картошка,
И хрустит на зубах огурец...
И нескладно поют под гармошку
Одноногий солдат и слепец.
А потом поедят под откосом
И уйдут, и растают вдали...
Их следы, как немые вопросы,
Отпечатает память в пыли.
За посёлком дорогами лета
Даль всё так же уходит дугой.
И не знаю, как прежде, ответа –
Первый узел – он самый тугой?

НАКАНУНЕ

Двадцать второе июня –
Тёплая тишина,
Светлое полнолуние,
Тёмный проём окна.

Рек пограничных теченье,
Миг с небольшим до беды
Вставали, как на ученьях,
Призраки из воды.

Память опять накануне:
Слышен границ набат.
Двадцать второе июня, –
Враг не дойдёт назад.

ОРЛОВСКО-КУРСКАЯ ДУГА

*Памяти Героя Советского Союза
русского поэта Михаила Борисова*

Стальные метели в полях под Орлом
Июльской порой сорок третьего года,
Казалось, сметут всё смертельным огнём...
Россия стояла здесь волей народа.

И злобную силу согнула в дугу
В бою беспощадном, кровавом и лютом.
Здесь выжили мы на погибель врагу!
И вспыхнуло небо первым салютом.

И снова июль... В чистом поле стою
Под Курском – на той высоте безымянной,
Где пали солдаты в последнем бою,
А ныне – в строю под звездой деревянной.

На братских могилах родная земля
Была и останется нашей веками.
Но кажется мне, что ржаные поля
Теперь колосятся стальными штыками.

На Курской дуге в небывалых боях
Россия сражалась за нашу свободу.
Тогда не дозрели хлеба на полях –
Июльской порой сорок третьего года.

Но Курск и Орёл одолеть не смогла
Чужая броня, что рвалась до Урала.
Бесславно на здешних полях полегла
И в наших мартенах потом догорала.

Орловско-Курская дуга,
Мы все в долгу перед тобою:
И пред твоим бессмертным боем,
И пред твоим великим полем...
Твоя нам слава дорога,
Орловско-Курская дуга!

ПРИСЯГА

*Присягают солдаты раз,
Только раз присягают солдаты.*
С. Орлов

Казалось, небо жмурилось от света
И жгло стоящих в стриженем строю.
А Беларусь пылала в зное лета
От дыма черного, как в танковом бою.

Деревья, будто скошенные травы,
Валил в лесу торфяника пожар.
Огонь подземный обошел канавы
И с тыла бил по нашим рубежам.

Мы только-только приняли присягу...
Был по тревоге снят дивизион,
Чтоб сбить огонь, прижать его к оврагу,
Отгородить от уцелевших зон.

Мы подвига тогда не совершили:
Заслон от пламени поставить помогли
Да штабель дров горящих затушили.
Но помню запах выжженной земли.

1963 г.

ДВА КРЫЛА

*Маме моей – Клавдии Фёдоровне Поповой –
при жизни...
Сегодня – вечной памяти её*

Не крести ты меня на дорогу
и рукою вослед не маши.
Не молчи отрешенно и строго
и жалеть обо мне не спеши.
Где туманная даль закружится
и простынет горячий мой след,
там судьба, перелетная птица,
протрубит, сколь зим, сколько лет,
сколько жить мне осталось на свете
в предлежащей дороге земной...
Белый ворон добычу отметит,
проворчит про себя домовой:
Белый ворон – мой братец названный,
Домовой – позабытый уют...
Не горюй – колокольные звоны
не по мне аллилуйю поют.
Не меня этот голос печальный
отпевает в остывшей тиши:
это песня Отчизны опальной
на помин её светлой души.

На прощание руки на плечи
 положи мне, скорбящая мать.
 По тропинкам судьбы бесконечным,
 где нелёгкую долю топтать,
 я твою материнскую ласку
 как спасительный крест пронесу...
 Где природа зелёную краску
 оживляет в озябшем лесу,
 там бурлящей весенней порою,
 собираясь в нехоженный путь,
 снова я тебе сердце открою,
 упаду головою на грудь.
 И пойду под весенние звуки...
 Домовой мне вослед проворчит...
 И метнутся в бессонной ночи
 два крыла – твои нежные руки.

2002–2008 гг.

ПАМЯТИ ВИКТОРА ДРОННИКОВА

Есть охмельная благодсть в осенних дождях,
 На орлиных кругах – перелётные выси...
 Бабье лето уже побывало в гостях,
 Дождевые снега засинели, нависли.

То ли дождь, то ли снег ожидать – не поймёшь.
 Потускнели и скрылись холодные зори.
 Облака, облака за туманами сплошь
 И безлистые рощи, как сёла в разоре.

Немота, чернота над рекой, за селом...
Я душой беспокойной туда улетаю.
Городская тоска поделом, поделом:
Нету радости птице, покинувшей стаю.

Вот слышу призывный, мерцающий клик:
Может, это меня небеса не забыли?
Но безмолвно туманится солнечный лик,
Рассекают простор устремлённые крылья.

Только ветер шумит в погустевших дождях,
В клочья облако рвут васильковые бездны.
Только светится клен, как пылающий стяг,
И роняет на землю багряные звезды.

Вновь всю зачастили дожди октября,
И хмельная слеза затуманила око...
Что ты смотришь на небо, окно отворя?
Никого в вышине.

Одиноко...

ОСЕНЬ НА 2-й ПУШКАРНОЙ В ОРЛЕ

Вадиму Ерёмину

Старинный дом на улице Пушкарной,
Андреевские память и строка...
Все отразилось в осени янтарной,
Все на земле осталось на века.

Парящий мост и плоские деревья,
Прозрачность остывающей поры...
Покорно дремлет на закате время,
Похожее на старые дворы.

ЛЫЖНЫЕ ГОНКИ

Снег липнет на крутом подъёме.
Наспинный белый номер тёмен
От пота, ярости и ветра.
Без боя не сдаёт и метра
Остервенелая лыжня...
Опять бежим, теряя в росте,
Бежим к черте спортивной злости,
Погоду и себя кляня.
Последний круг второй десятки.
Соперник накатил на пятки.
И, за спиной его везя,
Бежишь, хоть кажется – нельзя.
И снова гибнешь на подъёме.
И ничего на свете – кроме...

ДОРОЖНОЕ ПИСЬМО ИВАНУ САБИЛО

*Забот и дум слагая груз,
Тогда ленюсь я веселее
И забываю песни муз:
Мне моря сладкий шум милее.*

А.С. Пушкин

Пора неспешных размышлений
Пришла на смену суете...
Но нет уже простых решений
И силы прежние – не те.

Устал, устал от рассуждений...
На море вольное, на юг
Печально, словно ссыльный гений,
Все дальше еду, милый друг.

Там, у безбрежного начала,
Касаясь ветреной волны,
От опостылевших причалов
Уходят легкие челны.

Им не страшны воды волнение
И столкновение с кораблём:
У них – иное измерение,
Другой – спасительный объём.

На горизонте алый парус –
Мираж и... больше ничего:
Что от ребячества осталось,
От дуновения его.

Хотя пловцы сильны, как прежде,
По-детски страстны и вольны –
Неумирающей надежды
Мои заветные челны.

1999

НА РАЗГУЛЯЕ

Памяти А. Анасова

*Мы жили вместе в разном теле,
но в тесноте одной тюрьмы...*

А. Кочетков

На Разгуляе – дом старинный...
В окно, смотрящее на двор,
в печали вовсе не звериной
он устремлял погасший взор.

Там незнакомка пестрой масти,
 припав к строительным лесам,
 звала, томясь в кошачьей страсти,
 и – возносилась к небесам.
 Но каждый раз пред ним вставала,
 и днем, и ночью стерегла,
 непостижимо не пускала
 стена оконного стекла.
 Кот жил всегда анахоретом:
 общенье грозно презирал,
 но был не прочь поест при этом...
 Сейчас он пищу отвергал.
 Его чужому не погладить.
 Так было и на этот раз.
 Но силы не было во взгляде
 туманных разнесчастных глаз.
 И в единении природном,
 Переходя с котом на «ты»,
 я понял: мы одной породы,
 жизнь повидавшие коты.
 Мы знали: только время лечит,
 когда душе совсем невмочь...
 Кот мучился по-человечьи.
 Но – не просил ему помочь.

О ЛЮБВИ

То невестою стройной, то неверной женой,
 И надеждой, и болью шла ты рядом со мной.
 Шла дорою дальней, юной шла и седой –
 От разлук до свиданий шла ты рядом со мной.

Вместе быть не умели, а поврозь – не могли...
Отшумели метели, и сады отцвели –
Ничего не осталось...

  Почему до сих пор
Помню каждую радость, каждый горький укор?
Как рубцы по ненастью, саднят душу мне вновь.
Человеческой власти неподвластна любовь.

ГУРЗУФ

Ты помнишь, родная, Гурзуф?
Мы были безумно богаты.
В горах были наши палаты,
А море синело внизу.
И солнце за дальней горой
Вставало, лучами маня...
И ты той далекой порой,
Наверно, любила меня.
Мы стали с годами бедней
От наших забот и утрат.
Прошедшее стало видней,
Но так и живем наугад.
Живем, в наших бедах вина
Судьбы несчастливый билет.
А мне оправдания нет,
Что ты разлюбила меня.
И ехать в Гурзуф не хочу,
Он мне – как чужая родня...
Но ставлю не точку – свечу:
Ты все же любила меня.

***

Наконец в телефонных шумах
 Слышу голос...
 Но мне показалось,
 В недосказанных скрытых словах
 Прозвучали надрыв и усталость.
 Я давно разучил наизусть
 Бесконечные песни разлуки.
 Неусыпно ревнивая грусть
 Стережет, словно цепкие руки.
 Ты прости мне унылый настрой
 Непутёвой порой листопада.
 Будет осень тоскливо-сырой...
 Но не надо об этом, не надо.
 Ничего говорить не спеши:
 Что, любимая, скажешь словами?
 В непроглядной эфирной тиши –
 Только Бог и Судьба между нами.

***

*«Я помню! О, если б ты знала,
 Как гаснет твой след на песке,
 И всё, что давно миновало,
 На тонком дрожит волоске...»*

Ю. Кузнецов

Не делай последнего шага,
 Не делай его без меня...
 Осколки небесного шара
 Осыпались, тихо звеня.

Зарю, что мгновенно остыла,
 Окутала черная мгла:
 Я думал, что ты позабыла,
 А ты позвонить не могла...
 Сорвавшись с ночного полёта,
 Упала, сгорая, луна
 В забвенье земного болота,
 Где бездна небес не видна.
 Зловещие тёмные тучи
 Пошли надо мною кружить...
 Быть может, спокойней и лучше
 На свете без неба прожить.
 Насмешливо время бежало,
 Рождая причудливый звон...
 Его равнодушное жало
 Я вырву и выброшу вон.
 Чтоб слепо бродить пустырями,
 Стремясь отыскать остриё,
 Однажды вонзённое нами
 В ненастное сердце моё.
 И будет больней год от года
 Потери безжалостный след,
 Пока не затмит непогода
 Любви твоей призрачный свет.

***

Пусть невидимо дым улетает
 В безвозвратную звёздную даль,
 Невесомую светлую стаей
 Обращаясь в небесную сталь.
 Пусть сегодня безмолвные звуки –
 Этот шаткий и ветреный чёлн –
 И твои мимолётные руки
 Прочь уносит во времени волн.

Неизбежно ты будешь гордиться,
 Что тебе посвящал я стихи...
 Пролетая небесною птицей,
 Я вернусь в тихом зове строки.
 Той, которую ты не любила
 Из живых недосказанных уст, –
 Для тебя, недоступной и милой,
 Без которой мир попросту пуст.

ПОЛЫННЫЙ СВЕТ

Полынный свет на куполах России,
 Стоят дозором русские кресты...
 Славянский стяг помяли, приспустили,
 Но высятся небесные мосты.
 Туманны вземные расстоянья,
 Загадочны земные времена:
 По странному капризу мирозданья
 Отчизна в никуда устремлена.
 Ее непостижимы ипостаси,
 Движенье – недоступное уму:
 Летит или плетется восвоеси –
 Известно только Богу одному.
 Полынный свет причудливо струится,
 В молчанье скорбном купола, кресты –
 Шеломы витязей.

И каменные лица
 Церквей России...
 Сожжены мосты.

РАЗЛИВ НА ОКЕ

Татьяне Петровой

Весны ликующие звуки
Сошли на мокрые луга...
Разлив раздвинул берега,
Расширил русло, скрыл излуки.
Село на вздыбленном холме
Идет под парусом небесным:
Церквушка – мачта...
Кромка леса
Синеет на крутой волне.
Наполнив ветром облака,
Плывет село – душа России.
Земные воды оросили
Его песчаные бока.
Дожди высоких русских звезд
Вспоили щедро эту землю...
И зову древнему я внемлю
Всех уцелевших наших гнезд,
Молитвам вековой тоски
Ушедших в вечность поселений...
Летит Россия во Вселенной.
Над нею звезды высоки.
Не слышит сердце чужака
Их поднебесного мерцанья.
За что зовут нас гордецами
И только терпят нас пока.
Но обращен небесный взор
К нам, для которых и остались
Попутный ветер, неба парус
И звездный сокровенный зов.

ДВОЕ

Морозный ельник затаился.
 Я это чувствовал спиной,
 Когда совсем с дороги сбился
 И ночь надвинулась стеной.
 Кричал в бездонные провалы –
 Ни звука, ни огня в ответ.
 Пока, промерзший и усталый,
 Не ткнулся в свежий волчий след.
 Волк шел в село тропой разбоя,
 Звериным голодом гоним.
 Нас в этом мире стало двое.
 К жилью я вышел вслед за ним.
 Мы на задворках разминулись –
 Я не посмел спустить курки.
 И разошлись...
 И оглянулись –
 Друг друга спасшие враги.

ТЯЖЁЛЫЕ ДОЖДИ

Тяжёлые дожди
 нависли над полями,
 Слепые облака
 закрыли небосвод...
 Нельзя никак забыть,
 что было в жизни с нами,
 Не угадать всего,
 что будет наперёд.
 Что было, то прошло...

Но будут длиться вечно
Туманы и дожди
над синевой лугов,
И радость бытия
для юности беспечной,
И тёплая земля
под сенью облаков.
Пора сплошных дождей
сменяет тёплый август,
Последняя теплынь
ласкает тишину.
И полнится грозой
тугой небесный парус,
Рождает поздний гром
гремучую волну.

НА ОКЕ

Денису

Пустынный пляж, раздолье ивняка...
Возьмет ли снова силу многолюдье?
Одно мне знать дано наверняка,
Что ничего прошедшего не будет.
Уже давно знакомых не ищу.
Течет песок, как время, сквозь ладони.
Привольно стало крупному лещу
Плескать хвостом в заброшенном затоне.
Сюда вернулась чистота реки –
Теперь почти не ходят пароходы.
Но только сердце, смыслу вопреки,
Не принимает торжества природы.
И хочется поверить в чудеса:

Как будто здесь я заново родился,
 Друзей вихрастых слышу голоса –
 Никто не умер и никто не спился.
 Трава в лугах остра и высока.
 Бегу босой легко и бестревожно...
 Неудержимо движется Ока.
 Все впереди, и все еще возможно.

НОЧНОЙ ЭТЮД С ЦИКЛАМЕНАМИ

А. Костяникову

Тень деревьев упала на белый туман
 И повисла, как призрак, дрожа.
 И пустилась луна скакать по домам.
 Отливая блеском ножа.
 Дышала тревогой ночная мгла.
 Шаги погружались в снег.
 Судьба, как могла, себя берегла,
 Замедля бешеный бег.
 И сердца приглушенно стучали врозь,
 Смыкался небесный круг.
 И торчала в подъездах пьяная бось,
 Чтоб появиться вдруг.
 Облако тиснуло в небе печать,
 И воцарился мрак.
 И продолжал зловеще молчать
 Невидимый злобный враг.
 Мы тягостно шли по холодной земле,
 Где не росли цветы,
 Но плыли тени на зыбкой мгле
 Стремительной красоты.

Ночь хмурила темную бровь,
Щурила черный глаз.
И остывала сонная кровь,
Разъединяя нас.
Тучи прятали звездный свет...
А там, где вечный покой,
Ни любви, ни смерти нет,
И жизни нет никакой.
И возроптал, и взмолился я:
– Будь справедлив, Господь,
Если на все воля Твоя,
На душу мою и плоть,
Дай счастья не выше душевных сил
И отпусти грехи...
И Всевышний дерзость мою простил,
Развеял разгул стихий.
Мы расходились в туманной тиши
Под синим светом луны.
На улице не было ни души,
Были все спасены.
Но, словно молитву в ночи творя
За горечь людских измен,
На подоконнике декабря
Безумно цвел цикламен.

ТРИ ФУТА

Андрею Фролову

Нам времени почти что не осталось.
Хотя его совсем не тороплю...
Три фута над скалой – такая малость! –
Порою не хватает кораблю.

Три фута.

И ломается форштевень.
А берег так неведомо далёк.
Но подождём заказывать молебен:
Вдали забрезжил тёплый огонёк.

Он в глубине безмолвно-многозвучной
Спасительно раздвинул мрак ночи.
То, может, к нам слетел с небесной кручи
Огонь незатухающей свечи?

Не километры – время между нами,
Обманчивая призрачность его.
Не бури, не тайфуны, не цунами –
Три фута времени.

И больше – ничего.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ПОЕЗДЕ «БЛАГОВЕЩЕНСК–МОСКВА»

(диптих)

1. О жизни

Безмолвствуют луны сверкающая сабля,
мелькнувшая в огнях оснеженная ель...
А сроки на земле легко, за каплей капля,
истаивают, словно поздняя капель.
Промчалась молча тень, что станет днём древней:
здесь ночью, как всегда, ни звука, ни огня.
И навеяв грусть простором воли древней,
серебряная россыпь воззрится на меня.

Но только на земле
дано нам выбрать долю,
пробить непроторённые пути,
прожить свою судьбу –
   неведомое поле,
которое непросто перейти.
Здесь, покидая небо павшею звездой,
прощальный чертит след
   земная наша жизнь...
Что ж, надо нам спешить –
   до вечного покоя
И чаще говорить:
   – Держись, мой друг, держись!

2. О снегирах

И всё же не будем – о грустном!
Смотри: за окном снегири
на снеге сверкающем русском,
который на солнце горит.
Деревья стоят, замирая
в объятьях морозных седин...
Просторы бескрайнего края,
виденья бегущих картин.
Рубиновым чувственным светом,
созвучным с настроем зари,
напомнив о добром и светлом,
горят на снегу снегири.
Давай же не будем о грустном –
упрёков, невзгод и обид.
Обнимемся просто по-русски!
И Бог всё нам, смертным, простит.

ОРЛОВСКИЙ РОМАНС

Валерию Рогову

Закованы наглухо Орлика воды...
В кольчугу молчанья, в январские льды
Бегу от себя и лукавой свободы,
И время мои замечает следы.

Огнистый закат остывающим краем
Багрово стекает, сходя на покой.
Мы порознь сегодня душой замерзаем,
А небо пылает над стылой рекой.

Призывно запели округ колокольни,
Вечерней молитвой спасается Русь.
Как долго брести нам путями окольными
С молитвой и песней, где радость и грусть?

Прошли-отгорели восходы, закаты,
Безглазая ночь улеглась за окном.
Судьба непроглядна, и нет виноватых,
Что всё так загадочно в мире земном.

И я не узнаю до тайного срока,
Что скрыто сейчас в отрешённой ночи,
О чём поутру прострекочет сорока,
О чём даже друг в судный час промолчит.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

А.Я.

Простим природе раннюю промозглость,
Тревожный крик души в полночный час...
Так близкие, покуда любят нас,
Прощают нам характер или возраст.
На вербах почки чуть оледенели...
Еще пути в полях не размело.
Молчи, молчи...
Последние метели,
Как лебеди, ложатся на крыло.
Их тень прозрачна, сущность невесома...
Осели за туманами снега.
Погода, словно женщина спросонок,
Капризна, своенравна и строга.
Холодная весенним ожиданьем...
Оставим речь за дерзость суеты.
Пусть трепетно закроет губы дланью
Благоговейной, страстной немоты.
Легко в лесу, слегка заиндевелом,
У таинства охранной тишины...
И только снег без края – в мире белом.
И все слова – неточны и грешны.

СИРЕНЬ

Так незаметно расцвела сирень...
Над миром солнце отмеряет сроки.
И падает сиреневая тень,
И ворошит сиреневые строки.

Весь белый свет в сиреновом цвету,
А прошлое – в сиреновом тумане.
И время, набирая высоту,
Все кружит и никак не перестанет.

А небеса безоблачно чисты.
В листве весенней – яркие просветы.
Еще не все в сиреновом кусты
И не на все получены ответы.

Несу в руках сиреневый букет:
Свиданья жду во времени нескором...
Нас так давно уже в помине нет.
Но есть сирень за стареньким забором.

ВАДИМ ЕРЁМИН

***

В конце аллеи
Белым-бело.
Как будто лебедь
Поднял крыло
И тихо выронил
Два пера.
А кто-то выдумал:
– Зима пришла...
А кто-то высказал
Это вслух,
И лебедь выскользнул из рук.

БЕЛЬЁ

Боясь, что покачнутся стены,
Мы жили в уголке двора.
Бельё летело и летело,
Заняв наш двор ещё с утра.

Пугаясь ледяного ветра,
Катилось выгнутым бревном.
Наш двор, разутый и раздетый,
Ходил под нами ходуном.

Потом нас находила мама
И извлекала из угла,
Бельё от неба отрывала
И, словно облако, несла.

И было в доме слишком тесно
Пустым надутым рукавам,
И ждали мы, когда же треснет
Морозный ворох пополам.

Бельё не трескалось, лениво
Сползая к полу вдоль стены,
И превращалось нам на диво
В рубашки, майки и штаны.

ДОМА

Снег сегодня белый-белый,
А вчера был голубой.
Говорит мне мама: «Сбегай
На колодец за водой!..»
Выхожу, одетый модно,
Борода – сковородой,
Тороплюсь наполнить вёдра
Говорящею водой.
Проливаю половину,
Трижды делаю привал.
И снежком мне лепит в спину
Та, что в детстве целовал.
Смотрит мама: «Вывод сделай
И посмейся над собой...»
Снег вчера был белый-белый,
А сегодня – голубой.

ХОЗЯЙКА

Там недовинчена гайка,
Здесь недомыты полы –
Ходит по комнатам Галька
И проверяет углы.

Вяжет по сотому разу,
Кажется, полупальто,
Сея за фразою фразу,
Словно играя в лото.

На пол опущена шалька,
Смята газетная весть.
Ходит по комнатам Галька,
Некогда Гальке присесть.

СОСЕД

Авоська с помидором,
На ватнике дыра.
Скончался под забором
Еще позавчера.
Никто о нем не вспомнил,
Не бросился искать.
Он полежал и понял,
Что стало припекать.
Что снова загалдели
Живые кореша.
Что умер в самом деле –
Жива одна душа.

ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

Трудные песни поются легко,
Легкие – трудно.
Спит балерина в горячем трико,
В зале безлюдно.
Сдвинуты в угол замок и луг.
Выход не скоро.
Спит балерина, оставшись без слуг
И без суфлера.
В средневековое кресло ушла
От заблуждений.

Спит, словно тайна морского узла,
Без сновидений.
Спит балерина. На детском челе
Облачко грима.
Спит, словно мошка в янтарной смоле,
Необъяснима.

ВСТРЕЧА

Словно закладка из толстого тома,
Дверь машинально входную закрыв,
Помните, вышли вы летом из дома,
Чтобы вплотную увидеть залив.
Этот поступок не делал вам чести.
Он оказался обыденным. Но
Вы почему-то застыли на месте,
Как водолаз перед спуском на дно.
Мимо вели настоящего мима,
Словно несли драгоценный улов,
Мима, который играет без грима
И не выходит из наших умов.
Чуть припадал он на левую ногу,
Очень печально смотрел в пустоту,
Словно вели его в гости к Ван-Гогу,
Вновь умирающему за версту.
Мим отработывал новые жесты,
Старые жесты он просто забыл.
Солнце пекло и стучало по жести,
Словно Ван-Гога никто не любил.
Немилосердно сверкала дорога,
Отодвигая субтильную тень.
Мим на глазах превращался в Ван-Гога,
Словно заглядывал в завтрашний день.

Встретились в нем проходящее лето
 И синева предстоящей зимы.
 Будет спектакль. Но не будет билета.
 Больше не даст он молчанья взаймы.
 ...Вы возвратились к седому порогу,
 Несколько раз посмотрев ему вслед.
 И не пустились, увы, на подмогу,
 Словно он ваш непутевый сосед.
 Встретив однажды на старой афише
 Неповторимый его силуэт,
 Стали вы жить и разумней, и тише,
 Словно ван-гоговский авторитет.
 Как-то из чувства гражданского долга
 Вставили имя его в разговор.
 Помните, вышли вы летом из дома
 И не вернетесь домой до сих пор.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Андрею Платонову

В центре Ишима есть площадь.
 Там в восемнадцать часов
 Я пробирался на ощупь,
 Сгорбленный, словно засов,
 Баба меня приютила,
 Сдвинув под лавку детей.
 Молча за стол посадила,
 Словно пришел из гостей.
 Спал я, покоем убитый.
 Спал, разряженный дотла.
 Дети в меня, как в бандита,
 Всматривались до утра...

Утром под дверью шептались,
Словно пришли отпевать.
Встал я, спросонок шатаюсь,
Проклял чужую кровать.
Вышел. Ослеп. Отшатнулся.
Врос в позвоночник стены.
Так я однажды вернулся
С русско-германской войны.

***

В белом небе звезда проплывает,
Прибавляет березам седин.
И, как будто вода прибывает,
Понимаешь, что ты не один.
Растворяются сизые дали.
Сходят звуки в бездонный овраг.
Все острее ощущаешь с годами
Безысходный космический страх.
Тишина свою тайну скрывает
От забытых тобою страниц.
Неподвижно звезда проплывает.
Почему ты не падаешь ниц?

ПОДСОЛНУХ

Ему свернули голову,
И он пошел домой
По солнечному олову
Тропинкою прямой.
Проковылял вдоль стеночки,
Ведущей под навес.
Мы не лущили семечки,
Пока он не исчез.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Двор истоптан гусями лапами,
Бабахит перегретый мотор.
Вышли все подчиненные на поле,
И открылся осенний простор.
Сохнет завтрак, забытый в застолье.
Водочка дрожит, как сверло.
У сельмага торчат однокашники,
У которых на сердце светло.
Руки грузно на руль опираются.
День становится все горячеей.
Вдоль дороги в райцентр пробираются
Вереницы колхозных грачей.

***

Не люблю на попутных ездить,
Останавливать и звать.
Лучше всё-таки ровно в десять
На автобусе отбывать.

Лучше всё-таки дисциплина,
Лучше всё-таки подождать.
А попутные мчатся мимо
Так, что хочется зарыдать.

КОСАРЬ

Человек в расцвете сил
Луг размеренно косил.

Обойдя воронки гнёзд,
Распрямялся во весь рост.

По прибытии господ
Утирал неспешно пот.

А когда закончил труд,
Оказался хил и худ.

ГОРОДОК

Зерноток.
Пугливая осока.
Городок
На фоне зернотока.

Вдоль реки,
Затерянной в суглинке,
Бьют вальки
По матушке-старинке.

Поворот.
Пустынная дорога.
Лунный брод
От стога и до стога.

НА СТРЕЛЬБИЩЕ

Рота потеряла пулемет,
Третий раз прочесывает луг.
Командир, черней, чем полевод,
Напрягает зрение и слух.

Сзади мы, растерянные и злы,
Изучаем местность в третий раз.
Пулеметчик, прячься от хулы,
Затерялся где-то между нас.

По ночному стрельбищу луна,
Словно поверяющий, плывет.
Крепко спит далекая страна,
Верит, что найдется пулемет.

СТАРУХА

Среди болотец Подмосковья,
Непроходимых по весне,
Витают грешница Прасковья
Не наяву и не во сне.

Давно уж нет ее товарок,
Снесен зачуханный барак.
Погожий день давно неярок,
Как предрассветный полумрак.

Давно не пишет и не едет
Отяжелевшая родня.
На пару дней осталось снеди,
А может быть, и на три дня.

Природа чахлая прискорбно
Взирает на свое дитя.
Крепчают сумерки. Прасковья
С небес спускается, кряхтя.

ВАСЬКА

Последний из самых последних,
Из куртки лишь уши торчат,
Снует во дворах как посредник
Меж рослых парней и девчат.

Не знает ни в чем окорота,
Пролезет в любую дыру.
Как зверь, защищает ворота,
Когда принимают в игру.

Квартал, равнодушный к дебошам,
То плач обжигает, то смех.
Родною страной недоношен,
Старательно тянется вверх.

ОСЕННИЙ РОМАНС

Роняет ветер лист
В сухие ковыли.
Я перед вами чист,
Как церковь на Нерли.

Уже скосила Русь
Тяжёлые хлеба.
Судить я не берусь,
Куда ведёт судьба.

Давно находит взгляд
Приметы перемен.
Дороги не пылят
И взять не могут в плен.

Далёкие леса
Вступают на холмы.
Скупой полёт листа
Понять не в силах мы.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Почернело в лесу.
Почуднело.
Обезглавленным кажется лес.
Лишь сорока
строчит оголтело
В темноту
несусветную весть.
Почернело в лесу,
почуднело,
Как в заброшенном монастыре.
Каждый шорох
взведён до предела.
И мурашки
бегут
по коре.

ВЕРА

Часовня с иконой
Есть в поле пустом.
Ни пеший, ни конный
Не помнят о том.
Торопятся мимо,
Не смотрят вокруг –
Ведёт пилигрима
Не зренье, а слух.
Бессменно копаясь
В могильной пыли,
Часовня, как парус,
Маячит вдали.
Огонь её медный

Дрожит, как палаш.
И верует смертный:
– Часовня – мираж...
Колеблется воздух,
Двоится киот.
Часовня, как посох,
Свой возраст клянёт.
Глядит она зорко,
Как старец к беде.
Но нет горизонта
Прямого нигде.
Далёкие страны
Плывут стороной.
Свои у них планы,
Ход мыслей иной.
Они – пилигримы,
И ты – пилигрим.
Они повторимы,
И ты повторим.
И только часовня
Не стала видней.
И небо бессонно
И вечно над ней.

1941 год

Женщина приехала на станцию,
Багажом всецело занята.
Протянула бережно квитанцию,
А в окне зияла пустота.

Застегнув навеки платье чёрное,
Женщина ушла от пустоты.
И несли молчанье удручённое
Железнодорожные мосты.

Занялась над миром ночь недужная,
Притаились тысячи огней.
Прыгала квитанция ненужная
Белою сорокой перед ней.

В ДВОРЯНСКОМ ГНЕЗДЕ

Резкий посвист.
Тень карниза.
Палисадника пила.
Здесь жила когда-то Лиза,
А быть может, не жила.

В крайнем доме, в середине,
А быть может, и в другом
О судьбе ее рядили
За семейным пирогом.

Жгла веранда, будто линза,
Сожалений хоровод.
Здесь жила когда-то Лиза.
До сих пор еще живет.

***

Есть жизнь вторая или третья,
В которой мается поэт.
Её глухие междометья
Не задевают белый свет.

Её приливы и отливы
Тайком нисходят на чело.
Над этой жизнью плачут ивы.
Всё остальное – ремесло.

***

Мир повернулся на оси,
Чего
Никто
И не заметил,
А ты его переспроси,
Куда он дел
Вчерашний ветер.

НА СТЕКЛЯННОМ ВЕТРУ

Жизнь печально кончается,
Что с собой заберу?
Колокольня качается
На стеклянном ветру.
«Морж» купается в проруби,
Тоже скоро помрёт.
Вот шарахнулись голуби
На две жизни вперёд.
Дым в пружину свивается,
Тянет в небо трубу.
Новый век затевается
На приокском горбу.

***

«Друзья познаются в беде».
Да где они?
Нету нигде!

Один над обрывом стою,
Цепляясь за ветра струю.

А ветер несёт по воде:
– Друзья познаются в беде.

ВИДЕНИЕ

Черепица облезлых спин
Обтекает пологий холм.
Отреклись от нас Бог и Сын,
Не приняв наших догм и норм.

Уходящие за горизонт,
Не воротимся мы назад.
Никогда нам не повезёт,
Слишком груз непосильный взят.

Твёрдых посохов нет в руках,
Только молоты и серпы.
Путь-дорога истёрта в прах,
А в обход – ни одной тропы.

МИХАИЛ ТУРБИН

***

Размах России, солнечные дали.
Над полем ветер, отшумев, затих.
Мой слух кузнечики расстрекотали.
Я ничего не слышу, кроме них.

И ничего моя душа не хочет,
Лишь слышит их призывный, страстный зов,
И тишина без устали стрекочет,
Как мир любви – основа всех основ.

Какой простор! А тишины немного...
И миг застыл, как будто на века.
И дальний лес, и чёрная дорога,
И в серебре плывущая река.

БИЕНИЕ

Бьют ключи не спеша из-под ила.
Просыхает весенняя грязь.
Отшумела река, отбурлила
И в свои берега улеглась.

Я иду по пологому спуску,
Словно Ной, переживший потоп.
Бьёт у кромки воды трясогузку
Радость жизни, как некий озноб.

Тень за птицей бежит торопливо,
Веселит меня тени игра.
Бьют лучи золотые по ивам,
По кудряшкам их из-за бугра.

Ивам первым пришлось приодеться,
Оживить весь речной окоём.
Бьётся, бьётся в груди моей сердце,
Ощущая душевный подъём.

У весны благодатная сила.
Слышу близко и даже вдали:
Бьют ключи не спеша из-под ила,
Как пульса животворной Земли.

***

Годы-невзгоды, раздумий разливы,
Звякнут монеты в горсти...
Сколько же Родине нужно счастливых,
Чтобы себя обрести?

Чаще встречаются хмурые лица,
Что не дружны меж собой,
Перед какою бедою сплотиться,
Встать миллионной стеной?

Вызов-то был, только вышло дороже,
Чем представлялось всегда.
Сил маловато. И всё же, и всё же
Кто нас сплотит и когда?

«Русские!» – слышится реже и реже.
Сузился отчий простор.
Кто-то смыкает лукавые вежды,
Русских не видит в упор.

«Люди теперь на земле пилигримы...»
Лжёт бездуховная рать!
Родина, совесть в душе неделимы,
Русским ли это не знать?

МОЯ ПЕРЕСЫХАНКА

Сипит протяжно заводской гудок,
Смолкают звуки птичьей перебранки.
Тьму вытесняет зоревой поток
На улице моей – Пересыханке.

Наш дом стоит напротив проходной.
Голодный год – всего на свете мало...
Ещё я чую дым пороховой
В сгоревшем танке около вокзала.

Спешат рабочие на ранний зов,
Грязь обойти – и тут нужна сноровка.
Шагают мимо шлаковых домов
В замызганных фуфайках и спецовках.

Рать трудовая движется к станкам:
За братом брат, сосед ли за соседом,
И по мужским щетинистым щекам
Скользит не лучик солнца, а Победа.

В кузнечный цех уходит мой отец,
А следом мать – работать до потёмок.
Пищит сестрёнка младшая – птенец,
Да и у старшей голосишко тонок.

Двор опустел, лишь изредка щенок
В дверную щель просовывает лапу,
Но я сижу, готовлю свой урок
Под тусклым светом трехлинейной лампы.

Зовёт меня заборная дыра
Лучами солнца в радостные дали...
Бежит шумливо в школу детвора
По кирпичам исхоженных развалин.

Гудок смолкает, слышатся грачи,
По небу облака ползут, как рохли...
Во мне с тех пор овражные ручьи
Журчат, журчат – нигде не пересохли.

В ПОСЛЕВОЕННОМ ДОМЕ

Запахи сырости, чада,
Верх – потолочный горбыль.
В лампе из гильзы снаряда
Чад выделяет фитиль.
Пол земляной и холодный,
Печка-временка, верстак.
В двери подсвинок голодный
Жалобно тянет «пятак».
Девочка – суцая Золушка –
Хочет в тетрадке прочесть,
Что накарябала пёрышком
С номером «86-ть».
Щурится, в буковки пялится,
Гаснет фитиль, как назло...
Скоро, как фея, появится
Мама, и будет светло.

ИЗ ПРОШЛОГО

Будоражат память мне детства отголоски,
И змеится, вдаль скользя, колея повозки.

Ось колёсная с утра дёгтя переела –
Густо мажется трава следом то и дело.

Город скрылся позади в мареве и саже,
Лишь торчат клыки руин от ударов вражьих.

Мамин голос надо мной ласковый и сладкий,
Но зачем мы едем с ней вдоль лесопосадки?

И о чём поёт, взлетев, беззаботно птица?
Слышал, едем у селян чем-нибудь разжиться.

Может, легче там, в тиши, за лесной сторожкой,
Наши тряпки обменять на мешок картошки?..

Я ответить не могу – помню то, что было,
Память детская войну пеленой закрыла.

И споткнулось время здесь – никуда не скачет,
Мирно село отдыхать на хребте у клячи.

И себя не вижу я, но стоит телега,
На лужайке гуси спят, как остатки снега.

Да лошадку овод злой атакует бодро.
Кожа бурая дрожит, обнажая рёбра.

И громадные глаза над остатком в торбе
Отражают целый мир в неподдельной скорби.

***

Майского тончайшего отлива,
Лёгкие, чуть строгие на вид,
Облака плывут неторопливо –
Что-то их с берёзами роднит.

Белизна, кудрявость ли сроднила?
Не пойму, ответить не берусь.
Может, в них природа заложила
Тихую беспомощную грусть.

Это – тишь с предчувствием норд-оста:
Парус свис, плывём себе, плывём...
Это – грусть заросшего погоста
С одиноким в иве соловьем.

Позади река и бег излучин,
Лодку манит тишина раки,
И ничто железный скрип уключин
С соловьиной трелью не роднит.

НА ОТЦОВЩИНЕ

Пахнет веками овражная глина,
Сыплется свежая, словно для памяти...
Вот она, Родина, – та, что не сгибла
С куполом храма на древнем фундаменте.

Тонет в садах городская окраина,
Вынырнуть хочет среди перелесков
Вместе с грачами, которых надраила
Кремом сапожным до яркого блеска.

Рядом завод напряжённо грохочет,
 Дышит станками на полную мощность.
 Здесь я когда-то трудился рабочим,
 Утром вливался в чумазую общность.

В общность надёжную, данную Богом.
 Зря говорят, что исчезла, разбита...
 Как же схлестнулись друг с другом надолго
 Дух трудолюбца и дух паразита!

Бой продолжается – вижу по лицам:
 Стало улыбок побольше, чем хмури.
 То ли Христос растворяется в ливенцах,
 То ли расчетливый, хитрый Меркурий.

– Кто мы? Откуда? – несётся нередко
 Глупость вопросов в газетном разливе.
 Лично я знаю по собственным предкам:
 Русским родился, а родом из Ливен.

БЕЗЗВЁЗДНАЯ НОЧЬ

Темнеют деревьев макушки,
 На небе луна не видна.
 Тоска одинокой кукушки
 Не выпита за день до дна.

То стонет с осины, то с ели,
 То плачет с берёзы в ночи.
 Летят соловьиные трели,
 Лишь только она замолчит.

«Ку-ку» – эту грусть вековую
Понять неподвластно уму.
Кукует кукушка, кукует,
Не зная сама, почему.

Что выразить хочет невнятно
В беззвёздном зелёном краю?
Не знает никто, но понятна
Кукушкина грусть соловью.

В МАЙСКИЙ ПОЛДЕНЬ

На тёмном небе одна полоска,
Как будто нить лежит льняная:
То угасает бессильем воска,
То серебрится – дрожит тугая.
Совсем угаснуть она не вправе,
Пока сияет ей свет нагорный.
А мрак упорно теснит и давит
Её всей силой и злобой чёрной.
И постепенно над всем простором
Растёт, курчавясь, все выше, выше...
И сад приносит в причёсках вишен
Былую радость гудящим пчёлам
И раскрывает в большой охапке
То жар тюльпанный, то пыл скворцовый...
Вот-вот начнётся дождь лепестковый
И белым шёлком накроет грядки.

НА РЫБАЛКЕ

Поздний час. Раскричались грачи.
Спор о чём-то ведут до азарта.
Словно в стае пропали ключи –
Небо заперто будет до завтра.

Грач грачу в этой стае родня.
Дружно птицы орут о пропаже.
Говорят, дыма нет без огня, –
Тополя почернели от сажи.

Не дают мне послушать грачи
У реки соловьиные трели.
Разглядел: под обрывом ключи
Бьют по-прежнему – все уцелели.

***

На краю деревни, сбоку на припёке,
На макушке елки виден хвост сороки.

Ничего не скажешь, птица-сторожика,
Явно затаилась, поджидает лихо.

Я иду устало с тяжестью поклажи
И сороке этой – как лазутчик вражий.

Вот сосну сухую дятел потревожил,
А на ёлке тихо – всё одно и то же.

Мол, стучи, работай, до тебя нет дела...
И сидит недвижно, как окаменела.

Понесла водицу бабка от колодца, –
Поза неизменная – хвост не шевельнётся!

Но как встрепенулась при моём подходе!
И застрекотала – обругала вроде.

Дятла дробь звучала, доносилось эхо.
Чем же я сороке лихо и помеха?

Или, как язычнику, повернуть обратно?
Я ж не хуже бабки и того же дятла.

Я иду с грибами в город от деревни.
Мне дела сорочьи в общем-то до фени!..

Весело шагаю вниз по изволоку,
Забываю дятла, бабку и сороку.

ОСЕННЕЕ МГНОВЕНИЕ

Тишь благодатная, сонь
Осени в воздухе сизом.
Гаснет костровый огонь,
Дым расплзается низом.

К снегу – багровый закат!
Туча нависшая – к снегу!
Вон как грачи мельтешат,
Спешно готовясь к ночлегу.

Льдинки уносит Ока,
Жёлтые листья и стерни.
Сонь нарушает слегка
Звон колокольный к вечерне.

Словно толчки родника
В детстве почуял ладонью...
Господи, как коротка
Тишь благодатная с сонью.

ЯНВАРСКОЕ УТРО

На куполах сверкает золото.
Мороз невыносимо лют.
Среди рябин замысловато
Дрозды, как призраки, снуют.

Снег окровавился местами:
Дрозды, куда-то торопясь,
Небрежно клювами-щипцами
Роняют ягоды, кормясь.

И к храму, словно эти птицы,
Морозу злему вопреки
Идут духовно окормиться
Походкой шаткой старики.

ПОРОША

Прохутились в небе облака-кули,
Сыплется пороша в черноту земли.
В трещины вползает, тянется во рвы,
Слышится морозный шепоток листвы.

Полетела к речке, развивая прыть,
Лёд зеленоватый серебром укрыть.
Весело играет с сором в чехарду,
Сонной мошкарою ползает по льду.

Вот уже пороша – поднебесный дар –
Пляску затевает у трамвайных фар.
За окном трамвая белая стена,
Ничего не видно – всюду лишь она.

Тащатся по небу облака-кули.
Что легко просыпалось, сыплется вдали.
Только на мгновение издали заря
Показалась яркой грудью снегиря.

ПРЕДВЕСЕНЬЕ

То оттепель, то дикая пурга,
То тишина пушистая без стужи,
То снова ветер яростно снега
В сугробы уложил и одерюжил.

И вот конец приходит февралю,
Капельного лишь не хватает звона.
Закладывает мёртвую петлю
Над сквером Гуртьева весёлая ворона.

Как с горки, прокатилась на спине,
Орёт вокруг от изумленья стая.
Весну почувяла в морозной синеве
И в раж вошла плутовка озорная.

Закован в лёд пролив Па-де-Кале,
Пурга свистит в Испании, Нью-Йорке...
А в нашем русском городе Орле
Весной запахла первые пригорки.

***

Учился я, служил, мужал,
 Порой трепал напрасно нервы.
 Нередко кончиком ножа
 Вскрывал (для закуси) консервы.

Входил в крутые виражи
 И выходил – всё честь по чести.
 И о заначке не тужил,
 Не находя её на месте.

Случались мелкие долги –
 Все отдавал их, до полушки...
 Скучал, когда мои враги
 Неумно ставили ловушки.

А мой отец мастеровой
 Чтил ясный свет не в абажуре,
 Участник битвы под Москвой,
 Под Кенигсбергом и в Маньчжурии.

Он попадал в спираль Бруно,
 Когда неслись победно лыжи...
 Война прошла, но всё равно
 Носил в кармане пассатижи.

Запомнил я слова его:
 – Спешить не надо в три аллюра,
 В труде приходит мастерство –
 Легко даётся лишь халтура.

Мне лучше пишется в дожди,
И мастерство строки осенней
Манит, маячит впереди –
На вираже крутом, последнем.

***

Вот она, даль необъятно-зелёная!
Вот она, русская ширь!
В синем тумане река задымлённая,
Вздыбленный лес-богатырь.

Тянется облако, ветром гонимое,
И задевает о тын.
Музыкой запаха необъяснимого
Полон цветущий жасмин.

В душу вливается благоуханное...
Память – моё решето.
Что-то далёкое, что-то туманное
Напоминает, но что?

В РОДНЫХ МЕСТАХ

Былое временем изъято.
Подуло свежестью речной.
Шумит река у переката:
Шум ни о чем – безречевой.

Не видно сусликовых норок.
Родник глубокий обмелел.
Не так сторбатился пригорок,
Как я его запечатлел.

Не той тропы ведут извивы:
Возник овраг перед тропой.
Заполонили берег ивы,
И плеск волны уже иной.

Отчизна! Милая, родная,
Ты только тем и ожила,
Что за спиной, не утихая,
Кричат, как встарь, перепела.

СМЕРТЬ ФАРАОНА

Спеленатый лежал сердито
Племён нубийских враг.
Из глыбы чёрного гранита
Блестел тяжёлый саркофаг.

Прохладой веяло от Нила,
Сверкали золото и медь.
Змеёй у ног его застыла
С хвостом свинцовым плеть.

Стонали трубы над столицей,
Гонцы неслись во все концы,
Рыдая, шли за колесницей
С глазами хитрыми жрецы.

И невдомёк им, что у трона,
Плясать устав, без суеты
Любимый карлик фараона
Топтал на радостях цветы.

ПОПУТЧИК

Призрак ветра в ночи.
Дым печной лезет с крыш.
Из Орла мчится поезд в Воронеж.
«Что ты бродишь, старик, и не спишь?
Что ты бродишь?»

Он угрюмо молчит.
Сигарету вставляет в мундштук –
Неизменный свой недруг и кореш.
«Чем тебя растревожил колёс перестук?
Что ты смотришь?»

Ничего не видать за окном.
Лишь луна устремляется ввысь
Да навстречу сугробы летят, словно кони.
«Ляг на нижнюю полку, уймись!
Что ты вспомнил?»

В тамбур вышел курить,
Про себя бормоча: «Сгибла Русь...»
Совесь, что ль, нечиста? Прячет очи...
«Ну, старик, погоди, я с тобой разберусь,
Надоел, нету мочи».

Засыпаю, согретый вином.
Доконала усталость вконец.
Вижу лампу и стол, рядом – мелкая яма.
Сочиняет донос беспокойный юнец.
На Мандельштама.

***

Льву Котюкову

Никто нигде никак
Не в силах без любви в душе рассеять мрак.

А он растёт и бьёт, как штормовой волной.
В пространстве суеты ты всё ещё живой.

Но холодно внутри, и нет тепла извне.
Корабль мечты лежит на мелководном дне.

И носится вокруг, как чайка, злобный рок,
Что можешь предпринять, когда ты одинок?

Лишь в добрых снах к тебе приходит тёплый луч.
Опять любовь светла, как небо после туч.

Ты слышишь крик в ночи – негаснущий маяк?
Никто! Нигде! Никак!

АЛЕКСАНДР **ЛОГВИНОВ**

***

Мы рождены,
Когда пожары плыли ...
Куда ни глянь –
Горят, горят хлеба.
И погремужками нам взрывы были,
Качалками –
Сырые погреба.

Был праздником нам отсвет неба синий.
Глаза отцов нам видеть не пришлось,
И, матью склоняясь,
Нас Россия
Поила соком раненых берез.

Но как бы нам порой ни трудно было,
Она всегда в виду держала нас,
И щавелек спасительный растила,
Картошку оставляя про запас.

А мы ковали, сеяли, пахали,
Росли от всяких нежностей в бегах
И в жизнь входили твердыми шагами
С заплатами мозолей на руках.

***

Среди августовского зноя
Далеко-далеко слышать:
Над полем ржаного покоя
Поёт колыбельную мать.

Летит ее песня высоко,
И трепетно сердцу опять,
Когда-то далёко-далёко
Мне пела задумчиво мать.

А может, не так это было,
Да, видно, скорее, не так:
Жестокая сила тротила
Вздымила на взгорье большак.

Повсюду безмерное горе,
Кругом ни двора, ни кола,
И, может, не в поле, и пусть не на воле,
И пусть приглушённой, но песня была.

Не эта ль безмерная сила
Любви, и тепла, и добра
И жизни меня научила,
И силы для жизни дала.

Давно между полем и рощей
И годы, и ветры легли.
Но нету понятней и проще,
И нету призывней земли.

Живу ли в краю отдалённом,
Несут ли меня поезда, –
Горит надо мной просветлённо
Далекого детства звезда.

Любые дороги осилю,
Лишь только бы вечно слышать:
Поёт и поёт над Россией
Свою колыбельную мать.

***

Дорога. Звезды. Степь.
Ущербный месяц тучи принакрыли,
Над всем, что утомилось пить и петь,
Ночь августа свои простёрла крылья.

Шумят по склонам рощи и сады,
Трепещет лист, росой освежённый,
Качает ветер на ветвях плоды.
Полночный час.
Для тишины
И для любви рождённый.

Летит земля, уставшая от бед,
От едкой лжи и нервных потрясений.
Лети, земля, рассеивая свет,
Свет нежности и мудрости осенний.

Лети, земля!
Мне чувствовать одно:
В такую ночь не могут умирать
И не любить,
С бедою не бороться.
Такая ночь!
Как глубина колодца
С сорвавшимися звёздами на дно.

***

Я с приокских полей,
Где, не очень паля,
Греет вдоволь июль,
Смотрит в небо солома,

Где земля как земля,
Тяжела и черна,
Необычно мила,
Необычно знакома.

Я с приокских полей.
Много в сердце моём
Светлой дали ручьёв,
Песен доброго лада,
Родниковой любви,
Зоревых соловьёв,
Сумасшествия сил
Августовского сада.

Не прощаясь со мной,
Плещут в детстве моём
Край багровой зари,
Лет нелёгких картины,
Сельский наш водоём,
Где ловил карасей,
Золотых карасей,
А выуживал тину.

Я с приокских полей.
По долинам огни.
И легко мне идти
По родимому краю.
Я не знаю, обещаны ль мне
Безмятежные дни,
Но земля мне завещана,
Знаю.

***

Восходит день
дымами в поднебесье
в моей деревне, милой стороне.
Над нею журавли
прощальной
песней
медлительно проходят
в синеве.

Их клик
гортанный
силу набирает,
когда селенье
высветит
вдали,
о прожитом
за всех, за всех
рыдают
над русской деревушкой
журавли.

И в мирный час,
и в годы лихолетья
ее мозоли
словно
кулаки.
На две войны двадцатого столетья
отсюда уходили
мужики.

И там, в огне
разящего металла,

перед каждым сыном
из её ворот
в лице деревни
Родина
вставала
и требовала
грозное:
«Вперёд!»

У трёх берёз,
на каменистом плато,
в гнилых болотах,
заполярной мгле –
езде, езде
российского солдата
могильный холм
отыщешь на земле ...

Теперь над ней
притихшими ночами
шумит всю
густейший листопад,
и от неё
торжественно-печально
уходят обелиски
на закат.

***

Но всё живое хочет жить
И тянется
Упорно
К солнцу.

И тополёк сумел пробить
В асфальте малое оконце.
О, та тяжелая броня
Его держала, как темница!
Но всё-таки
В сиянье дня
Сумело деревце пробиться.
Отставьте же
Топор,
Пилу,
Поймите, нам не будет
Тесно!
На шумном жизненном пиру
Пусть и ему найдется место.
... Бывает всюду так,
Где мрак,
Где жизнь еще корой одета.
Она готовит свой кулак
И пробивает выход
К свету.

***

Опять направо и налево
Бегут и стыннут зелены,
И машет возчик ошалело
Кнутом над гривой коня.

А конь устал,
Ногами ветер
Перебирая тяжело,
Среди насквозь продрогших ветел,
В туман ушедших за село.

Скрипит натруженно телега
В осенней слякоти по ось,
И как отъехать, так доехать
Нам никуда не довелось.

***

Книги брошу и дом покину,
Ни к чему мне его уют,
Если в поле, шурша полынью,
Задыхаясь, ветра поют,

Если вдаль – голубые вёрсты,
Если сверху – созвездий вязь,
С неба падают в травы звёзды,
Земляникою в них светясь.

Если где-то в лугах ночами –
Весь из мускулов, весь огонь –
Бродит, дико кося очами,
Тонконогий гривастый конь.

И от лунности голубого,
Как желание и мечту,
Я, наверно, словлю такого,
Без узды на него вскачу.

Только ветер да воздух синий!
И прольют надо мною свет
Метеоров следы косые
И ракеты ушедшей след.

***

Нет, этот край, где детство проходило торопясь,
 Мне не забыть! Ни с чем не перепутать.
 Здесь облака в разлтых ветвях держит вяз,
 Здесь косогор вбегает в небо круто.

Здесь лето звонкое, травинкой каждой радуя,
 Веснушки веером лепя у самых глаз,
 Прополоскав дождём и одаривши радугой,
 Загаром золотило щедро нас.

Ну а порой, грехи мои итожа,
 Беззлобно, деловито и любя,
 Алексеич – дед, стянув с лежанки вожжи,
 Учил житейской азбуке меня.

Ржавели пни, вынашивались травы,
 В ночное сны въезжали на коне.
 Кузнечики, рассевшись по канавам,
 Таинственную песню пели мне.

***

В моем краю с заснеженными вязами
 В соцветье флагов день встает любой.
 И только их содружеству обязан я
 Своим дыханьем и своей судьбой.

Когда в полях завьюжила метель
 И дым пожаров шел на полземли,
 Они мою хранили колыбель
 И согревали душу как могли.

И с той поры первоначальной детства
Одна дорога мне навек дана:
Одна семья,
Одно биенье сердца,
И вздох один,
И мысль одна!

Чтоб никакое лихо на планете
Нас не коснулось смерчами огня,
Я за неё во всём всегда в ответе,
Как и она в ответе за меня.

В любом краю я дружбой не обижен,
Она горит соцветьем наших дней.
И с каждым часом мы родней и ближе
И с каждым годом выше и сильнее!

***

Меня учила жизнь не догмами:
Так – хорошо, а так – не смей.
Она меня учила долгими
Скитаньями среди людей.
Меня сурово время плавило,
И я всё твёрже постигал
Людских сердец
Святое правило:
Будь мастером,
Раз к горну стал.

***

Не то чтобы моя деревня
Всегда одна жила во мне,
Но эти поле, лес, деревья
И паутина на стерне,
И вид покинутого дома,
И лиловатый чернозём,
И всё, что с детства нам знакомо,
Что малой родиной зовём, –
Во мне как жизненная вежа,
Которую не обойти,
Где зримей сущность человека
И истинность его пути.

***

Матрёна Петровна, прощальный салют
Трубят журавли, пролетая нестройно,
И птицы тебе никогда не споют,
Никто не окликнет: «Матрёна Петровна!»

Матрёна Петровна, осенний рассвет
Над полем твоим отошёл сиротливо,
И путь твой земной петухами отпет,
И ветви на дом опрокинула ива.

А листья летят, и летят, и летят
На пашни, луга, одичалые воды,
Как будто и небо, и дали хотят
Проститься с тобою на долгие годы.

И строгой толпою погоста кресты
От всех поколений притянет могила,
За павших, за всех отработала ты –
России и верность, и сила.

***

Хочешь – верь или не верь мне,
Но покоя нет и нет.
Пять дворов – моя деревня,
А деревне тыщу лет.

Как встречали, привечали
Журавлиный долгий клик!
Государи враждовали,
Защищал страну мужик.

Только доля – всё неволя,
Но и в ней всеилье рук:
Становилось шире поле,
Убегал всё дальше луг.

Словно клюв – её дорога,
Пашни – крылья за спиной,
И парить ей долго-долго
В стороне своей лесной.

Но горели вновь пожары,
И вставал велик и мал...
Государи враждовали,
А судьбу мужик решал.

И ушли её поверья,
И рассеян её дом.
Пять дворов – моя деревня,
Два погоста за холмом.

***

Клинок и щит тяжелый я нашёл –
Они во глубине холма лежали.
Изъело время меч,
Зацвёл
Надёжный щит дамасской стали.

Далеких русичей
Опора и друзья,
Они служили
Верно им и свято.
Они во мгле времён,
Небытия
Будили звон победного набата.

И уходило горе от ворот,
Светлели лица,
Заживлялись раны,
И наливалась рожь,
И каждый год
В домах рождались
Новые Иваны.

***

Песня соловьиная – у лета,
Голос лебединый – у любви,
В тонких струях синего рассвета
Дай мне руки смуглые твои.

И веди, веди меня по весям
В звонах угасающего дня,
Только б сердцу замирать от песен,
Трепетать от силы и огня.

Одари целительным недугом –
Маяться тобою до зари.
Самым лучшим, самым верным другом –
Нежностью тревожной одари.

Чтоб всегда, как светлая примета,
Овевали все пути мои
Песня соловьиная – у лета,
Голос лебединый – у любви.

***

В тених лип затеряна дорога,
Лёгкое свечение зари,
Поброди со мной ещё немного,
О любви со мной поговори.

Боль обид и горечь расставаний –
Это всё придет, потом придёт.
Золотой листвою воспоминаний
Время наши встречи заметёт.

А пока рука к руке прижата,
И тревожно всё ещё в груди,
В синеву июньского заката
Ты, как прежде, тихо уведи.

Может, я немного передумал
О земле, о людях, о веках.
Может, я немного перепутал
Свет очей и отблеск в облаках.

Всё равно не уходи под вечер
В роздымь угасающей зари,
В этот час прощальной нашей встречи
О любви со мной поговори.

***

Вот и снова туманы в лугах,
Бег ночей замедляет планета,
И шафранной зарёю в садах
Остывает на яблоках лето.

Тянет день паутинную нить,
В рощах пусто и пасмурно стало,
И прощально дождём моросит
Облаков лебединая стая.

Скоро, скоро мои журавли
Затрубят, улетаая далёко,
И в осенних просторах земли
Сердцу станет опять одиноко.

***

Над горизонтом ледяная хмарь.
Звенит дорога в поле каменисто,
И лес давно настроен на январь,
В нём ни следа,
Ни шороха,
Ни свиста.

Все замерло.
Такая тишина!
Такое напряжение над логом,
Падёт снежинка –
И она слышна
В полёте затяжном
И долгом.

***

Как печальна к закату Земля,
Как тревожны бегущие тени,
Словно завтра не встретит заря
Ни людей, ни зверей, ни растений.

Скорбью пепла замрёт бытиё
Над глухим онемевшим пространством,
И печальная участь её
Не затронет миров постоянство.

Так же будет размерен бег
От планет до частицы мгновенной,
И не знать никому:
То ли был на Земле человек,
То ли это приснилось Вселенной.

***

История предъявит строгий счёт
Тому, кто жил и кто был только тленье,
История – она не обойдёт
Ни года, ни единого мгновенья.
И, высшей справедливостью полна,
Ни в чём не затемняя смысл словами,
С нас взыщет до конца за те права,
Которые оставлены за нами.

ВЛАДИМИР ПЕРКИН

КРАСОТА

Отец мой утром приходил с работы
И брал меня с собою, пацана.
Отец косил. Сверкали капли пота,
И становилась тёмною спина.

Сгребал я сено, мучимый досадой
На то, что, как назло, все эти дни
В макушку солнце било без пощады
И жалили то осы, то слепни.

...Коса, блестя, со вжиканьем летала,
Вилась над ней цветочная пыльца.
И как-то, помню, грустно и устало
Я незаметно глянул на отца.

И – засмотрелся. Этакое диво!
Отец, отец, да где твои года?
Помолодел и стал таким красивым,
Каким тебя не видел никогда.

И всё во мне в тот миг остановилось,
И зачарован, встал я, не дыша.
Она играла, пела и светилась
В рабочем, в нём, крестьянская душа.

Косил отец, и был он светел ликом,
Так, словно шли с ним рядом, чередой
Друзья его – по той стране великой,
Что сенокосной названа страдой.

И, раздвигая тесные пределы,
Застенчиво, неслышно, не спеша,
Во мне самом проснулась и запела
В тот самый миг –
Почуял я –
Душа...

Косил отец
В густом потоке света,
Потом упал в привядшую траву.
А я не спал...
Я знал уже, что это
Я Красотой когда-то назову.

***

Однажды проснуться на ясном рассвете,
Как будто бы только один ты на свете,
Ни друга,
        ни брата,
                        ни недруга злого,
Как будто бы жизнь начинается снова,
Вся – чистым листом пред тобою.
Скорей
Над ней наклонись
                                и дыханьем согрей,
Заполни от первой строки до последней,
Январским морозом
                                и зеленью летней,
Улыбкой,
        печалью,
                        любовью,
                                бедой –

***

Мы снова возвращаемся с учений,
И снова у калиток и оград
Застыли люди в сумраке вечернем,
На нас, идущих медленно, глядят.
И пусть устали, выдохлись, как гильзы,
Пусть выложились все мы до конца,
И сапоги – те самые, из кирзы –
Как будто бы из серого свинца, –
Всё ерунда!
Такое ли бывало!
И, враз подметив нужную волну,
Заводит самочинно запевала
О пареньках,
Ушедших на войну.
И мы живым проходим коридором,
Держа равненье,
Выправкой крепки,
По той же самой улице,
Которой
В тот грозный год
Шли молча пареньки.

СОВЕСТЬ

Звезда упала, шорохом задета,
Летит, сверкая в бездне голубой.
За всё платить должны мы в жизни этой
Призванием, характером, судьбой.

Вчера ты, скажем, был не в лучшем виде
И словом, точно топором, рубил.
Кого-то нежелаячи обидел,
Кого-то ненароком оскорбил.

А нынче вот бесчестному поступку
 Потрафил: это всё, мол, трын-трава.
 Но совесть даже малую уступку
 Нам не прощает, тем-то и жива.

Она оплатит, поздно или рано,
 Огнём, который душу опалит,
 За нанесённую тобой кому-то рану,
 Пусть рана та уже и не болит...

***

Сын вернулся с улицы, зарёван...
 Добрый мой,
 мой маленький медведь,
 в этом мире, жёстком и суровом,
 сердце нужно твёрдое иметь.
 Эту правду я давно усвоил,
 потому что видел, и не раз,
 как свирепо псы сшибались, с воем
 из-за царской косточки дерясь.
 Только шерсть клоками повисала,
 только лязг зубов кругом стоял.
 Самый сильный, самый хитрый, самый –
 в той кровавой схватке побеждал.
 А потом не раз такие схватки
 в жизни человеческой я видал.
 Среди людей похожие порядки:
 самый, самый, самый –
 побеждал...
 Что ж, выходит, подлинно я знаю:
 не порывы добрые души –

только хватка цепкая, стальная,
только зубы волчьи – хороши?
Вывод этот горестный, не скрою,
не уйти, однако, от него.
Новый мир хотели мы построить,
да не получилось ничего.
Мир, в котором люди были б братья,
стал для нас несбыточной мечтой.
Тщетно мы готовили объятья –
с рабством обнялись и нищетой.
К старым возвращаемся порядкам,
выросшим на злобе и крови.
И выходит, привыкай к повадкам –
за кус хлеба
ближним глотки рви?

И выходит, вновь законы волчьи
будут диктовать нам, что к чему?..
Нет, ни слова не скажу я.
Молча
своего Дениса обниму.

НА РОДИНЕ

Найдут посторонние взгляды
Невзрачными эти места.
Но всё-таки вот она, ядом,
Давно тебя ждёт красота.

Она и в небесной холстине –
Вечна, как само бытие, –
Она и в цветущей полыни,
И в горечи душистой её.

Она и в отаре, бредущей
По выжженным склонам холма,
И в пастыре, следом идущем,
Седом, словно вечность сама.

Он курит отраву такую,
Наждачный такой самосад,
Что слёзы глаза атакуют
И в горле комками стоят.

Я РОС НЕВЕЗУЧИМ

Я рос невезучим –
И с самого первого дня
Все камни и сучья,
Казалось, искали меня.
Синяк или шишка
Мой лоб украшали всегда.
«Ну что за мальчишка! –
Вздыхали родные. – Беда!»
Влюблялся я сразу,
Но, призраком лёгким маня,
Как будто проказы,
Бежали девчонки меня.
И в ярости жгучей
Сказал я тогда про себя:
«Да, я невезучий,
И это, как видно, судьба».
Я встал на рассвете,
Со смехом пальто распахнул
И вышел – и ветер
В лицо мне простором пахнул.

Ударили птицы
О воздух весёлым крылом.
Сказал я: «Годится!» –
И двинул себе напролом.
С тех пор и шагаю
По лёгкой крылатой земле.
Порою шатает,
Порой осветляет во мгле.
Но, падая с кручи,
Одно я твержу всем назло:
«Да, я невезучий,
Но надо же – так повезло!»

***

Весь день гремело с высоты
С периодичностью похвальной,
И ливень падал на кусты,
Что называется, обвальный.

И водосточная труба
Ревела, будто боевая,
Вся содрогалась, из себя
Поток гремящий исторгая.

И ровно, как мотора шум,
От ливня рокот разносило
И навевало столько дум...
Вчера, вчера лишь это было.

А нынче – тихо и светло,
Пред взором – райская картина,
Как будто к нам лицо своё
Земля с улыбкой обратила.

***

Вот я уеду к маме,
К детству вернусь, к нему,
Мамиными словами
Сердце своё уйму.

Там на пушистых травах
Отроческих лугов
В сердце войдёт по праву
Первая, та, любовь.

Там, на Разбойке быстрой,
Словно витьё, витой,
Сердце умою чистой,
Самой живой водой.

***

Пока живут твои родные
Отец и мать – и ты герой.
Так, словно ветры ледяные
Тебя обходят стороной.

И ладно скроен, крепко шит ты...
Но гром ударил вдалеке –
И ты, лишённый их защиты,
Как будто встал на сквозняке.

Как будто бы один на свете,
Не ждёшь ни близких, ни друзей,
Летят в тебя ветра столетья
И пробирают до костей.

ГОВОРЯТ...

Говорят, дорога лечит
От кручины, от беды,
Расправляет людям плечи,
Заметает все следы.

Говорят, дорога, дали
Расплавляют боль в груди,
Все тревоги, все печали
Оставляя позади.

Говорят... Да много ль проку
В разговорах? Звук пустой!
Я пустился в путь-дорогу,
Вновь поссорившись с тобой.

И чем далее, чем доле
Я в дороге день за днём,
Тем всё больше горькой боли
В сердце копится моём.

Встречу ль чей-то взгляд сердитый –
Как на вздыбленной волне,
Жаркая твоя обида
Так и вскинется во мне.

Если б быть с тобою рядом!
Видя, как тебе невмочь,
Я бы жестом,
Я бы взглядом
Постарался бы помочь.

Я б твои разгладил брови –
Улыбнись, хоть нету сил,
Я сказал бы, что виновен,
И прощенья попросил.

Я б твою прогнал тревогу,
Я бы руки гладил, я...
Но несёт меня дорога
И уносит от тебя.

И в купе мои соседи
Говорят все как-то в лад:
От себя, мол, не уедешь.
Очень верно говорят.

***

Заснула на моей руке,
и на ухо платочек сбился,
и – я рукою слышал – бился
твой пульс всё медленней в виске.

Спала ты среди бела дня,
дышала ровно и глубоко,
и острой жалостью меня
пронзило, как ударом тока.

Что вот прильнула, как дитя
беспомощное, и заснула
среди звона, грохота и гула
под шелест летнего дождя.

Сквозит недавнею обидой
улыбка сонная твоя.
Я вижу твой платочек сбитый...
Молчу, дыханье затая...

***

Как хорошо в дороге белой
Идти и думать об одном:
Вот путник, весь заледенелый,
В натопленный приходит дом.

Дверь открывает, в клубах пара
Весь пропадает, как в дыму,
Весёлый говор самовара
Летит из горницы к нему...

Как хорошо в дороге длинной
Ещё и верить: в доме том
Есть томик Пушкина старинный
И Блока «Избранное» том,

Тургенев с Гоголем... И – странно! –
Как будто реже темнота,
Уже и нет того бурана,
И путь-дороженька не та!

***

Пустой забавою развлечь
Не смей, мой голос.
В душе моей созрела речь,
Как в поле колос.

Ему ль прельщаться суетой?
Стоит упорно
И гордо держит над землёй
Литые зёрна.

Уже не время мне пленять
Картинкой броской.
Не время золото менять
На меди блёстки.

Как на последнем рубеже,
Пора настала
Сказать: осталось лишь «уже»,
«Ещё» – не стало.

СВЕТ В ОКНЕ

Четвёртый час.
А свет в окне напротив
Ещё горит,
                                пылает во всю мочь.
Что там стряслось?
В какой такой заботе
Кто,
                                почему
                                с огнём проводит ночь?
Работа очень срочная тревожит,
Спать не даёт, спокойствия лишив,
Раздумия о жизни или, может,
Попавший в руки модный детектив?
А может быть, ребёнок сильно болен,
И мать над ним
                                склоняется без сна,
Иль, может, просто
                                ветер дунул с поля –
И сердце растревожила весна?..
Я не хочу гадать,
Я не желаю
Разрушить в этой тайне ничего.

Всю ночь в окне напротив
  свет пылает.
И мне светлей,
                        мне легче от него.

СОБРАТЬЯ

Живёт в деревьях чуткая душа,
И вы её – не правда ль? – замечали,
Когда, под ветром осени дрожа,
Стоят они в тревоге и печали?
А в светлый день июля так светлы,
Как будто бы исполненные счастья,
Берёзовые светятся стволы,
Осины золотистые лучатся.
Покажется: живые существа
Вокруг тебя, они – твои братья.
Сказать им хочешь добрые слова,
По-братски распахнуть свои объятия.
И хочется до спазмы горловой
У тополя спросить: «Как поживаешь?»,
К стволу припав горячей головой,
Да жаль, что языка его не знаешь.

ВЫСОКИЙ ДЕНЬ

Июнь, июнь...
Грузнее ветки.
Всё выше день.
Уж скоро он
Пойдёт, достигнув высшей метки,
Бесповоротно под уклон.

Увы, все сроки в мире кратки,
 Сказал поэт.
 Настанет день,
 Когда в таком же вот порядке
 Свернёшь ты в собственную тень.

Но прежде чем наступит это
 И жизнь промчится под уклон, –
 Высокий день!
 Как много света!
 Как воздух светом напоён!

***

Пороховая взрывчатость стиха –
 немереная дьявольская сила.
 Не стой вблизи!
 Подальше от греха:
 как бы волной взрывною не скосило.

Уйди! Уйди!
 Не видишь разве ты,
 как слово подождённое дымится
 и свет нездешней, горней высоты
 лучом зловещим лёг уже на лица?

О сколько их, обугленных стихом,
 ушло навек за скорбные пределы.
 Зачем же вновь
 в волнении глухом,
 всё позабыв,
 ты занят страшным делом?

Склонился над страницей...
 Ночь тиха.
 И зреет в сердце яростная сила.
 Пороховая взрывчатость стиха
 не раз поэтов намертво разила.

ЛЕВ **КОТЮКОВ**

ПО ВОЛЕ БОЖЬЕЙ

Моему другу Ивану Переверзину

I

В незримой тьме глаза закрою,
И кажется – схожу с ума.
Во мне, за мной и предо мною –
Такая тьма, такая тьма!!
И мысль подбросит голос ложный,
Как бы крепя глухую тьму:
«Всё, что я делаю, – ничтожно,
Да и не нужно никому!»

Неужто здесь, в глухой юдоли,
Господь навек меня забыл?
Неужто не по Божьей Воле
Я жил порою, как не жил?
Но Воле Божьей нет предела,
И пусть весь мир во тьме лежит...
Господь простит за то, что сделал,
Но что не сделал – не простит!

II

Полночной, немощной порою
Тьма подступает, словно враг.
И кажется, глаза закрою –
Она совсем забудет страх.
И обратится вечной бездной,
И враз прижмёт меня к стене,
И всё моё во мне исчезнет –
Как наяву, так и во сне.

Но всё моё в Господней Власти,
Мне даже в немощах светло...
А если сдохну, то от счастья –
Тупым завистникам назло.
Что не от Бога – всё ничтожно,
И наяву, и в тёмном сне...
И бесконечна Воля Божья,
Как свет бессмертия во мне.

В РЕАНИМАЦИИ

...От боли из забвенья выходя,
Во тьме очнувшись, словно под землёю,
Я ощущаю медленно себя
Как нечто ещё злое и живое.

И вроде обретаю образ свой,
Но, может быть, не образ, а подобье,
Подобье чьей-то жизни пробивной,
Готовой впрок заказывать надгробье.

Но я – не впрок! Я сам себе – не впрок,
Я отдаю всегда себя по полной...
И видит Бог, и знает Правый Бог –
Я с изначала словно сгусток молний.

И, с болью из забвенья выходя,
Я Господу внимаю всей душою
И с радостью не чувствую себя
Как нечто очень злое и живое...

СЕРЕБРЯНЫМ ЛЕТОМ

С печалью и болью
и в неповторимом
Душа обратится
серебряным дымом.
Серебряным дымом,
серебряным светом,
Серебряной ночью,
серебряным летом.

Душа не прозреет
своё отраженье,
Ведь Промысел Господа –
в неповторенье.
И станет навеки
в пространстве незримом
Моё повторимое
неповторимым.

О, Боже, прости мне
моё откровенье,
Но жаждет душа,
как любви, повторенья...

МЕЛКИМ ВРАГАМ МОИМ

Нет дела никому ни до кого!
За это можно выпить на халяву
И, напроочь отрешившись от всего,
Отдать врагам и подвиги, и славу.

Берите всё в паскудной суете!
Ну нет до вас мне никакого дела!
Я нынче, как в межзвёздной пустоте,
Навек завис в глухом скафандре тела.

Ломается неловкий мой скафандр,
И, кажется, почти непоправимо...
А вы, галдя, срывайте подлый фарт,
Делите с визгом всё, что неделимо.

Ловите свой последний, страшный фарт
И зримым упивайтесь, как незримым.
А я, глядишь, исправлю свой скафандр
И с Господом останусь в неделимом.

А вы брешите в страхе сатане:
«Есть до него ого какое дело!»
Господнее молчание во мне –
Вне времени и звёздного предела.

Я напроочь отрешился от всего,
Желаю вам потешиться на славу...
Нет дела никому ни до кого!
Вам стоит нынче выжрать на халяву...

НЕНАПРАСНОЕ

Памяти поэта Николая Рубцова

«Эта жизнь как без моря причал.
И душа не вмещается в слово...»
Не Рубцов ли мне это сказал?
Или сам я сказал без Рубцова?..

Кто из нас?! Не припомню теперь...
 Смутно помню околицу мая,
 Чётко помню, что пили портвейн
 У какого-то злого сарая.

Пили тёплый портвейн из горла –
 У сарая, а может, сортира...
 И, не ведая промысла зла,
 Поносили правителей мира.

И не думалось нам в эту рань,
 Что исчезнет эпоха со свистом,
 Что склонять будет разная дрянь
 Имена наши в злобе завистой.

Мой товарищ куда-то спешил,
 И, внимая проезжему шуму,
 Он портвейн до конца не допил
 И отдал мне бутылку угрюмо.

А сейчас, как в нездешнем краю,
 Заслоняясь рукою от света,
 Я один на причале стою,
 Но ни моря, ни берега нету.

И молчу я в пустой тишине,
 И молчит тишина безучастно...
 И не знаю, но кажется мне,
 Что припомнил Рубцова напрасно.

И напрасно про тёплый портвейн
 Написал я на радость ублюдкам...
 Но, увы, не справишь теперь
 Ничего в обстоянии жутком.

И дорога поэта ушла
За околицу мира иного...
И вмещается в Слово душа,
И душа не вмещается в слово...

ДОРОГОЙ БЕЗЛУННОЮ

В годы тёмных гонений
И агоний державных
Я, как истинный гений,
Был никем средь неравных.
И зловещею ранью
На глухом перегоне
Я отбился от пьяни
И ушёл от погони.
Нет в помине той жизни,
А от этой – нет проку!
Но себя чётко вижу
В том бездарном далёком.
И дорогой безлунной,
В сумасшедшем безвестье
Ловит кто-то безумный
Тень мою в перекрестье.
И в чужом огороде,
Под забором репейным,
Я сижу на свободе,
Обнимаясь с портвейном.
Весь избитый, без денег...
Эх вы, нелюди-люди!
Но, как нынче, надеюсь,
Что паршивей не будет...

Всё надеюсь на чудо,
Что не будет поганей
Средь приветного люда,
Без врагов и с деньгами...
И свобода со мною,
И, Луной позабытый,
Вспоминаю бывшее
И молчу, как убитый.
И молчу о записке
В пожелтевшем конверте,
И молчит кто-то близкий,
Как молчат... после смерти.

***

Мгла гонима тёмной бурей,
И конца не знает мгла.
Но живу... Ещё не умер...
И душа не умерла.

Вечер. Ветер. Ожиданье.
Одинокий тусклый свет.
И такое обстоянье –
Время есть, а жизни нет.

И душа ко мне прижалась,
Чтоб успел её спасти.
Но и времени, пожалуй,
Нынче нет, как ни крути...

Старость. Немоощь. Справедливость.
И молчу, любовь тая...
И во мне, как Божья милость, –
Беспощадность бытия!

***

Я знаю, что, прельстив сердца,
В кулак собрав все скверны мира,
Царь бездны будет до конца
Владыкой тёмного эфира.

Но знаю: нет небытия
И верю в Истину Завета.
Но жизнь моя как не моя,
Как пустота без тьмы и света.

Внимаю числам, точно зверь,
Но не число с числом сойдётся,
А жизнь исчезнет, словно смерть,
И, словно смерть, ко мне вернётся...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Хватит домыслов разных!
Набрехались сполна...
Нам навек этот праздник
Подарила война.

Гул крылатого света –
Громоносный обвал!..
Нам с войной праздник этот
Сам Господь даровал.

Даровал Свою Ярость
На последнем краю,
Даровал, чтоб равнялись
На Победу свою.

И пред силою адской
Дал нам Веры Святой.
И не зря рядом с Пасхой
Этот день золотой.

До конца и без меры
Нас Господь одарил...
Нет Победы без веры!
Веры нет без могил!..

***

Душе Господь всегда поможет,
И жизнь, быть может, не прошла...
Живи, душа, по воле Божьей
Во мне, как не во мне, душа.

Живи, душа, в Словах Завета –
Иного в этом мире нет...
Живи, душа, по воле Света,
Чтоб Свет бессрочно множил свет.

Ты в мире этом всё успела,
Ты жизнь мою познала въявь...
Живи, душа моя!.. А тело?..
А тело мне пока оставь...

НЕИЗВЕСТНОМУ СТИХОТВОРЦУ СО СКОРБНЫМ СОЧУВСТВИЕМ

Он пишет, рифмы подбирая,
Мечтая поразить свой век:
«Как зверь, ревела буря злая,
И дуб стонал, как человек!..»

Проходит век, а он всё пишет
В надежде, что поэтом стал...
О, кто б хоть раз его услышал,
Кто б слово доброе сказал!..

Любви сторонней сердце жаждет
И в стихотворческом дыму,
Он всё надеется: однажды
Судьба откликнется ему.

Но не сошлись над ним светила
Ни в этой жизни, ни в иной.
А ведь ему сполна б хватило
Посмертно премии шальной.

Но немота в ответ глухая,
И, понимая, что не люб,
Он рвёт тетрадку со стихами,
Как зверь, и стонет, словно дуб.

О, сколь их сгнуло в могилах,
Глотая тьму кровавым ртом!
И я помочь ему не в силах,
Как бы винюсь, скорбя о том.

Но, как сказал поэт когда-то
В сердцах по поводу наград:
«Ведь я ни в чём не виноватый,
Как он ни в чём не виноват!»

А я не тороплюсь с ответом,
Задравив глухо свой отсек:
«Не виноват, что стал поэтом!
Но виноват, что человек!»

ВОИНСТВУЮЩИЙ ИДЕАЛИСТ

Он честность с правдой перепутал
И вот уже который год
От мира яростно и тупо
Какой-то честной правды ждёт.

Он, может, лучший из немногих,
И вовсе не его вина,
Что в правде – Бог и правда – в Боге!
И правде... честность не нужна.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ СОНЕТ О ПРАВИЛЬНОМ

Забываю имена и даты
И не помню номер автомата,
Забываю лица и слова...
Ничего хорошего не снится,
И, похоже, жизнь не повторится,
И молчат во тьме ночные птицы,
И болит угрюмо голова.
И впадаю в лунное затмение,
Но, с Луною выходя из тени,
Столько открывается всего!
Вдруг увижу росный куст сирени,
Вспомню вдруг – а нынче воскресенье!
Вспомню вдруг, как слово откровенья,
Номер автомата своего...

ДОЖДЛИВОЕ

«Ты себе давно уже не нужен!...»
Пузырясь, шипят дождевики в лужах.

Шелестит угрюмо тёмный дождь:
«Ты давно ни для чего не гож...»

Ну да ладно, ладно, что с того?!
Мне от вас не нужно ничего...

И грохочет ближний гром сердито:
«Нет, друг ситный, мы с тобой не квиты!»

Ты ещё получишь – ого-го!
Коль тебе не надо ничего!»

И бормочет глухо сонный дождь:
«Он давно ни для чего не гож...»

Но скворчат тускнеющие лужи:
«Гож-пригож... И – нужен, нужен, нужен...»

ДУХ ПЛАМЕНЕЮЩИЙ

Не знают тьмы глаза твои,
И в тишине с твоим дыханьем
Дух пламенеющей любви
Овладевает мирозданьем.

И в камнепадной тишине
Со всею страстью невозможной
Не я – в тебе, не ты – во мне,
А вместе мы – во длани Божьей...

В ЛЕТАЮЩЕЙ ТЬМЕ

Свет неверный, ну – не свет!
И любовь как не любовь...
И в грядущем смысла нет,
А в прошедшем – страх и боль.

И лечу во тьму без дна,
Но не вою, будто зверь...
Жизнь одна, любовь одна
И душа одна, как смерть.

На отшибе бытия
Ничего не надо мне...
Но во мне Господь, и я
Не один в летающей тьме.

И в грядущем страха нет –
Не на дно лечу, а ввысь.
И за всё один ответ,
И душа одна, как жизнь!..

ПАМЯТИ ТЁМНОГО ПОЭТА

Он был угрюм, как сломанный уют,
Но покорял невнятным, тёмным даром,
Особенно читая что-то вслух
По пьянке не совсем прекрасным дамам.

И тёмные, неверные слова
Я нынче вспоминаю через силу...
Но критика, как чёрная вдова,
Давно забыла жалкую могилу...

И вечность неотступно, как во сне,
Из жизни наше время вычитает...
Но чудится: в безумной тишине
Он что-то всё читает и читает...

ПОКОЙНОМУ ДРУГУ

Что глядишь, мой друг, как зверь?
И молчишь, как человек?
Не спасёт от жизни смерть
Ни здоровых, ни калек.

Что бормочешь: «Запахнись...»
Не простыну я спяна...
Не нужна мне эта жизнь,
И другая – не нужна!

Я – никто, мой друг, теперь!
И меня отринул век.
Что молчишь, как старый зверь?
Что глядишь, как человек?

Ты покинул этот свет,
Ты давным-давно никто!
И не твой ли, друг, скелет
Пропил душу, как пальто!..

МИМОЛЁТНОЕ

От крестной юдоли не денусь
И силюсь подставить плечо.
Но сам на кого-то надеюсь
И верю кому-то ещё.

И верю, что жизнь не пропала,
Вникая лукавым словам,
Но знаю, что избранных мало,
И, может, неизбранный сам.

И в злую, лихую погоду,
У ливня на самом краю,
Хватаю за шиворот воду,
Как грешную душу свою...

БЕЗНАДЁЖНОСТЬ

*Моему другу и замечательному поэту
Валерию Шитуеву*

В бездне чёрная дыра
Стала чёрным человеком...
И пора, мой друг, пора
Расквитаться с новым веком.

Безнадёжность бытия –
Вот исток любви и веры.
Но не станем ты и я
Для других живым примером.

Будто смерть проходит жизнь
В непотребной круговерти.
И объяты даль и высь
Безнадёжностью бессмертья.

Нам не страшен Новый век,
Нам давно никто не нужен.
Что ж ты, чёрный человек,
Будто в прорубь, лезешь в душу?!

И дрожит от страха плоть,
И душа дрожит в смятенье...
Но дарует нам Господь
Безнадёжность, как спасенье!

***

Пусть в отчем доме мрак
И нежитью разит...
Я дверь открою так –
Никто не затворит.

Навек открою дверь
Под колокольный звон.
И в дом не вступит смерть,
И нежить сгинет вон.

И грянет светлый гром,
И в всполохах огня
Все возвратятся в дом,
Но не найдут меня...

***

Где лица родные?! Где светлые лица?!
Все в Боге навек! И навеки во мне.
И падшее нечто в ничто обратится
И сгинет в последнем Вселенском огне.

Но век беспощадный погряз в круговерти,
И тайны последней не ведает век:
Что жизнь обратится в живое бессмертье,
Что время в любовь обратится навек.

И в страшных аллеях полночного парка
Вдруг вспомню, как пели во тьме соловьи...
И жизни не жалко, и смерти не жалко,
Но жалко погибших навек в нелюбви...

О, Боже, прости хоть на миг прегрешенья!
Прости, что устал свою душу жалеть...
И я, подминая сухие растенья,
Навстречу погибшим иду, будто смерть...

ВЛАДИМИР ПЕРЕВЕРЗЕВ

***

Тенью русской словесности,
Отголоском чужого мгновения
В нищете и безвестности
Умирает моё поколение.

Ни войны вроде не было,
Ни беды – так, одни передраги,
А деваться-то некуда,
Кроме белой бумаги.

КАМЕННАЯ КНИГА

Из немоты, из глухоты, из чрева
Земли, которой правда не нужна,
Она встаёт – без нежности, без гнева,
Безумьем справа и безумьем слева, –
Загадочны чужие письма.

Я знаю, эта книга превратится
В сосну, в ручей, в покатые холмы,
И в странницу, и в чистую страницу,
И в никому не ведомую птицу,
И в молнию, разящую из тьмы.

Не дай прожить пустынником, природа!
Дай прочитать холмы и письма,
Где в каждом камне – продолженье рода,
Где каждый знак – на языке народа,
Где каждый знак родного небосвода
Касается,
где каждый стяг – страна.

***

В недобрый час нахлынет вьюга
Раскосой дикою ордой,
С тобой, как бывшая подруга,
Она расплатится с лихвой.

Нахлынут – никуда не деться –
Бессонница, луна, сова...
О, где ты, юность,
                                где ты, детство?
Какие странные слова!

Под хлопанье дверей подъездных,
Под лязганье железных крыш
Ты ужаснешься – и ни с места!
Окоченеешь, замолчишь.

Фонарь (а улица клубится!)
Раскачивается вкривь и вкось,
Как бы больная бьется птица,
Когда взлететь не удалось.

Лицо, залепленное снегом,
Уж не похоже на твое –
Ты тоже станешь печенегом,
Сев на коня, схватив копьё,

Свои дела покончив разом,
Навек забыв родную речь
И навсегда отбросив разум,
Который незачем беречь.

***

Дерева потонули во мраке,
И кусты, и мосты, и дома,
Но встаёт на бессонной бумаге
Чей-то лик, словно Совесть сама.

Я-то знаю, закончена повесть,
Я не знаю, что будет потом.
Словно Совесть встаёт,
  словно Совесть,
Белый облак над чёрным хребтом.

То ли годы, как сны, промелькнули,
То ли сны, точно годы, прошли...
Я стою в карауле, и пули
Гимнастёрку мою обожгли.

Только смерть, что легка на помине,
Только жизнь, что даётся с трудом,
Никогда уже больше отныне
Не поселятся в доме моём.

САХАЛИН

Вместе с тучей, ползущей за ворот,
Как последнюю твердь принимай
Этот юный и пасмурный город,
Этот дикий и северный край.
Этот остров, где слышатся звуки,
Не вошедшие в обиход,
Эту область любви и разлуки,
Где всему свой напев и черёд.

Принимай бытия телеграммы,
Что должно совершиться – вершись!
Не интригою мелодрамы,
А трагедией полнится жизнь.
Смех и слёзы твои – вперемешку
И снега – на вершинах души.
Принимай телеграммы, не мешкай,
Смех и слёзы твои хороши.
Подпевая неслышному хору,
Принимай до скончания дней
Эти близкие снежные горы
В обрамленье холодных морей.
Принимай! Это только начало,
И свои возводи города.
Что за музыка там зазвучала?
Я не слышал такой никогда.

МУЗЫКА

Этого не может быть!
Я никогда не поверю,
Чтобы из переплетений дерева и металла
Возникла музыка.
Внутри дерева – дерево,
Внутри металла – металл,
Музыка – внутри чего?
И старик-настройщик со мной согласен.
Он возится уже битый час,
Чтобы мёртвые звуки звучали в тон камертону.
Он-то знает, что музыкой здесь и не пахнет,
Просто нужно,
Чтобы инструмент был в порядке, –
Такая профессия, мы понимаем друг друга.

Мы понимаем друг друга.
 Просто нужно уметь удивляться,
 Чтобы жизнь
 Не казалась переплетением дерева и металла,
 Стекла и бетона,
 Чтоб на каждый сигнал камертона
 Незвестная музыка отвечала,
 Словно эхо,
                 неизвестно
   с какой
   стороны.

***

Иду с бадейкой деревянной по воду,
 Подаренную ночь не торопя.
 Звенит конец оборванного провода,
 Звенит во тьме морозная тропа.
 Под музыку размеренную ворота,
 К железному звену кладя звено,
 Я задрожу от счастья и от холода,
 От счастья и от холода – равно.
 Что там мерцает в глубине колодезной?
 Темна вода, полна бадья... Гляди!
 Как пойманная рыба, колотится
 Студёная звезда на дне бадьи.
 Я знаю, что такими вот ночами
 В глухой, непроходимой тишине
 Она сожжёт холодными очами
 Моё жильё с холстиной на окне.
 Что ожидает встреча неминуемая,
 Лишь только снова выйду за порог...
 Стоит звезда – печальная, падучая –
 Над хлябями нехоженых дорог.

***

Костры сухой ботвы горят на грядках,
Опалены садовые кусты.
Поэзия!
В осенних беспорядках,
Я знаю, виновата только ты.
Я думал, это птицы вереницей
Проплыли надо мной наискосок,
А это ты колдуешь над страницей,
Как школьница готовит свой урок.
Я думал, это осень пролетела,
Вот так же и горчит она, и жжёт, –
А это ты своё святое дело
Вершишь, как стая – дальний перелёт.
И на губах солёный привкус крови
И тот наисладчайший горький дым.
Горите, все надежды, все любви,
Все суеверья, пламенем одним!
Я запалю заветную страницу,
Поэзия, у твоего костра.
Всё перемелется и – возродится,
Чтоб жизнь была по-прежнему остра.

***

Мой молчаливый ледоход!
Я на мосту. В кармане булка.
Трамвай звенит из переулка,
И солнце красное встаёт.

Каким же чудом я узнал,
Что лёд проснулся на рассвете,
Что на мосту собрались дети,
В руках у каждого – штурвал?

Нам было видно: ледоход,
Как пароход, уходит в море.
Но ледоход растает вскоре,
А пароход отыщет порт.

Итак, да здравствует игра
До слёз, до головокруженья!
Да здравствует воображенье,
Что мир пронзает, как игла!

Земля над бездною висит,
Как яблоко, и голос чей-то –
Не твоего ль дыханья флейта? –
В зеленой кроне шелестит.

***

Я забыл слова простой
Тополиной сказки той,
Улица, где я родился,
Называлась Пуховой.

Неказиста и мала
Эта улица была,
В лёгком пухе тополином
Серебрилась и плыла.

Плыл наш домик вырезной
Между летом и весной,
Тополя звенели чисто
Изумлённою листвою.

Плыл наш домик без руля,
Далека была земля,
Пух струился тополиный,
Словно след от корабля.

***

Чтоб сумерек продлить очарованье,
Замри перед последнею чертой,
И явится к тебе воспоминанье,
Как из окна сноп света золотой.
Закрой глаза – теперь не надо зренья,
Ещё ночные сны не зажжены,
Но сумеречное приуготовленьё
Порой важней явления луны.
Оно наполнит древние колодцы,
Безропотно склонясь перед судьбой,
И, обратясь в слова, переплеснётся
На чистый лист, подставленный тобой.

***

Уже опали наши рощи,
Закутаемся до бровей.
Наверно, можно было проще
Дожить до старости своей.

Как будто крылышками вея,
По льду подошвами скользя,
Наверно, можно веселее,
Но бесприютнее – нельзя.

Какое время наступило
В моих степях, в моих лесах!
Как странно кружатся светила
В моих полночных небесах!

***

Чьи ангелы там пролетели,
Едва обозначив маршрут?
Они уж на этой неделе,
Наверное, в рай попадут.

Привычен им путь, хоть не близок
 Над лесом, над топью болот.
 Как пуст, как убийственно низок
 Остался без них небосвод.

Как странно, леса, да трясины,
 Да серое небо кругом.
 Уже половина России
 Как вихрь, понеслась за окном.

Уже за окном, за вагоном,
 За поездом – где? не догнать! –
 Промчались избушка с поклоном,
 Церквушка да чёрная гать.

А ты и не сделал ни шагу,
 Лишь только мелькала окрест
 Земля, не попав на бумагу
 Из этих заброшенных мест.

Мелькали, мелькали, мелькали
 Глухих километров столбы
 Как спутники русской печали
 И русские знаки судьбы.

Огромные дыбились ели,
 Продутые ветром насквозь,
 И трубы старинные пели, –
 Чуть сердце не оборвалось.

Но если смотреть, не мигая,
 Сквозь эту свинцовую мгу,
 Почудится, верно, другая
 Россия на том берегу.

В её рукавах – по жар-птице,
И в красных цветах сарафан,
С которым, наверно, сравнится
Один Мировой океан.

На ней драгоценный кокошник,
И русые косы у ней,
У той, что не топит, не крошит,
Не душит своих сыновей.

***

Февральский снег темнее к ночи,
Зато светлее небосвод.
Когда заснет последний кочет,
Звезда зеленая взойдет.

Она осветит лес еловый
И тени тающих снегов,
И в бедной рожице лиловой
Полоску узкую следов.

Ты там заблудишься, быть может,
Состаришься и станешь сед.
Что из того? Тебе поможет
Твоей звезды спокойный свет.

Среди других теней невидим,
Но узнаваем и знаком,
С тобой заговорит Овидий
Тебе понятным языком.

В минуту полночи победной,
В час ослепительной звезды
Водю темной, заповедной
Наполнятся твои следы.

СТРЕКОЗА

Взгляд и крылья серафима,
Вся в клубах огня и дыма,
Провидением томима,
Прилетела стрекоза.
Ах, продлись хоть на мгновенье
Это странное виденье –
Золотое оперенье,
Разноцветные глаза.
Что за нею вырастает?
Кто над кронами витает?
Тьму со светом обручает
И теряется во мгле?
Где трепещет каждый атом
В поле, ужасом объятom,
В океане бесноватом,
В небесах и на земле.
Чей засушенный листочек
Бьется между клейких почек?
Что за облик, что за почерк
Проступают из древес?
Смотрят в небо вяз и ясьень,
Лист рябины желт и красен.
Только вымолвишь – прекрасен! –
Глядь, а он уже исчез.
Сновиденья, упованья,
Грезы, разочарованья,
Обольщенья и страданья
Чем ни дальше, тем видней.
Белым облачком былого,
Грустным вальсом Льва Толстого,
Тенью века золотого

Все кружатся меж ветвей.
Ах, кого там бьют с размаху?
Кто там стонет, рвет рубаху?
Чью там голову на плаху
Положили палачи?
Золотое оперенье...
Где ты, чудное мгновенье?
Родина, долготерпенье,
Ни креста и ни свечи.
Что ни спрячешь за спиною,
Жизнь моя, побудь со мною.
С неизбывною виною
Чем покажешься в конце?
Я не знаю... Флейтой, скрипкой?
Женщиной? Тюремной пыткой?
Иль загадочной улыбкой
На заплаканном лице?
Дни твои так долго длятся,
Сны твои так сладко снятся,
Трепещат, шуршат, сребруются
В пропастях добра и зла
Над годами и над нами
И над нашими трудами,
Над зелеными прудами
Твои легкие крыла.

АКВАРЕЛЬ

Размазан вечер, как слеза,
И дождь идет, и злой
Свет фонаря слепит в глаза
Цыганскою иглой.
А дальше ночь, а дальше мрак.

Какой там свет луны!
Лишь хруст шагов, да лай собак,
Да камни-валуны.
Кто там стоит, укрыт плащом,
И курит на ветру?
Зачем затеял он с дождем
Нелепую игру?
О чем он думает в глуши
Своих ночных затей,
Когда в округе ни души –
Хотя б один злодей?
В такие ночи никому
Не велено гулять,
В такие ночи одному
Опасно так стоять.
Но, страх и трепет затая,
Ты остаешься там,
Чтоб только книгу бытия
Прочесть не по складам.
И вот навзрыд и наугад
Выходят из глубин
То тень от дерева, то взгляд,
Исполненный любви.
И нету силы никакой
Убрать из головы
Ни шум дождя, ни ветра вой,
Ни шелесты травы.

***

Жизнь моя, удивительно длинной
Ты казалась... Что кажется – ложь.
Я хотел, чтоб ты стала былинной, –
Ты былинкою в небе плывёшь.

На мосту через эту речонку
Хоть бы раз мне ещё постоять,
Как мальчонка в холодной кепчонке,
Глядя в небо опять и опять.

***

И с нами расстались
Последние стаи –
Они не вернуться.
И те, что остались,
И те, что отстали,
И те, что пробьются.
Так жизнь улетает,
Так ты улетаешь,
Вся в облачке смеха.
Никто и не знает...
Возьмёшь и растаешь,
Как дальнее эхо.

***

Стало страшно, как только подумал,
Сколько времени прожито зря.
Вот и холодом смертным подуло
От страниц моего букваря.

От рубях, что распахнуты настежь,
От пустых нарисованных лиц,
От страниц, перелистанных наспех,
От постыдных и сладких страниц.

Жил я так, что и свечи знобило,
Но в вечерней и утренней мгле
Что-то всё-таки происходило,
Что-то было со мной на Земле.

Было что-то такое туманное,
Как любовь иль дорога во тьму,
Одинокое, горькое, странное
И доступное мне одному.

***

– Старик, так долго длится ночь
На этом берегу.
Старик, ты должен мне помочь,
Я больше не могу!

Нет света ни в одном окне
И ни в одном глазу..
– Ну что ж, – старик ответил мне, –
Садись, перевезу.

Но с этим берегом простись,
Мы на краю времён.
– Дедусь, как звать речушку?
– Стикс, –
Ответил мне Харон.

ГЕННАДИЙ ФРОЛОВ

***

С умытых лип струящаяся свежесть,
Скрип тормозов и скрежет на шоссе.
Да! Нет любви. Есть только страсть и нежность!
Огонь в крови и холодок в душе.

Есть две сестры с туманными глазами.
Я их встречал на улицах в Орле.
Весенними сырыми вечерами
Они порой маячили во мгле.

Одну я знал тогда. Другой не знаю
И посейчас. Но знаю, что придет
Еще пора – и в бледный сумрак мая
Она походкой легкою войдет.

Она войдет на краткий миг последний,
Страхнет с плаща холодную росу,
Вино достанет – и, в ее колени
Упав лицом, я стихну и усну.

***

Этот мир в его основе,
Где с тобой нам вышло жить,
Никогда мне, право слово,
Не хотелось изменить.
Как бы ни было нам горько,
Сердцем верил горячо,
Что и тьма темна постольку,
Есть поскольку свет еще;
Что мучительное горе –
Тоже счастье – и одной
Их несет на берег море
Набегающей волной.

Их слиянье нераздельно –
Так зачем же ты опять
И напрасно, и бесцельно
Их пытаешься раззять?
Неотъемлем смех от стоны,
И прекрасен без прикрас
Мир, где слезы Антигоны –
Слезы радости для нас;
Где не знаем мы, страдая,
О страданиях своих,
Что, быть может, жизнь иная
Обретет опору в них.

ЛАСТОЧКИ

По утрам туман полями тянется
И трава студеная сыра.
Что же вы здесь задержались, странницы?
Улетайте в Африку, пора!

Третий Спас уже в ладонях вынынчил
Стужею промытую лазурь.
Собирайтесь, торопитесь – иначе
Долететь не сможете до бурь.

Ведь едины луг мой холодеющий
И от жара спекшийся песок –
Вам, в любви связавшим не скудеющей
Юг и Запад, Север и Восток.

***

Где в жизнь прорастает искусства
Жестокий и радостный сад,
Нас губит двусмысленность чувства,
Двоякость, двуликость, разлад.

Мир ясен, покуда не назван,
Но, скрывшись за словом моим,
Он форму срывает – и разом
Становится неуловим.

Напрасно, напрасно, напрасно
К нему имена мы опять,
Как ключ, подбираем – опасно
В неведомое проникать.

Вдруг там, за последнею дверью,
Что свет разделяет и тьму,
Таятся такие потери,
Которых не вынести уму?

ВОСПОМИНАНИЕ О КУРСКЕ

Ограда. Яблоня за нею.
В бадье зеленая вода.
И все отходит, все бледнеет
И исчезает без следа.

И исчезает. О, не надо!
Рвануться следом – но куда?
Ни яблони и ни ограды
Не сохранили мне года.

Не сохранили. Нет их больше.
Нигде их нету на земле!
За ливнем давним, за порошею
Они растаяли во мгле.

Они растаяли, как юность,
Что в самолюбье молодом,
И уходя, не обернулась
Ко мне заплаканным лицом.

***

И. Ф.

Себя преодолеть, в себе найти опору
Смогу ли я? Бог весть... В сырой не виден мгле
Ни сад, ни огород... В глухую ль эту пору
О листьях горевать и думать о тепле?
Дожить бы как-нибудь... Дожить? А разве стоит?
Уж, видно, стоит, брат, коль горько – а живешь,
Как этот сад, как пес, что заунывно воет,
Изябнув в конуре, – и все чего-то ждешь.

Все ждешь: наступит день, и будет солнце снова
Горящее, как медь, и душное, как мед;
Вздохнет просторно грудь, и к слову встанет слово,
И речь издалека далёко уведет.
И прежняя любовь придет к тебе и страстно
Откроет губы – горькие, как дым, –
И запоем, что жизнь всегда прекрасна,
Что радость мы, как смерть, не избежим.

Пой, нежная! Ведь истинное чудо
Не в том ли есть, что, вопреки мечте,
За счастьем горе ждет, что мы все те же будем
В гремящей славе, в тихой нищете,

Что все, что будет, есть уже, и ветер
 Один несет и зной, и холода,
 Что те же листья, оставляя ветви,
 Взойдут на них, исчезнув без следа.

***

На свете счастья нет...

А. С. Пушкин

Нет счастья, это так! Но радость есть, я знаю.
 Прожить бы эту ночь – и я дождусь ее.
 О, как я мал и слаб, когда я засыпаю,
 Как тело холодит мне чистое белье...
 Как мучится душа в какой-то муке страстной,
 Как быстро и легко шумят в крови миры,
 И, влажно бормоча, несут, уносят властно
 Во мглу безвольный ум пологие валы.
 Последний свет погас. И только тьма забвенья...
 Да я ли это здесь? Ну кто расскажет мне?
 Как черепки в горсти, обломки сновиденья,
 Что память наугад нащупает на дне.
 Из них не соберешь ни амфоры, ни чаши.
 Но надо ль собирать? Не лучше ли забыть?
 Как забываем мы ночные мысли наши,
 Встречая новый день, и продолжаем жить.
 Нет! Счастья в мире нет! Неполнота ущербна.
 Но радость есть еще! Она приходит вдруг,
 Когда зажжет весна на розоватых вербах
 Серебряно-сырой, густой и нежный пух.
 Прожить бы эту ночь. Прожить бы эти ночи.
 Не оглянись назад! Не оглянись назад!
 Иди сквозь сон, сквозь мрак – пусть из последней мочи:
 Там на рассвете ждет в листве зеленой сад.

Пускай он облетит. Пускай мы облетаем.
Пусть путь у нас лежит и труден, и непрям,
Пусть в страхе и в слезах порой мы засыпаем...
Но в радости еще дано проснуться нам.

***

Лист кувырком пронесется по площади,
Ляжет у ног, золотой.
Чайная. Лошадь с телегой. У лошади
Пар из ноздрей завитой.

Кажется, Болхов! А может, Нарышкино?
Залегощь? Кромь? Колпна?
В сизый закат уходящими крышами
Зябкая память полна.

Что же, шепчи мне все нежности, дурости,
Стужей бесснежной укрой.
Слаще портвейна, что пили мы в юности,
Холод свиданья с тобой.

Вот он – проулок, в суглинок которого
Вмерзли следы от колес.
Страстную жаждой успеха дешевого
Пахнет лиловый навоз.

Где вы, красавицы в шубках потрепанных? –
Лед в колеях как слюда! –
В ваших браслетах, в накрученных локонах –
Что нас прельщало тогда?

Дронников Витя и Вова Авраменко,
Зайченко Владик – увы! –
Юности нашей глухая окраина,
Мерзлые перья травы!..

***

Мне снятся мертвые друзья
 Уже какую ночь.
 Но если в этой жизни я
 И мог бы им помочь,
 То там, где их скрывает темь,
 Забывшийся во сне,
 Зачем я нужен им? Зачем
 Идут они ко мне?
 Зачем они, потушив взгляд,
 Присев в моих ногах,
 Со мной беспечно говорят
 О прежних пустяках;
 Твердят мне с жаром молодым
 До самого утра
 О том, о чем давно бы им,
 Как мне, забыть пора?

Как мне поверить, что они
 Сквозь дали и года
 Лишь для бесцельной болтовни
 Являются сюда?
 Иль правда то, что до сих пор
 Я отгонял, как мог,
 И этот легкий разговор –
 Их ласковый намек?
 Намек на то, что даже там,
 Где все они сейчас,
 Никто не помогает нам
 Избавиться от нас;
 Что и за крайнею чертой,
 От ужаса дрожа,
 Наедине сама с собой
 Не может быть душа?

СТРОИТЕЛЬ КОРАБЛЯ

Пока ты рубил кормило,
Пока собирал шпангоут,
На месте, где море было,
Бескрайний поднялся город.

Покуда, не глядя в небо,
Крепил ты обшивку трюма,
И город исчез – как не был! –
Песком занесен самума.

Когда же, поставив рей,
Вокруг ты взглянул устало,
И ветер соленый реял,
И море у ног лежало.

***

Н. Лисовому

Я постою еще, я сердце успокою,
Я повторю опять печальных две строки:
Прекрасен Божий мир, но я его не стою,
Ни этих облаков не стою, ни реки.

Я никогда не лгал. В стихах, по крайней мере!
Но правду ль говорил? Не в том ли и беда,
Что, вопреки всему, мы чувствуем потерю
Того, что не нашли нигде и никогда?

Ну что же! И пускай! И можно ли иначе?
Прожить бы эту жизнь, что думать о другой!
Все неудачи, брат, и все наши удачи –
Ничто они, увы, пред этой тишиной,

Пред эту листвою, пред веткою люблю,
 Пред ржавым стебельком раздавленной травы,
 Пред эту на нас струящейся любовью
 С полей родной земли, с небесной синевы.

Но как вместить ее? И все гляжу с тоскою,
 И все твержу, твержу печальных две строки:
 Прекрасен Божий мир, но я его не стою,
 Ни этих облаков не стою, ни реки!

***

Е. Чернову

Что я не видел и где я не был?
 Что мне осталось еще сказать?
 Под этим низким под русским небом
 Мне так не хочется умирать.
 Мне так не хочется в эту землю,
 В суглинка сдавленные пласты,
 Где деды-прадеды мои дремлют,
 Не в силах выйти из немоты.
 Нет, немота меня не пугает,
 Земли родимой не страшен гнет,
 А страшно то, что не истлевает
 В ней все, что мучит меня и жжет;
 Что сквозь прикрытые смертью вежды
 Острей и пристальней я взгляну
 На жизнь былую, но без надежды
 Хотя б одну искупить вину;
 Что я увижу до жути ясно,
 О как могла бы быть хороша
 Моя измученная напрасно,
 Моя страдающая душа;

Что не восстанут для новой битвы,
Дабы спасти ее, дух и плоть;
Что даже робкой ее молитвы
Не станет слушать уже Господь.

***

Вот и последние – два! – облетели
Ржавые листья на смерзшийся наст.
Видно далеко сквозь редкие ели,
Сквозь перелесок – но видно не нас.

Зябкие тени сгущаются в стыни,
Зябкой поземкой колдует зима.
Где затерялись мы в этой пустыне
Легкой бесплодной игрою ума?

Губы протянешь, но губы не встретишь.
Плачу, любимая, плачу о том,
Что одинокой тоски не излечишь,
Не отогреешь сырым сквозняком.

От полосы Кордильер до Тибета
Грохот пространства, ревущая даль,
Горькие всхлипы любви неотпетой,
Сердце-разлука и сердце-печаль.

Кто их услышит и кто им поможет,
Где их приют на бездомной земле?
Кровоточащий ободранной кожей,
Сизый закат пламенеет во мгле.

Скоро и он упадет, обессилев,
 Ржавой щетиной на смерзшийся наст,
 Скоро и он затеряется в сини,
 В снежной пустыне, не помнящей нас.

Скоро беззвездная тьма заклубится,
 Скоро весь мир погрузится во тьму.
 И ничему для нас больше не сбыться,
 Не возродиться уже ничему.

И ничего не останется в мире,
 И не останется с ним никого,
 Кроме скользящих в заснеженной шири
 Легких бесплотных видений его.

***

Жизнь меня на ходу подменила,
 Ничего мне о том не сказав,
 И оставила, и позабыла,
 Не взглянув на прощанье в глаза.

День январский пронизывал ветер,
 Было небо над ним как свинец.
 И никто ничего не заметил –
 Ни друзья, ни жена, ни отец.

Я подмену и сам обнаружил
 Оттого лишь, что разом и вдруг
 Ощутил, как глубоко не нужно
 Стало мне все, что я вижу вокруг.

Что манившие радости – дики,
 Что желанья прежние – ложь,
 Что отныне ни мысли великой,
 Ни порыва в себе не найдешь.

И с тех пор кое-как прозябаю,
О потере тоску залечив,
И бывшего себя забываю,
И порой удастся почти.

Но нет-нет, а как проблеск из чаши,
Словно яркая вспышка огня:
Где он там, как он там – настоящий,
Тот, который покинул меня?

***

Доживаю, но жизнь не клянчу,
И когда просыпаюсь до свету,
Вспоминаю родную страну,
Не беда, что ее уже нету.

Нету многого, нет ничего
Из того, что люблю я доселе.
Над Москвою-рекой, над Невой,
Над Амуром и над Енисеем,

Заметая Урал и Кавказ,
По Днепру, по Днестру и по Бугу
Только ветер, не помнящий нас,
Завивает воронками вьюгу.

Мир, которым я был опьянен,
С кем я дрался и с кем обнимался.
Как же это случилось, что он
Вдруг ушел, а меня не дождался?

Но, к кому бы он там ни спешил,
Я вослед ему камень не брошу.
Пусть в пустоты отбитой души
Сквозняком задувает порошу.

Пусть клубится она по углам,
Пусть струится от окон до двери.
Я ж не зря говорил себе сам,
Что сберечь можно только потери.

Я ж не зря повторяю сейчас,
Поднимая тяжелые веки,
Что лишь то не изменится в нас,
Чего больше не будет вовеки.

Что, казалось бы, истреблено
Среди общего смрада и блуда,
А сокрылось, как Китеж, на дно,
Чтобы звоном тревожить оттуда.

***

Только в зеркале вырвет из мрака
Сигарета неясный овал.
Только хрипло пролает собака
Непонятные людям слова.

И опять тишина без движенья,
И опять эта вязкая мгла.
Исчезает мое отраженье
В запылившейся толще стекла.

Ну и ладно, пускай исчезает!
Пусть собака скулит в конуре!
Слишком долго, увы, не светает
В октябре, в ноябре, в декабре.

Слишком скучно за фосфорной стрелкой
Наблюдать мне в январскую ночь.
Страстью куцею, мыслию мелкой
Даже время нельзя истолочь.

Ладно бы сквозь сырые туманы
Этой едкой, как щелочь, ночи
Мне всплывали бы душевные тайны,
Преступления и палачи.

Нет, какие-то дрязги бессилья,
Трусость явная, ложь на виду.
Отболев, умирает Россия,
Я ее хоронить не приду.

Ни слезы не осталось, ни вдоха,
Ну не выть же, как пес, на луну.
Нас без нас похоронит эпоха,
Матерясь и пуская слюну.

Мы простились до крайнего срока,
Пусть она вспоминается мной
Чернобровою, голубоокой,
С золотою за пояс косой.

Не склонявшей лицо перед вьюгой,
Знать не знавшей о скором конце,
А не этою нищей старухой
С медяками на мертвом лице.

***

Рельсы прижмутся к шпалам,
В ужасе задрожав.
С грохотом небывалым
В ночь улетит состав.

В стороны даль отпрянет,
Ветер рванет назад.
Миг – и во мраке канет
Окон вагонных ряд.

Миг – и уже глубоко
Скроет себя во тьму
Город, где я без прока
Жил вопреки ему.

Где обо мне не спросят,
Сгинувшем без следа,
Словно меня в нем вовсе
Не было никогда.

И только будет иная
Угадывать жизнь во сне,
Что я, его покидая,
В вагонном кричу окне.

ВИКТОР **САДОВСКИЙ**

ЧЕТЫРЕ ВИНОГРАДНЫХ ЧУБУКА

Четыре виноградных чубука
 взяла когда-то мать моя у деда,
 чтоб посадить на собственном подворье.
 У мамы была легкая рука –
 все принялись, шли буйно в рост,
 и вскоре
 мой батько угощал вином соседа.

Баллон ведерный закопал в саду –
 подарок дорогой на свадьбу сына,
 что будет под тенистой беседкой.
 Вино смягчало горе и беду
 и в радости лилось рекой нередко
 в согласье с доброй песнею старинной.

Седела мама.
 Виноград старел.
 Зазеленела крыша хаты мхами.
 С годами буйный батько присмирел.
 Он словно песню до конца допел,
 и выпить все, что должен был, – успел,
 и стал портретом в деревянной раме.

Четыре виноградных чубука –
 душистая, хмельная «Изабелла» –
 полвека укрывали двор от зноя.
 У мамы была добрая рука.
 Она умела говорить с лозою
 и защищать от глаз дурных умела.

И был январь.
На белом скакуне
в черкеске белой дед за ней явился
и, как невесту белую, увез.
Мела метель и заметала след...
И виноград сгубил в тот год мороз.
А двор осиротел и оголился.

Четыре виноградных мертвых пня
уже, казалось, к жизни не вернуться,
их ждет топор, в костре
дымящем тленье.
Но вот однажды среди бела дня
(мне верится, по мамину веленью)
им ото сна дано было очнуться.

Из высохшей морщинистой коры
четыре бриллиантовых росточка
пробились вдруг по грозовой весне.
Они как будто ждали до поры.
Не чудо ль это! – в почерневшем пне
вдруг возродилась жизнь
из мертвой точки!

Четыре виноградных чубука
и четверых детишек мать растила,
по капельке себя в нас растворяя.
Одни – вращали в землю на века,
другие – разлетались, вырастая...
Судьба лозы – судьба твоя, Россия.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

*Другу детства
Евгению Глуценко*

Аккорд звучал глухим набатом.
Знакомый голос пел о тех,
Кто безымянным пал солдатом
На безымянной высоте.

Мрачней, плакали мужчины,
И у молчавшего отца
Из глаз в глубокие морщины
Сползали капельки свинца.

Он так сидел до самой ночи,
Не замечая никого.
А ветер медленно ворочал
Пустым отцовским рукавом.

ЗАБРОШЕННЫЙ СОБОР

Не блещут на солнце кресты,
Не льют купола позолоту.
В величье былой красоты
Собор приготовился к взлёту.

Сквозь лет непроглядную тьму
Летит он в просторах вселенских,
Как сотни подобных ему
Софийских,
                    Покровских,
  Смоленских...

Земля – только временный пункт.
И вот он, отвергнутый снова,
Уходит в неведомый путь
На поиски жаждущих Слова.

***

В пять лет мне чуть ли не столицей
Райцентр казался из станицы.
Полдня тащились два быка
В базарный день до Темрюка.

Скрипит арба,
Скрипят арбузы,
Скрипит батиг под «цоб-цобе».
И мы с братишкой, голопузы,
Как два арбуза в той арбе.

Нас обгоняют пароконки:
«Гей, козаки, посторонись!»
И мы спокойно ждём в сторонке,
Чтоб зерновозки пронеслись.

Вздымая пыль, несутся кони
И пропадают за горой.
Нам, на быках, не до погони
С гружённой доверху арбой.

Спокойно выкурив сигарку,
Дед, крякнув, скажет:
– Гей, бычки!
Ещё успеем выпить чарку,
Носы не вешать, козачки!

С такими чудо-кавунами
 Не страшен нам базар любой.
 В дороге длинной песня с нами.
 А ну давай про Галю пой!

С тех давних пор, куда ни еду –
 В райцентр, в заморские ль края,
 Со мной в дороге песни деда –
 Мои надёжные друзья.

БАЯН

*Светлой памяти отца моего
 Фёдора Макаровича Садовского*

Продав на ярмарке корову,
 Не положив гроша в карман,
 Отец купил в сельмаге новый
 Известной фабрики баян.

Не забывая о традиции,
 Зашёл к Калашнику – «обмыть»,
 Потом таскал по всей станице,
 Боясь нечаянно разбить.

Домой пришёл «уже хороший» –
 Полураздет, полуразут –
 И на вопрос «Где, Федя, гроши?»,
 Открыв футляр, ткнул пальцем: «Тут».

Мать где стояла, там и села.
 Но, зная мужа нрав крутой,
 Скандал затеять не посмела,
 Лишь прошептала: «Боже мой!

За что меня ты так караешь?
За что страдаю столько лет?»
«Ну что ты, баба, понимаешь –
Баян тебе не лисапед!

Сын третий год без инструмента.
У хлопца – к музе интерес.
А ты всё ту же крутишь ленту,
Послухай лучше полонез.

А ну, сынок, заграй для батька,
Нажми на клавиши, сынок».
Я отложил свои тетрадки
И «жал на клавиши» как мог.

Играл Огинского и Баха,
Набор мелодий из кино...
Отец стоял в дверях и плакал.
Точнее – плакало вино.

Потом, впервые не буяня,
Обнял за плечи нежно мать:
«Не думай, Вер, что я по пьяни, –
Сынок играет на баяне,
Большим Артистом может стать.

Свой инструмент – большое дело!
Предел мальчишеской мечты...»
И мать, конечно, подобрела,
Захлопотала у плиты.

А батько рухнул у кровати,
С повестки сняв вопрос больной,
И захрапел, как мощный катер,
Бурля винтами над водой.

ВЕЧЕР В СТАНИЦЕ

Теплый летний вечер
Словно песня мамина.
Тополя как свечи
В предзакатном пламени.
Отдыхает ветер
На кустах смородины.
Лучше нет на свете
Сердцу милой родины.

Чаечка над кручей,
Вьется змейкой тропочка.
Голоса певучие
Под баяна кнопочки.
Пахнут рыбой сети,
Льются песни модные.
Лучше нет на свете
Сердцу милой родины.

Зеркало лимана,
Камыши да лодочки.
Опустилась плавно
В воду с неба звездочка.
Месяц ясный светит,
Тишь над огородами.
Лучше нет на свете
Сердцу милой родины.

КУБАНСКАЯ НОЧЬ

1.

Какая ночь!
Как хаты белы!
Окно, любимая, раскрой.
Душистый запах «Изабеллы»
Уносит в небо звёздный рой.

И задремавшая корова
В высокий ранг возведена:
В её рогах луна-корона.
Царевной выглядит она.

2.

Из полумесяцева плена
Ещё не вырвалась луна.
Она висит над стогом сена
Огромной скибкой кавуна.

И звёзды-семечки в сладчайшей
Вишнёвой мякоти горят.
А Млечный Путь кладёт на чашу
Созвездий спелый виноград.

3.

В июле ночи пахнут сеном.
Звенит сверчками тишина.
И близость неба откровенна,
Как рядом спящая жена.

Руками можно трогать звёзды
И гладить белую луну.
Хмельной июльской ночи воздух
Пить, окунаясь в тишину.

ТОПОЛИНАЯ МЕТЕЛЬ

Ах, тополиная метель!
Ах, тополинный снегопад!
И день, и ночь,
И ночь, и день
Снежинки белые летят.

Летят, прозрачные, как дым.
А сердце тихо давит грусть:
Бог мой!
И я уже седым,
Как этот тополь, становлюсь.

ПОСЛЕДНИЙ НАБЕГ

1.

Песчаный берег на речном изгибе,
Поросший густо тонким ивняком.
Я, позабыв давно уже о рыбе,
Гляжу на кручу.
Думаю о том,
Что, может быть, на этой самой круче
Стоял не раз раскосый хан Гирей
И говорил, сощурив глаз колючий:
«Не стерегут урусы дочерей...»
Там девушки купались в тёплой речке,
На хану недоступном берегу.
Они бросали едкие словечки
И наготой стреляли по врагу.
И чья-то мать, недоброе почуяв,
Молилась на святые образа:
«Любую дань злодею заплачу я,
Но скройтесь с глаз, раскосые глаза!»

2.

Остатки конницы Гирея
Искали брод в реке Сосне.
И торопил их хан: «Скорее,
Не то останемся на дне.
Нам рыб кормить собою рано.
Но где ж спасительная мель?
Негоже мне, Гирею-хану,
Пить пораженья горький хмель.
Негоже мне покрыть позором
Себя и свой великий род...»
Окидывал недобрым взором
Хан реку, что сокрыла брод.

Река текла.
Река молчала.
Она, как русский человек,
Как воин, ворога встречала
И мстила молча за набег.

***

Где я раньше был,
Там меня уже нет,
Я давно ушёл
В зоревой рассвет.
В зоревой рассвет,
Даль туманную,
За мечтой своей
За обманною.

Мне давно твердят:
«Кинь ты эту блажь.
Никакой любви
Нет – один мираж».

Ну а я твержу:
Есть –
    и весь мой сказ!
Только свет её
Не дошёл до вас.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Как долгожданная улыбка,
Тобой подаренная мне,
Как Страдивари чудо-скрипка,
Вдруг зазвучавшая во сне,
Как чистый звонкий детский смех,
Сегодня выпал первый снег.

На солнце утреннем искрится.
От белизны в глазах туман.
Плывут автобусы
И лица
Плыву и я,
    как будто пьян.

Смеюсь.
Бросаю шапку вверх...
Сегодня выпал первый снег!

***

У женщины, которую люблю,
Очень грубые волосы цвета рыжей соломы.
Большие квадратные уши.
Широкий мясистый нос.
Толстые потрескавшиеся губы
И огромные
Бездонные голубые глаза.

Нет у женщины, которую я люблю,
Тонкой талии.
Её короткую шею
Никогда не украшало дорогое ожерелье.
Её тяжёлой груди
Давно не касалась мужская рука.
Её сильные плечи
Познали все тяготы жизни.

А руки у неё – большие и жилистые,
С твёрдыми мозолями на широких ладонях
И корявыми пальцами,
На которых ногти
Блестят, как крупные медные пуговицы.
Ноги женщины, которую я люблю,
Никогда не знали заморских чулок
и колготок,
Лёгких туфелек...

Но зато сердце у неё – большое
и доброе.
А душа у неё – чистая и светлая.
И ни у кого, кроме меня,
Не выпадет снег на висках после слов
её тихих,
когда, угасая, как свечка,
прошепчет она перед тем, как навеки
уйти:
«Будь счастлив, сынок!..
И... прости!..»

СОН

Мне приснилась вчера
Наша старая хата:
Камышовая крыша,
Дымарь на гребнё.
У порожек мой дед –
Козацора усатый –
Курит длинную люльку
На грушевом пне.

Молодицы-соседки
В цветастых косынках,
Подбоченясь,
Судачат, смеясь озорно.
Вечереет.
На ветки садятся росинки.
Месяц высыпал звёзд
Золотое зерно.

Где-то рядом в траве
Пучеглазый кузнечик
Звонкой трелью своею
Сверлит небеса.
Мягко фыркает лошадь,
Мотая уздечкой,
Видно, в ноздри попали ей
Зёрна овса.

Пролетают неслышно
Летучие мыши.
Приготовилась к тихой охоте сова.
Кот уставил глаза
На соседскую крышу...

Еле слышно сквозь сон
Долетают слова:

«Просыпайся, сынок,
Цэ ж тоби нэ нэдиля...»
Всё покрыла внезапно
Белёсая мгла.
Ах, зачем же ты, мама,
Меня разбудила?
Ах, зачем ты из сказки
Меня увела?

НА БРАЙТОН-БИЧ

1.

На Брайтон-Бич за Бруклинским мостом
В уютном украинском ресторане
Знакомо пахнет харьковским борщом,
Пампушками с толчёным чесноком,
Варениками сырными в сметане.

На Брайтон-Бич за Бруклинским мостом
Перемешался англо-идиш-русский...
Невольно догадаешься о том,
Как исчезал с земли язык этрусский.

За Бруклинским мостом на Брайтон-Бич
В иных глазах такая ностальгия,
Как будто поразил их в сердце ВИЧ
И погасил все радости земные.

2.

На Брайтон-Бич
 За Бруклинским мостом
 Мне говорил печальный дворник Лёва:
 – Ви знаете Орёл?!
 Так вот, наш дом
 Был рядом с домом Пети Воробьёва.
 Мы жили с ним,
 Считаю, в одном дворе.
 А ви собаку Петину видали?
 И это ж – наша.
 Бросить было грех.
 То мы ж ему за так её... продали.
 Такой актёр!
 Ему бы на Бродвей.
 Затмил бы всех – куда там Чемберлену!
 Ну был бы он
 Хоть чуточку еврей,
 Уже б давно имел в Нью-Йорке сцену.
 Ви знали Зяму?
 Он теперь таксист.
 Таких в Нью-Йорке пруд пруди таксистов,
 А Воробьёв, как истинный артист,
 Остался бы и здесь большим Артистом!

МОЛОДОМУ КАЗАКУ

Словом чести не бросайся.
 Силу трать своим умом.
 Никогда не насмехайся
 над поверженным врагом.

Грех водою освежиться,
если конь еще не пил.
Дай сперва коню напиться,
чтобы он набрался сил.

Даже в дни години тяжелой
пригаси огонь вражды;
не маши напрасно шашкой
и кинжалом без нужды.

Принародно славой дедов
лишь гордись – не козырай.
Ордена за их победы
на себе не примеряй.

Приумножить дедов славу,
чтоб жила она века, –
это долг святой, по праву,
это честь для казака.

Мама, Родина, Россия,
братья, сёстры, вера, Бог –
это то, в чём наша сила,
перед чем наш вечный долг.

***

Двух казаков столкнули лбами.
Скрестили шашки казаки
И оказались оба в яме.
А кто столкнул, забрал клинки,
Теперь повесит их на стену,
Приложит гербову печать
И будет внуков научать
И вечным ценностям нетленным,
И – как Россию защищать.

***

*Олегу Маслову по случаю презентации
его картины «Александр Невский»*

Опомнитесь, братья славяне!
Очнись, православная Русь!
Не ждите, что молния грянет
И снова за меч я возьмусь.

Мой вздыбленный конь не рванётся,
Почуяв вселенский набат...
Храните святыне колодцы,
Чтоб в них не плевал супостат.

Воспряньте от спячки, славяне!
Чу! Слышу гортанную речь.
Сверкает в холодном тумане
Мой оберег – праведный меч.

***

Между тенью и светом
Есть незримая грань –
Та, что видят поэты
В предрассветную рань.
Не подкованный рифмой,
В этот призрачный час
Возникает из мифов
Конь строптивый – Пегас.
Нет уздечки звенящей.
Грива – белый туман.
Конь ли он настоящий,
Или сладкий обман –
Не вопрос для поэта,
Если в зыбкую рань
Он меж тенью и светом
Остро чувствует грань.

ИРИНА СЕМЁНОВА

ЗВЕЗДА ХОРАСАНА **Стихотворная версия древней народной легенды¹**

*Где скрылись ханы?
Где гарем? Вокруг все пусто, все уныло...*

А.С. Пушкин
«Бахчисарайский фонтан»

***

Минуя утесов недвижимую цепь,
В пески углубляется Волга,
Где в мареве жарком калмыцкая степь
Дымится и тянется долго.
Вдали от сутёмных лесов на горах,
Здесь яркая рожь колосится
И к Волге, сухой освежая овраг,
Неброская речка стремится.
Тут, солнца снося изнуряющий пыл,
Купцы караван проводили,
И кто-то к воде наклонялся и пил,
Скользя в просыхающем иле.
Тут мимо безвестный ордынский отряд
Скакал сквозь пустынные доли.
На грозной земле, где горел Сталинград,
Когда-то царили монголы.
Кто древние камни сюда положил,
Где вихрь, поднимаясь песками,
Заносит следы мусульманских могил
И гонит стада с пастухами?

---

¹ Легенда впервые приведена Ц.И. Мельниковым (А. Печерским) в романе «На горах», т.1, гл.15

Отсель для Руси начинался Восток,
Что полон шелков и алмазов,
Что яростен был и безмерно жесток
И все ж подарил нам легенды цветок,
Что вырос из многих рассказов.

Глава I

Ночуя в шатрах, под покровом светил,
Добравшись до стен Хорасана²,
Когда-то всесильный Бату покорил
Засушливый север Ирана.
С тех пор, ожидая своей очереди,
Для ханов росли полонянки,
И, словно светила, среди женщин Орды
Сияли красой персиянки.
В те дни под названьем Сарая-Берке
Орды процветала столица,
Когда от ее суеты вдалеке
В глуши поселилась царица.
Дворец у реки окружали сады
В росе водомётов белёсой,
Родившись в Иране, царица Орды
Была Хорасанской принцессой.
С дверей из литых лепестков серебра
Смотрели янтарь и нефриты
На мазандеранский орнамент ковра³,
Скрывающий медные плиты.

---

² Хорасан – город и область на северо-востоке Ирана

³ Мазандеран – провинция на севере Ирана, издавна славящаяся текстильной промышленностью.

Червонное золото, жемчуг, шелка,
Гилянские⁴ розы в сосуде,
Тончайшим фарфором изгиб лепестка
В китайской двоился посуде.
Воинственный Фарсис⁵ писал на фарси⁶.
Тому ли, кто вырос в Иране,
Забить «Шах-Наме», если Фирдоуси⁷
Родился и жил в Хорасане?
Тут сумрачный бархат хранил аромат
Аравии смол и курений,
И, в россыпи звезд, вспоминался Багдад
Сквозь строки восточных творений.
Дворец, словно улей, трудился порой,
Здесь дочь Хорасанского хана
Спасала невольниц и родственниц рой
От власти харемов⁸ Ирана.
Чтоб гурии⁹ жаркой, далекой земли,
Не зная нужды и печали,
Дурбар¹⁰ украшали иль зерна толкли
И пеньем сады наполняли.
Чтоб, одолевая полуденный зной,
Павлина ловили от скуки,
Лепёшки пекли и оранжевой хной,
Измазавшись, красили руки.

---

⁴ Гилян – провинция в Северном Иране, занимающаяся земледелием. Славилась необычно красивыми розами.

⁵ Фарсис – древнее название Персии.

⁶ Фарси – древнеперсидский язык, тождественный старославянскому в России.

⁷ Фирдоуси Абуль Касим (934–1020) – иранский классик, поэт.

⁸ Харем – женская половина.

⁹ Гурии – девы мусульманского рая.

¹⁰ Дурбар (перс.) – приемный зал в резиденции.

***

Что ханше Россия? Чужая страна!
 Но в свете нужды и лишений
 От бед милосердно спасала она
 Всех жителей местных селений.
 К болящим ли старцам учащем горя,
 К младенцам ли чувствуя жалость,
 Но все, кто просил, приходили не зря –
 Вокруг ее милости благодаря
 Все крепло и приумножалось.
 И пусть уже вечность с тех пор протекла
 И ветхи предания сети,
 Царица Орды, по легенде, была
 Прекрасней всех женщин на свете.
 Ведь если о ней и расспрашивал кто,
 Сказители всем отвечали,
 Что люди под небом ни после, ни до
 Такой красоты не встречали.
 Недаром царицу чудесную ту,
 Как дар благодатный Ирана,
 За облик небесный и за доброту
 Прозвали Звездой Хорасана.
 Представить ли хана Орды Золотой,
 Владыку и мужа царицы,
 Когда он, охрану вводя на постой,
 Сюда приезжал из столицы?
 Едва уловив конский топот вдали,
 Взлетая из-под балдахина,
 Хозяйка, не чувствуя ног и земли,
 Бежала встречать властелина.
 Забыв на жаровне сироп из айвы,
 Ей вслед поспешали девицы,
 Вокруг, словно розу узором листвы,

Лицо обрамляя царицы.
 Арбузы несли, виноград, арахис,
 Щербеты и горы фисташек,
 Хоть воинам нравился больше кумыс
 И жареный, сочный барашек.
 Нукеры¹¹ охотились, стрел череду
 Сквозь лук пропуская умело,
 А хан полюбил чаепитья в саду,
 Заставить владыку вернуться в Орду
 Могло только важное дело.
 Хан в беге степных наблюдал кобылиц,
 Гонимых по свежему лугу,
 Иль хор незатейливых слушал певич,
 Что плавно скользили по кругу.

Песня хорасанских девушек

– О, наш господин, расскажи, для чего
 Ты сахаром кормишь коня своего,
 Зачем золотой он подкован подковой
 И ты не отдашь за полцарства его?
 В дому господина встречает жена,
 А если яснее она, чем Луна?
 Спросите об этом Звезду Хорасана,
 Подругам расскажет, что делать, она.
 Купец был в Туране¹² и видел Хиву,
 Он мёду привез нам, миндаль и халву,
 Нам смуглые пальцы изжалили осы,
 Чтоб ты, господин, похвалил пахлаву.

---

¹¹ Нукеры – вооруженная охрана шаха или хана.

¹² Туран – древнеиранское название Туркестана.

Мы двор подмели и прибрали айван¹³,
Войди, господин, тебя ждет Хаверан¹⁴,
Чтоб ярче сияла Звезда Хорасана,
Верблюжьей тропой нас привел караван.
Ай, лалала, ай, лалала, ай, ла-ла-ла –
Ай, лалала, ай, лалала, ай, ла-ла-ла.

Хан сердце своё оставлял во дворце
И, едучи степью бескрайней,
О скрытой гадал в безмятежном лице
Свершавшейся медленной тайне.
Он часто просил: – О, души моей рай!
Здесь рыщут свирепые звери,
Зачем расставаться? Поедем в Сарай –
Неведомы войска потери!
Но, кутая плечи в ажурную вязь,
Царица смотрела на хана
Испуганной ланью, быть может, боясь
Пытливых жрецов Алкорана¹⁵

Глава II

Хан жен разлюбил!
От царицы вдали
Изъян ему виделся в каждой,
И жены гарема к владыке пришли,
Томимы отмщения жаждой.
Уже от одних описаний Звезды,
Ума не лишаясь едва ли,

---

¹³ Айван (перс.) – крытая терраса.

¹⁴ Хаверан – сказочная страна в иранском эпосе.

¹⁵ Алкоран – Коран.

Всем сердцем желая царице беды,
 Все вместе они причитали:
 – Великий наш хан! Днем и ночью скорбя,
 Мы плачем теперь постоянно
 О том, что порочить посмела тебя
 Бесстыдно Звезда Хорасана!
 С тобой говорит она с лестью в устах,
 А утром, лишь ты за ворота...
 Вернешься врасплох да согласишься – в кустах,
 Быть может, и сыщется кто-то!
 – Пора бы в гареме порядки менять, –
 Хан думал, – в безделье проблема!
 И евнухам строго велел наказать
 Завистливых сплетниц гарема.
 Но дней через десять явились визирь,
 Мурзы и советники хана:
 – О хан, отчего не раздвинулись вширь
 Владенья в границах Ирана?
 С чего их отшельница вольно живет?
 У женщин открытые лица,
 Лишь ты за порог, за гяурами¹⁶ шлёт
 И с ними потом веселится!
 Хан был еще молод, порывист и смел
 И, злomu не внемля рассказу,
 Советникам головы снять повелел,
 Что было исполнено сразу.

***

Хан помнил о турках, что, взяв города,
 Подмять Византию сумели,
 – Имперство Чингиза, Бату и Орда –
 И все же единые цели!

---

¹⁶ Гяур – для мусульман всякий, кто не исповедует ислам.

Страна под ногами – чего нам желать?
 Владений – не счесть половину..
 Ведь пленникам русским в подошвы вживлять
 Еще мы умеем щетину!
 Не так уж и сложен славянский язык!
 Забавная вышла беседа..
 С утра подготовим для князя ярлык¹⁷ –
 Пусть с ним притесняет соседа!

***

Баскак¹⁸, что с коня соскочил у ворот,
 В покои вступил кривоного:
 – Владыка, сегодня хороший поход –
 Пушнины и золота много!
 Баскак был весьма отдаленной роднёй,
 Но с делом справлялся отменно,
 И хан собирался скотом и землей
 Его одарить непременно.
 – Что хочешь еще?
 Хан легко награждал.
 – Кинжал или перстень с эмблемой?
 Но сборщик исчез – на него феодал
 С прищуром смотрел из-под шлема.
 Орда – это слишком большая семья!
 Ведь жён-то – хвала Гименею¹⁹!
 Повсюду племянники да сыновья,
 Империя в прошлом – кумыса бадья
 И пастбища с домом нужнее.

---

¹⁷ Ярлык – грамота, выдаваемая на княжение русским князьям ханами Золотой Орды.

¹⁸ Баскак (тюркск.) – представитель монгольского хана в завоёванных землях, сборщик налогов.

¹⁹ Гименей (древнегреч.) – бог любви и брака.

***

И вновь под прицелом и юг, и Москва!
 Нам верилось – это в минувшем,
 Уже не монголы и не татарва,
 Но Бог, что вращает свои жернова,
 Ломает хребет посягнувшим.

***

Весна разгоралась, но хан был угрюм,
 Поскольку размокла дорога,
 Тогда и пришла его мать и ханум,
 Два слова сказать ему строго:
 – О, сын мой и хан! Разве мне все равно?
 Честь царская дорого стоит!
 Все знают в Орде, что позором давно
 Звезда твою голову кроет.
 Пока ты не хочешь ни плов, ни каймак,
 Печалишься с нею в разлуке,
 Она принимает гяуров-собак
 И даже целует им руки!
 Должно быть, князьям нечестивцы сродни –
 Все в золоте, все бородаты,
 К тому ж, словно важные ханы, они
 Парчовые носят халаты.
 Поверь мне, я все разузнала точь-в-точь,
 Лишь выпустит листья тутовник,
 И день после джумы²¹ продлится, к ней в ночь
 Приедет ее любовник!

---

²⁰ Каймак (от тюрк.) – кисломолочный продукт, нечто среднее между сметаной, сладким творогом и сливочным маслом.

²¹ Джума (араб, пятничная молитва) – обязательная коллективная молитва мусульман.

Мулла говорит, что шайтан обольстил
 Тебя и, забыв про заслуги,
 Мудрейших советников зря ты казнил –
 То были надежные слуги!
 Хан так рассердился, что слова сказать
 Не мог от волны возмущенья,
 Однако он должен был выслушать мать
 И взвесить ее сообщенья.

Глава III

Тутовник раскрылся, и джума прошла,
 Страницу прочтя из Корана,
 Владыка, важнейшие бросив дела,
 Пронзительно крикнул: «Охрана!»
 Но были нукеры его далеки,
 Попытка искать их – нелепа,
 А эти, что в ножны влагали клинки,
 Особо смотрели свирепо.
 Пластиной сверкнув, прозвенела броня,
 Не внемля отданию чести,
 Хан молнией, резко взлетел на коня
 И скрылся с нукерами вместе.
 Уже и Сарай растворился вдали,
 И день убывал понемногу,
 Но тучи нависшие понизу шли,
 И влагой блестела дорога.
 Казалось, ей вовсе не будет конца!
 В ручьи попадая с размаху,
 Лишь ночью они добрались до дворца,
 Скача по размокшему шляху.
 Хан спешился, зрелищем ошеломлен!
 Мираж? Утомленья причуда?

Огнями дворец изнутри освещен,
И слышится пенье оттуда!
В чем дело? Царица должна быть одна!
Сгибая затекшую спину,
Хан тихо подкрался к решеткам окна,
Чтоб дивную видеть картину:
Плывет мимо девушек в белых платках
Дымок фимиама кудрявый,
И плавно с помоста к ним с кубком в руках
Нисходит гяур величавый.
Так, стало быть, слух пролетел неспроста!
Но что это? Пиршества прежде
Звезда, приближаясь, целует уста
Гяура в парчовой одежде!
Хан вскрикнул и вихрем в сияющий зал,
Свой меч обнажив на пороге,
Ворвался и всех перебить приказал
И сжечь золотые чертоги.

***

Дворец догорал.
С непомерной тоской
В пространство застывшее глядя,
Хан в мрачных раздумьях сидел над рекой,
Не видя, кто движется сзади.
Он только подумал, что шаг его слаб,
Владыку оставила ярость:
– Откуда взялась ты, старуха Зейнаб?
И кто пощадил твою старость?
В дрожащей воде отражались огни,
Нукеры ломали ограду,
Поникла Зейнаб: – Если хочешь, казни,
Но все-таки выслушай правду!

Пустыня гонимых пришельцев полна,
 Что веру спасали в Иране,
 Страдалица тайно была крещена
 Рамеем²², что жил в Хорасане.
 Сгубил ты голубку без всякой вины,
 Как ястреб набросившись дико,
 По воле царицы мы все крещены –
 Был пастырь нам хан и владыка.
 Обычай твоя исполняла жена,
 К ней в дом, принесенный рамеем,
 На светлой заутрене первой она
 Христосовалась с иереем.
 Все смолкло, казалось, весь мир потрясен
 Еще аравийские смолы
 Курились и дальних церквей перезвон
 Пустынные слушали долы.
 Гонимое медленной волжской волной,
 Приблизилось таинство мига,
 С России упало коростой больной
 Монголо-татарское иго.
 И ветер, взмывающий до облаков,
 Врачуя открытые раны,
 На месте их станов пластами песков
 Сложил и возвысил курганы.
 Чтоб жители освобожденной земли
 Вблизи опустевшей столицы
 Здесь город Царицын потом возвели
 И речку назвали Царицей.

---

²² Рамей – жители древней Византии и их потомки.

ЕРМОЛОВ

Поэма

27 июля 2012 года в Орле был открыт памятник герою Отечественной войны 1812 года генералу Ермолову работы московского скульптора Равиля Юсупова.

Спустя два с небольшим месяца реставраторами было обнаружено, что могила героя, расположенная под стеной орловской Троицкой церкви, разорена и пуста.

Il cavaliere di bronzo dritto sul cavallo caipesta il nemico
(Медный всадник верхом на коне топчет врага) (ит.)

*«Я приказал вынести из города образ
Смоленской Божией Матери, укрывая
его от бесчинств и поругания святыни.
Отслужен молебен, который произвел
на войско полезное действие...»*

А.П. Ермолов «Записки о войне 1812 года»

«Смирись, Кавказ, идет Ермолов!»
А.С. Пушкин «Кавказский пленник»

***

Когда качает голый сад
Листвы увядшие подвески,
И тонким золотом закат,
Светясь, выкладывает фрески,
И незаметно темнота
Встаёт как бы со дна морского,
Уже не видится с моста
Ажурный памятник Лескову.

Лишь там, где прячет перманент
 Следы снесённого квартала,
 Парит высокий монумент,
 Как Марс, рожденный из металла.
 Не рабский слепок с Фальконе,
 Не призрак питерского бледный,
 А с некой тайной в глубине
 В седле застывший всадник медный!
 Ермолов! Что ему война!
 Он дух имел, как твердь алмаза,
 Отважный лев Бородина,
 Наместник дерзкого Кавказа.
 Он римлянами был пленён,
 И, заменяя трон грузинский,
 Стал для метущихся племён
 Примером стойкости латинской.
 Как подавляет исполин
 Размеров камерных приличье,
 Чтоб вспомнил каждый гражданин
 Страны державное величье.

***

Чуть приоткрыв Европы дверь,
 Где бьёт искусство из фонтанов,
 У нас на улицах теперь
 Глумливых ставят истуканов.
 Но благо было бы смешно,
 А то «шедевр» окинешь взглядом –
 В глазах становится темно,
 Как будто их промыли ядом.
 Кому не знать, как тяжек том
 Литературщины бульварной,
 Но тяжелей металлом
 Карикатуры тротуарной.

Его не сдвинуть никуда,
 Лишив квартал цветущей липы,
 Он одурачил города,
 Обезобразив прототипы.
 Ненужность конусов и призм
 Сменили гномом инфернальным,
 И шутовской дилетантизм
 Зовут искусством актуальным.

***

Простой церковей антаблемент
 Особым кажется ночами,
 Пока течет на монумент
 Луна холодными лучами.
 Герой, сакральная ли мечь,
 Что из родов струится в роды?
 Но чтили мощь твою и честь
 Страны полуденной народы.
 К твоей харизме боевой
 Заметив зависть Николая,
 Я полюбила образ твой,
 Как Пушкин полюбил Баркляя.
 И всё ж от смуты зимних дней
 Твоя душа и руки чисты,
 Пусть струны гордости твоей
 Задеть успели декабристы.
 Но есть дворцовая среда,
 Что Грибоедова убила!
 За что, Ермолов, и когда
 Разорена твоя могила?
 Молчат и Терек, и Дарьял.
 Ответь мне, в чём же мы не правы,

Что и посмертно, генерал,
Нам не прощают русской славы?
То полумесяцем ислам,
То крест мальтийский тускло блещет,
Герой, Россию дьявол сам
И ненавидит, и трепещет!

***

Луна уходит в облака,
Но, чуть звеня, дрожат копыта,
И всадник лошадь бьет в бока,
Уздечку дёргая сердито.
И, сотрясая монолит,
Толкая цоколь неудобный,
Сорвавшись с места, конь летит,
Стреле отпущенной подобный.
Кубанский тополь, дуб, самшит
Его касаются коленей,
Но грозен всадник – он спешит
Поля осматривать сражений.
И лишь на гребне, где не раз
Взирал на горные селенья,
Он осадил коня, Кавказ
Накрыв своей огромной тенью.
Что видит он?
Глаза князей,
Огнём сверкающие люто?
Иль диких жён и сыновей
В часы короткого уюта?
Обрывы, крепость, перевал,
С цепями войск перемещённых,
Иль города, что основал,
Иль как мечети открывал

Среди аулов разорённых?
Иль то, как бился атаман
За населённые станицы,
Иль путь в английский Тегеран,
С турецкой пройденный границы?
Или оставленную дочь,
Свечу и локоны младенца,
Иль образ, обращенный в ночь
Вооруженного чеченца?

***

Смешно! Тщеславию славы нет!
Толпа ж и гения освищет,
Серьёзно мыслящий поэт
Пустой известности не ищет.
Уже не жаль ему едва
В скорбях на вечное закланье
С небес пришедшие слова
Толпе отдать на поруганье.
Он знает, недругов дразня,
Как много их, вторых и третьих,
Но далеки его друзья,
В других столицах и столетях.
Есть благородство, как металл,
Лишь зеленеющий с веками.
Тщеславию снится пьедестал,
Поэт же попросту устал
Смотреть на рыльца с пятачками.

***

Прощай, Кавказская гряда!
Узреть лицо Буонапарта
В Амштеттен, в прошлое, туда,

Где войск союзных бита карта.
 Дороги, скрипы колесниц,
 Орудий рёв,
 Столпотвореньем
 В огне встаёт Аустерлиц
 С неотвратимым пораженьем.
 В трясиных тишь его болот
 И ложь озёрных отражений.
 Навеки в них остался тот,
 Кто шёл путями отступлений.
 Назад, на Клязьму, в тишину!
 Вернуть похищенную славу,
 Минуя Неман и Двину,
 Тильзит и новую Варшаву.
 Минуя город на пути –
 Тяжёлый Кремль и храм Успенский,
 Где образ приказал спасти
 Он Одигитрии Смоленской.
 Знакомый всем по образкам,
 Хранит он таинство минуты,
 Когда был вынесен к войскам
 На Бородинские редуты.
 Чтоб войска русского поток
 К нему с надеждой устремился,
 И даже автор этих строк
 Спустия столетья приложился.

***

Поэт, в стране твоей развал,
 А ты к волнениям безучастен,
 Ты, может, не подозревал,
 Что к русской вечности причастен?

Шаги истории слышны
 Почти за каждым поворотом,
 Ищи мгновенье тишины...
 А вы-то чем оглушены,
 Боясь назваться патриотом?

***

Пространство дышит – вот оно!
 Покрыто вьюжными волнами,
 В ночных снегах Бородино
 Под монастырскими стенами.
 Он думал: «Дикая страна!
 Я разорву её на части!»
 Но до сих пор Березина
 Французу памятна в напасти.
 Наполеон, твои мечты
 Давно развеяны молвою,
 Всё то, что недогрел ты,
 Ушло в молчанье мировое.
 Лишь здесь, над полем, дотемна
 Витает имя корсиканца,
 Вплетаясь в смех Бородина
 Над сбитой спесью иностранца.

***

Кто силуэты сквозь пургу
 Проносит всадников летящих,
 Как будто заново врагу,
 Давно поверженному, мстящих?
 Чтобы, пропав на полпути,
 Они в метели скрылись грозной
 И развернулось впереди
 Виденье битвы грандиозной.

***

Штыки, шрапнели, взрыв ядра,
 Картечи свист над киверами...
 И где-то слышится: «Ура-а-а!..»,
 Но тихо, словно за горами.
 Траншей минуя череду,
 Обнять Раевского скорее
 Спешит Ермолов, на ходу
 Врага сметая с батареи.
 Отважный Марс, как бьёшься ты!
 Недаром с римлянами дружен,
 Но, уносимый с высоты,
 Ты без сознания, ты контужен.
 Конём понурым принесён
 Кутайсов, и на возвышеньё
 В траве лежит Багратион,
 И войско армии в смятеньё.
 Скорей же, Платов!
 Бой таков,
 Что русским в праведность вменится.
 Ура, Давыдов! Фланг, Тучков!
 Как оборона, Коновницын?
 Бьёт артиллерии прибой,
 Целуй же, братец, крест наперстный.
 Кто Бородинский видел бой,
 Тот видел въяве ад разверстый.
 Но, предрешив исход борьбы,
 Москвы предвидя пепелище,
 На бой в цветной глазок трубы
 Светлейший смотрит Голенищев.
 Плывут в медлительном дыму
 Позиций наших укрепления,
 И всё понятней, почему
 Уже не будет пораженья.

Там всё легчает на весах,
Противник с гаснущим напором,
И Божья Матерь в небесах
Стоит, сияя омофором.

***

Что, неприятель, не смешно?
Пусть не отбить назад люфета,
Ты получил Бородино?
Нам жертва славная оно,
Тебе лишь пиррова победа.

***

Мой всадник, стоит натянуть
Уздечку – и близки планеты;
Созвездья, освещающая путь,
Тебе легли на эполеты.
А ночи осени темны,
Не разглядеть и речки узкой,
Но там, во льдах Березины,
Величье армии французской.
Топча промёрзшую траву
И утопая в снежной жиже,
Пусть недруг тащится в Литву –
Мы будем гнать их до Парижа.
А конь?
Арабский, боевой,
Поджарый, чуткий, как виола,
Врага подарок роковой
Владельцу русского престола.
Пусть он и дерзок, и бесстыж,
Смахнув пушинку с бакенбарда,

Царь Александр войдёт в Париж
На скакуне Буонапарта.
Ермолов, Франция, Версаль!
Но, вспомнив русские окопы,
Он, приподняв её вуаль,
– Мадам, – сказал, – мне очень жаль!
И отвернулся от Европы.

***

Именье!
Нужен глаз да глаз.
Сюда, сквозь рощи и опушки,
Свернув с дороги, как-то раз
Примчался лучезарный Пушкин.
Даря то саблю, то кинжал,
А может быть, портрет овальный,
Летя с Кавказа, наезжал
Поручик Лермонтов опальный.
Потом, накинув епанчу,
Вдыхая запахи полыни,
Скучал хозяин, жег свечу,
Стихи переводя с латыни.
Зачем не предал он перу
Широколобых Альп вершины,
Варшавский бой, где на ветру
Дрожат Суворова седины?
Он помнил с грустных именин,
Среди осеннего ненастья,
К нему бегущую Надин –
Его утерянное счастье.
Что человек? Он лишь родник,
Порою чист, порою в тине,
Но тем он, может, и велик,

Что бережет свои святыни.
 Гадают – ветвь ли он корней
 Монголов, въехавших из ханства?
 Чем скрасить, Господу видней,
 Породу русского дворянства.
 Пусть что-то в древе родовом
 Творится странное порою,
 Фамильный герб с могучим львом
 Не зря так нравился герою.

Под инеем витиеват
 Узор ветвей, а холод круче,
 Но убывающий закат
 Внезапно вспыхнул из-за тучи.
 И, словно огненной зари
 Коснувшись солнечным сплетеньем,
 Зажёгся всадник изнутри
 Её оранжевым свеченьем.
 Паря над зданьями в лесах,
 Переливая жар сиянья,
 Горит не медное в глазах,
 А золотое изваянье.
 Роняет звоны в стороне
 Собор Архангела святого.
 О чём сказать он хочет мне,
 Взлетевший в небо на коне,
 Посланец века золотого?

26 декабря 2012 года

ВЛАДИМИР **ЕРМАКОВ**

РУССКИЙ ПУТЬ

Ветлы кривые, ветры косые...
Всё – безвозвратность, все – бездорожье.
Быть человеком – значит в России
быть фаталистом. Всё в воле Божьей

в этой земле, не в подобие прочим:
самой последней, горькой и лучшей.
Смерть – на миру, бытие – в одиночку,
горе – по плану, счастье – на случай.

Всё, чему должно, то и случится.
Сколько ни веку – не много, не мало.
А на душе безнадежно, но чисто:
хлеба б хватило да силы б достало...

Требовать свыше – дьявола тешить,
зряшным хотеньем судьбу искушая.
Чудо и юдо, небыль и нежить –
всё уживется, Россия большая.

Ладно. Ужо перебьемся до лета,
жалок сей жребий или велик ли.
Выбор-то есть: от креста до кастета.
Рады бы в рай... да и здесь попривыкли.

Путь наш запутан и нескончаем,
без перспективы, без оберега.
Но на губах, истомленных молчаньем,
благословение первого снега.

ЛЕТЕЙСКИЙ СНЕГ

Пришла зима, имея бледный вид...
Год из судьбы – как будто бабу с возу.
Я выдохнул вослед осенний спирт
взамен на трезвость первого мороза.

Я вышел вон. Из власти темноты
мир проявлялся робко. Осторожно
ступали в снег бродячие коты,
принюхиваясь нервно и тревожно.

Рябина тлела, и снегирь алел.
Мне грудь на вдохе острый холод полнил.
Я помнил, что о чем-то сожалел,
а вот о чем жалел – уже не помнил.

У погруженных в воды Леты тел
теряется сознание границы.
Я шел и шел, а снег летел, летел,
листая жизнь на чистую страницу.

Я был свободен. Прошлое не жгло,
распавшись на прекрасные мгновенья.
Я шел куда-то... время следом шло,
и снег летел – летейский снег забвенья.

ЗИМА В ГИПЕРБОРЕЕ

Владимиру Бабину

Зона зимы. Осиянные – с просинью – дали.
Прост и протяжен пейзаж после долгой метели.
Сказочен снег, что на вздорные ветки собрали
сосны и ели.

Ташатся дни – словно древние дроги – по будням.
 Всё замедляется, даже процессы старенья.
 Семь сексуальных гигантов от сна не пробудят
 мертвой царевны.

Все основания жить вымерзают незримо.
 Не оттого ли хандрю и душевно болею?
 Быт не налажен, понеже избыточны зимы
 в Гиперборее.

Эти места не особенно любы туристам;
 аборигены венчают колумбов не лавром и миртом, –
 в качестве почести странника потчуют чистым
 краденым спиртом.

Хоть говорят, что язык доведет до Пекина,
 я от наречия места местами дурею
 и забываю себя; я уже никогда не покину
 Гиперборею.

Хочется жить и работать! ...работать вполсилы:
 польза труда не всегда соразмерна затрате
 там, где на каждого жителя тысяча кило-
 метров в квадрате.

Эта страна отродясь человеку не впору;
 в долю таланту даются танталовы муки.
 Глаз не найдет горизонта – и тягостны взору
 белые мухи.

Гиперборея! ... не родина – саморастрата;
 кладбище мамонтов: чудищ, не вынесших тяжесть
 существованья на грани; задолго до Сартра
 тема все та же.

Снежные вихри проходят смятением по сердцу
и – не поверите! – после неясных инверсий
преображают либидо у гиперборейцев
в тягу на север.

Вот и уходят они по ветрам задубелым,
где пропадает граница меж снегом и небом;
где человек исчезает в безмолвии белом,
словно и не был.

ВСЯКОЕ ДЫХАНИЕ...

Борису Войнову

Листья падают... пора пропадать,
отрываться от ствола в пустоту.
Бог исчислил наши дни – и в тетрадь
что-то пишет и подводит черту.

Как по осени считают цыплят,
повторяю про себя имена
опустевшие... И листья летят,
наметая немоту на меня.

Загадаю на багряный листок:
долетит он до черты или нет? –
словно может повлиять на итог
совпадение надежд и примет.

Я дыхание в груди загаю:
жребий брошен наугад, – долети!
Я поставил, чему быть, на твою
траекторию, на карту пути...

Ходят по лесу ветра напролёт.
 Все прозрачней дерева день за днём.
 В горьких сумерках пичужка поёт,
 хвалит Господа, не зная о Нём.

ОСЕННИЙ ДЫМ

Але

Мы вновь сойдемся в солнечной стране,
 где будет хорошо тебе и мне,
 где никому до нас не будет дела;
 там прощены разлука и вина,
 и нам дадут иные имена, –
 свои мы износили до предела.

А нынче осень, – много дней подряд
 в намокших кучах листья не горят,
 а только тлеют... Вот и я немею
 и стертых слов значения коплю;
 и я тебя жалею и люблю, –
 но говорить об этом не умею.

Облетший тополь помелом торчит,
 и ворон что-то страшное кричит,
 воздев крыла, пророком-нелюдимом;
 а я ему не верю: ерунда! –
 так тлеет отболевшая беда
 и стелется к земле осенним дымом.

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Творя непотребства и благотворя,
 сочельник вошёл во врата января,

едва задевая за иглы хвои, –
и трепетом через ресницы твои

проходят мгновенья, и сыплется снег
в преддверии чуда, которого нет, –

меж небом и снегом ни стыка, ни шва,
но в наши пенаты звезда не зашла;

ночь колется искрами чёрного льда...
а по околотку идёт коляда:

огни загораются, тени снуют,
хозяева ряженым щедро дают –

где сала, где денег, где горстку конфет,
кто сальную шутку, кто добрый совет;

а в стёклах мерцает неясная мгла:
невесты и вдовы глядят в зеркала

с надеждой и страхом – и с трепетом жгут
церковные свечи и суженых ждут...

сквозь все ожидания, мимо молвы,
неслышно, незримо проходят волхвы, –

в овечьих дублёнках и масках волков,
весёлые лохи пугают волхвов;

позёмка заносит цепочки шагов
по синим откосам осевших снегов...

АПРЕЛЬ В ОРЛЕ

Когда с утра распогодится и станет тепло, когда
весёлый ветер развяжет удавку шарфа на шее,
из ледяного плена серебряная вода
избавится, утекая в промоины и траншеи,
когда сквозняки из комнат сбегают на слёт ветров
из форточек и на окнах колышутся занавески, –
апрель, наглотавшись гари от санитарных костров,
уходит выплакать слёзы в прозрачные перелески.

Ни паводка, ни потопа не будет в этом году;
хотя снега задержались и заморозки нередки,
но солнышко пригревает, и в городском саду
доверчивые деревья уже распускают ветки.
Морозные испаренья сгущаются в облака;
всё сразу – на лбу испарина и холодок в затылке.
Как будто после запоя, измученная Ока
несёт куда-то за город сдавать пустые бутылки.

Уловки душевной лени наивны и не новы;
придуманное несчастье легко развести руками, –
и вместе с зимней мигренью из стриженной головы
уходят чёрные мысли и прочие тараканы.
А сердце мается, словно от непрощённой вины,
то замирая от радости, то от тоски шалея,
хоть ни персидской кошки, ни паршивой княжны
я не топил, понеже всякую тварь жалею.

За мною довольно всякого, но совесть моя чиста;
я роюсь в анналах памяти, по строчке перебирая,
как будто читаю рукопись с попорченного листа...
Наверное, это топос литературного края.

Наверное, где-то иначе... Не знаю. Но здесь мой дом,
и годы не дают на душу неодолимым грузом,
когда луна прохладается над Дворянским гнездом
и сквозь кисейные сумерки проходит юная муза.

ЗАКАТ НАД ОКОЙ

Але

Жёлтым мёдом заката полны золотые шары,
и пресыщены сладостью синие сумерки сада;
после щедрого ливня и жадной до влаги жары
наступает прохлада.

Словно есть в благодати воды и покое земли
то, что больше, чем чудо, любому живущему надо,
то, чего мы друг другу из гордости дать не могли:
не прощенье – пощада.

Опускается солнце, нечаянно ветку задев
беглым бронзовым бликом (примета к хорошей погоде);
одинокая птица цитирует Ветхий Завет:
всё на свете проходит.

Скоротечное время наполнит пустые умы,
и захочет тепла, кто теперь изнывает от жажды...
Ты запомни, дружок, этот день, где счастливые мы
жили-были однажды.

СЕНТЯБРЬ

Марье-Леене Миккола

Настанет день – и вновь потянет
бродить окольными путями,
свет собирая на заре
в сентиментальном сентябре;

крошить скворцам сухую корку,
гуляя лесополосой;
не обрывать рябины горькой
с ветвей, сверкающих росой.

А там, вдали за поворотом,
по деревенским огородам,
осенний дым: едва-едва
горит намокшая ботва.

Ещё светла в лесу прохлада
и весела в реке вода...
и человеку мало надо,
но только надо навсегда.

ПРЕДЗИМЬЕ

Але

И бархат лужи с кружевным ледком,
и облаков разрозненное стадо,
и воробьи, застывшие рядком
на паперти обобранного сада,

и снегом опушённые листья,
опавшие, лежащие навалом,
и смутная, как приступ суеты,
тревога о своем, привычном, малом, —

всё сковано сознанием зимы;
надолго ли? — почудится: навеки...
и сердце дрогнет на пороге тьмы,
как яблоко, забытое на ветке.

О РАДОСТИ

Я верю не очень в свой жребий земной,
но знаю, со временем ссорясь, –
есть вещи, где нет никого надо мной:
свобода, сознание и совесть.

По воле судьбы, по своей ли вине
в пути я отбился от стада,
но если три вещи остались при мне,
мне большего счастья не надо.

И радость земную исчерпав до дна,
о жизни я знаю немного:
три вечные вещи – а может, одна-
единственная – от Бога.

Я горла не драл и не рвал своих жил,
не лучше других и не хуже, –
и хочется верить, что век свой прожил,
как Бог положил мне на душу.

И хочется думать, что прожил не зря
(хоть мог бы, наверно, иначе), –
и в час, когда меркнет и гаснет заря
и хочется плакать, – не плачу.

Пусть век мой пройдёт, не оставив следа,
но кто-то пройдёт за мной следом.
А радость... она – как живая вода,
Источник которой неведом.

ГРАЖДАНСКАЯ СМЕРТЬ ПОЭТА

Время бежит, и скоро мне за ним не поспеть...
Хочется выйти в люди, да меж людьми нет лада...
Я бы сложил вам песню – да кому ее петь?
Я бы сказал как лучше – да кому оно надо?

Вот мой друг-живописец изобразил закат
так, что картина мира открывается настезь;
за прожиточный минимум (а когда и за так)
мастер являет нечто, что словами не застишь.

А я на службу не призван и на праздник не зван,
и веления Божия муза моя не слышит;
что сказать мне о мире, чего бы никто не знал?
что сказать мне о жизни, что бы не было лишним?

Я верю во все резоны; я знаю, что дважды два
будет всегда четыре – и внутренне, и наружно, –
но смятение сердца перелгать в слова...
я не знаю, зачем и кому это нужно.

Можно издержки жизни осознать как грехи;
можно сыграть рисково, можно соврать толково, –
но недержание речи выдавать за стихи...
избави, Боже, поэта дожить до стыда такого.

Стихи – нехитрое дело; их каждый может уметь, –
но за красивые фразы надо по морде розой!
Поэт, чтобы стать поэтом, должен пойти на смерть.
А кто собой не рискует, пробавляется прозой...

Я все время сбиваюсь – путаю *он* и *я*;
это все оттого, что долго грешил стихами, –
пусть никто в этом мире сам себе не судья,
кто мы на самом деле – разбираемся сами.

Может, не та эпоха, может, судьба не та, –
но все плоды познания червь сомнения точит;
и если к презренной прозе поэта клонят лета, –
знать, не хватило духу или не стало мочи.

Найдите поэту место, налейте тарелку щей, –
ведь он своим Божьим даром уже поделился с вами;
язык доводит поэта до самой сути вещей,
а что с ним бывает дальше – об этом нельзя словами.

Что у него осталось? Разве что мастерство;
сам он – версификатор, и муза его – зануда.
И я пишу эти строки, в которых нет ничего,
кроме литературы... и надежды на чудо.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ СОНЕТЫ

1. Об осенних сумерках

Евгению Пащину

В переулках ветреные вздохи.
В парках дровяная невозвратность.
Видно то, что в мире происходит,
никому не в пользу и не в радость.

Вот и отшумело бабье лето –
головокружительно и сладко...
Озарив последним теплым светом,
растворилось в сером без остатка.

Что-то происходит. Но не с нами.
И луна, взошедшая в тумане,
осаждает боль печальной ленью.

Вот и мы надежды променяли
на засохший хлеб воспоминаний
с горьким медом поздних сожалений.

2. О конфликте этического и социального

Виктору Калянову

В миру на выбор два удела:
кому – театр, кому – тюрьма.
За независимость ума
в заложниках пребудет тело.

Что нынче Бог пошлет на ужин
тому, кто времени не раб?
Он не за страх служить бы рад –
за совесть... да кому он нужен?!

И, запивая хлеб водою,
ещё не сломленный бедою,
философ пишет этот стих

о споре совести с судьбою...
от сквозняков шуршат обои,
но он не думает о них.

3. О кризисе позитивизма

Вячеславу Оболенскому

В надежде славы и добра –
с плеча иного поколенья –
зияет черная дыра,
где копошится червь сомненья.

Взыскупя света и тепла,
дух полагаепся на разум.
В надежде славы... – жизнь текла
сквозь эту пушкинскую фразу.

Напрасный век – прекрасный миг.
Их вес в душе равновелик:
пустопорожняя морока.

И зов срывается на крик,
и по ступеням темных книг
схожу с ума – в надежде Бога.

4. Об утрате аутентичности

Николаю Силаеву

Свой сон припомнив поутру,
в себе предчувствую потерю.
И я когда-нибудь умру,
но, умирая, не поверю,

что, страстной вере вопреки,
я ограничен и конечен –
как ветра век, как ток реки...
О, длиться б дальше! Только нечем.

Ведь тело, воля и душа,
томясь, желая и дрожа,
несли единою волною

всё то, чем были дни полны, –
и с раствореньем той волны
исчезну я... и Бог со мною.

5. О необратимых процессах

Александрю Ермакову

Не возвратится звук к струне,
а свет к свече, а бытность к дате, –
всё, что исторгнуто вовне,
обречено саморастрате.

Куда уносит время нас?
Душа еще не оскудела,
но – звук умолк, но – свет угас,
но – человек достиг предела.

Но человек тому не рад,
он озирается назад:
везде ворота на запоре...

О, как, крестясь, дрожит рука!
О, как печалится река,
впадая – пропадая – в море...

ВАЛЕНТИНА **КОРНЕВА**

БОЛЬШАК

*Впереди большак, подвода,
Старый пес у колеса,
Счастье, молодость, свобода,
Солнце, степи, небеса.*

И. Бунин. 1889

Грусти немерено –
                                что-то не так,
Сердце с тяжелою
                                ношею,
Время-ковыль заколышет
                                большак,
С ветром проносится
                                прошрое.
Толпы собратьев
                                на древнем пути
Славу добыли
                                победами.
Нам ли бездарно меж ними
                                идти
С ленью, пороками,
                                бедами?
Встретит с укором
                                Герой-славянин –
Спрячемся:
                                стали пугливы мы.
Кровь лишь по-прежнему
                                цвета рябин,
Скорби склоняются
                                ивами.
Не обойти стороною
                                большак,

Здесь вволю пелось, горевалось,
 Имело всё глубокий смысл.
 Здесь солнце с радугой венчалось
 Над звонким древом коромысл.
 Полынь у старого колодца.
 Скрипучий ворот, сруб-труха.
 Как горько – больше не поется
 И не гуляется в лугах.

РОДНИКИ

В черемухе, цветущей вдоль реки,
 Из-под горы, на дне сырых оврагов,
 Живут поющие лесные родники
 В купелях, отороченных корягой.
 Неповторимы их, призывны голоса
 В напевах леса, дивном общем хоре,
 Где все равны – и дрозд, и стрекоза, –
 Поет родник о небесах и воле.
 Как вера, чист, целебен, как любовь,
 Как сон, живителен... Из недр земли струится...
 Здесь путник спешится и станет смирно конь
 Испить воды – как Богу поклониться.

СТАРУШКА

Старушка стоит у развилки дорог,
 Со спелой вишней корзинка у ног.
 Недорого просит с проезжих людей,
 На хлеб бы хватило на несколько дней.
 Да мимо машины. Старухи глаза
 Печально глядят, как со стен образа.
 И кажется, будто забыта издревле
 В той старой печальнице наша деревня.

***

Тревожная любовь к России
Печалью сердце защежит.
Не закружил бы ворон синий,
Не зачернил бы цвет раakit.
Не дай-то Бог, колючий холод
Загубит поросль на цвету.
Не позабыть бы песню, говор
И поклонение Кресту.
Пуститься б «в пляс», да нет сноровки,
«Сплеча» б срубить, да «стать» не та.
Ногой бы в стремя... Всё уловки.
Грошовой жизни суета.
Идти ли в храм, к холмам могильным
Иль ждать знамение Небес?
За что боролись – позабыли.
В пути опять попутал бес...

МУЖИК

На земле, как прежде, сирий –
Не хозяин и не гость.
Всё добро – лопата, вилы,
В конуре – собака, кость.

Перепелись, перевились
Кумачовый рай, беда.
И на дно стакана слились
Самогон, свята вода.

От деревни – лишь поминки,
Нынче тяжкая пора.
Двор остался Акулинкин,
На реке – дом у бобра.

Горевать – не будет лишка.
 Отзовётся ли, Бог весть?
 Помер третий день дед Гришка,
 Не на чем к погосту свезть...

ЕСЛИ ВЕРНЁШЬСЯ...

Зорькой рассветной, в закатную ль пору
 Трактом ли, тропкой в бору
 Выйдешь однажды к заветному полю,
 К дому на вечном ветру.
 Скрипнешь калиткой, вздохнешь у рябины,
 Лавку протрешь рукавом.
 Ластиться будет собака у тына:
 Вспомнила, знать, о былом.
 Дом оглядишь. Вот замшелая крыша,
 С дряхлой ступенькой крыльцо..
 Ласточек посвист нежданно услышишь
 И запрокинешь лицо.
 Там твои птицы и прыть молодая,
 Синь и бездонная высь.
 Матушка выйдет в калошах, седая –
 Ей ты за всех поклонись.

***

Страна великая, былинная,
 Тобой душа не отболит,
 Церквушкой кружевной, старинною,
 Рекою в серебре раки.
 Не отболит родными далями,
 Где сеял стрелы печенег,
 Славян великими печальями
 Из рода в род, из века в век.

Не отболит душа погостами,
Где в буйстве дикая сирень,
Войной просчитанными верстами,
Судьбою нищих деревень...
Не бесталанна. Без удачи.
За всё, за всех – на мне вина.
Душа болит. А как иначе
Тебя любить, моя страна?!

***

Какую поставить свечу?
С какою молитвой склониться?
У Неба защиты ищущу,
Чтоб силы дало не сломиться.
Безудержный спрут-чистоган
Терзает родимую землю.
Вот скрытый славянский курган.
Наш погран обычай издревний.
В ком сила слепая, тот прав,
Бесовская поступь не нова.
Где отчие норы и нрав?
Поругано русское слово...
У Неба защиты ищущу,
Чтоб силы дало не сломиться.
Я Родине счастья хочу!
За Родину надо молиться.

КОЛОКОЛЕЦ

Средь рухляди, в заброшенном сарае,
Насмешкой незапамятных времён
Нашли в паучьих сетях «дар Валдая» –
Поддужный колоколец – меди звон...

Беру я драгоценную находку,
 Как чудный клад, как летописный свод:
 Вот мастера клеймо, из серебра обводка...
 Микула постарался иль Федот?

Но кто бы ни был – добрый колокольщик,
 Под силу мелкий звон и дужные билы.
 Весёлый балагур, а может – спорщик
 С поклоном к нам из русской старины.

«Звени, дружок, да утешай в дороге»,
 А седоку посланье: «Поспешай!»
 Кибитка ли, телега, просто дроги, –
 Поёт у колокольчика душа.

На ярмарку ль спешил купец-кутила,
 Ямщик ли с «подорожною» грустил...
 Да всё одно: коль сердце защемило,
 Знать, не хватает колокольцев нам в пути...

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ МОСТ

Часто приходят в мои сновиденья
 Старый Орел, Александровский мост...
 Вечер Рождественский. В храмах служенье.
 Ели в огнях, в хороводе из звезд...
 Тройки, кареты – как на параде.
 Пряники в лавках, миндаль, марципан.
 Свечи, иконки в злаченном окладе.
 К церкви со свитой идет генерал.
 Рынок, ряды – всё в сусальном убранстве.
 Лёд на реке. На коньках детвора.
 А на мосту – предводитель дворянства.
 Пьяный народец с нестройным: «Ура!»

Я загляделась: пушкарь на подводе
С девкой-казачкой затеяли спор.
Дамы в мехах, как узор на ротонде,
Милый и светский ведут разговор...
И у меня – «золотой ангелочек»,
Что на открытке... Зажала в руке.
Так я боялась проснуться среди ночи
В дальнем и сладком своем далеке...
Хочешь – не хочешь – пришло пробужденье:
Вновь на Оке тот же лёд. Вот и мост.
Церковь всё та же – Богоявленья.
Снова Сочельник... Рождественский пост...

НА ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА ИВАНУ БУНИНУ В ОРЛЕ

Вернулся в бронзе, величавым изваяньем,
На берег юности, к излучине Оки.
Исполнилось заветное желанье –
Уйти из плена ностальгической тоски.
Земля родная, нужно ль покаяться
Души истерзанной, в тебя влюблённой, Русь?
В серебряном созвездье мирозданья
Воспел он трепетно твою красу и грусть.
Прими, Орел, его сыновью нежность
И исповедь среди окаянных дней,
И скорбный звук, и музыки свежесть,
И тайны тёмных бунинских аллей.

***

Память – свиток драгоценный
С письменами прошлых лет,
Как спасенье в жизни брэнной

От земного зла и бед.
 Яд для сердца – горечь тленна,
 Отболит и отомрёт.
 Радость жизни неизменно
 В письменах моих живет.
 В свитке рядом по соседству
 Сад вишнёвый и восход,
 Нежность к маме и из детства
 Санок стареньких полёт.
 Позабыты дни-пороши,
 Не веду обидам счёт,
 Дорогое вижу в прошлом...
 Знать бы свиток наперёд.

***

Сохрани «на случай» душу–
 Вдруг да счастьем прорастет.
 В век ненастный, невезучий
 Злоба вытает, как лёд.
 Прилетит удача-птица,
 Слово вымолвишь едва,
 Чтоб в горстях твоих напиться.
 Свет прольется на дома.
 Вдруг иссякнет гнет бездушья
 И на совести дыра...
 Сохрани «на случай» душу
 Для Вселенского добра...

***

Что там, за гранью зазеркалья?
 Мир тайных сфер и плоскостей,
 Иных времён, пространств дыханье,
 Скопление мыслей и страстей?

Что там, виденья, и фантомы,
И параллельные миры,
В нас проступившие разломы
От дерзкой с Разумом игры?

***

Всё не случайно: свет во мгле,
В морозном небе хвост кометы
И звёзды в трепетном огне,
Как горсть небесных самоцветов.
Вселенской бездны высота,
В ней тайна есть и откровенье,
В ней тает мира суета
И с вечным ждёт соединенье.

***

Не всегда спор о хорошем,
Спорить можно о плохом
И поэзию за гроши распродать,
Как Отчий дом.
Рифмы, образы витые –
«Оптом», «скопом», «по частям»,
Будто звоны золотые,
Лики праведные,
Храм...
Позабыты «буки», «веди»
И былинный сказ-завет,
Где, когда и в коем лете
Жил Бобрак и Пересвет...
Нынче «триллер» да «бестселлер»
На потребу у юнца.
Кто остался Музе верен,
Что «глаголом жгла сердца»?

***

Душа повзрослела: не трогают страхи,
 Ночные погосты, в глуши упыри,
 Ни чёрные кошки, ни мрачные маги,
 Острее лишь чувствуешь близость земли,
 Росты обновленья и времени сети,
 Что сотканы крепкой и мудрой рукой.
 И то, что пугаются малые дети,
 Лишь грусть навевает. И вечный покой
 Уже не страшит... Тревожит забвеньё.
 Вдруг чувствуешь: мало отпущено сил.
 Душа повзрослела... И кстати прозреньё:
 день каждый – подарок, поэтому мил...

***

А я ткала... узор заветный,
 что жизнь дала,
 Я детство ниточкой рассветной
 ткала, ткала...
 Любовь, прозрачней акварели,
 из трав и грез,
 Я грусть ткала из светотени
 и счастья плес,
 Ткала надежд речные дали
 и облака,
 Тропинку торную к печали
 и берега.
 И все без устали картины,
 где «Я» и «Он»,
 Из лета в осень паутины,
 медовый звон.
 Свое – и радость, и тревоги –
 я берегла,
 И шла, и шла своей дорогой
 и всё ткала...

***

Очерствели души – к бедам...
Зло, кровавее зари,
Всё идёт, идёт по следу,
Где летали снегири,
Где свирели пели, гусли,
И дубы шумели встарь,
Где веками пахло Русью,
И манил простор и даль.
Размывает дно быстрина,
Точит камень берегов.
Нрава павшего личина –
Нет страшней её оков.
Блуд, разврат глядят с экрана,
Корень зла – не стар, не нов.
От насилья вскрылись раны,
Что достались от врагов.

***

Короче ли часы, минуты?
Иль быстротечней света бег?
Стал суетливей почему-то
И всё печальней человек,
И десять заповедей Божьих
Ему вершить уж нету сил...
Неужто он в краю тревожном
Всю чашу радостей испил?

***

Век звёзд не обрывается столетьем.
Звезда в пути светила ямщику,
Графине Шереметьевой в карете,
Драгунскому гусару на скаку.

Звезда – союзница опальных декабристов,
 Утеха Пушкина в михайловской глуши...
 Века минули, а звезда так близко
 В мерцающей неведомой тиши.
 И вновь струится откровеньем тайным
 О яркой и несбывшейся мечте,
 О музе дерзкой, и любви печальной,
 И о Поэте, что доверился Звезде.

***

Кто-то останавливал часы
 В час кончины... Время обрывалось.
 Выхода из черной полосы
 Никому найти не удавалось.
 Кто-то останавливал часы
 На перронах в залах ожидания.
 И казалось, времени весы
 Мерили секундами свиданья.
 Кто-то останавливал часы,
 Продлевая горькие раздумья,
 Берегло нас – Господи, спаси! –
 Счастьем насладиться до безумья.

ГОРЬКАЯ СЕНТЕНЦИЯ

Не докучать чужими бедами
 Своей душе – большой ли грех?
 Душа печалей не изведает
 Среди покоя и утех.
 И на цветочном подоконнике,
 В пыли заброшенных квартир,
 Гадать ей о Любви на соннике
 Среди сонных мух в шуршанье крыл.

***

Я слышу дыхание Родины...
Я злата себе не прощу:
Тропинку бы, куст смородины,
В цветках повилики между...
Кто грезит байкальской сказкою,
Валдайским зеркальем озёр,
А мне бы – дорогу на Спасское
И мой новосильский простор,
Пушкарных старинные дворики,
Тургеневский мой бережок,
Застенчивость тихого Орлика,
На взгорке – берёзок кружок...

***

Ты прошёл по строке,
Память вдруг всколыхнув
Звоном синих стрекоз тихим летом.
К соловьиной реке
Ты прошёл налегке
Песней первой любви недопетой.
Мы бродили в лугах,
Где ромашковый плёс,
Запах тмина, цветочного мёда.
И на птичьих кругах
Жаворонок нас нёс,
Сокровенные тайны поведав.
Вновь я в сладкой тоске –
О тебе, о тебе...
И за что мне такая награда?
Ты прошёл по строке,
Ты прошёл по судьбе
Золотою тропой звездопада...

***

Не печалься, мой хороший:
        видно, нам не по пути.
И подснежник среди пороши
        нам с тобой уж не найти.
Отыскать бы месяц ранний,
        что за речкой в ивняке.
От несбывшихся желаний
        заросла тропа к реке.
Чей запрет? Какое чудо?
        Заговорная ль трава?
Но любовь из ниоткуда
        возвратилась в никуда.
Нет и трелей соловьиных –
        птаха вывела птенцов.
Лишь в душе твоей ранимой
        память с девичьим лицом.

***

Не просила подаянье,
Тихой нищенкой склоняясь,
За измены оправданье
Не ждала, печалась всласть.
И потерянное счастье,
Как червонное кольцо,
Не искала в дни ненастья,
В траур кутая лицо.
Берегла да обронила
Все мечты...в какой рассвет?
С той поры душа ранима
Столько зим и столько лет.

В ПУТЬ НЕВОЗВРАТНЫЙ...

Памяти В.П. Дронникова

Что так больно?... Нет силы...
Как же сердцу помочь?
Русь вчера проводила
Сына верного в ночь.
В путь собрав невозвратный,
Как калике мешок,
Поклонилась трёхкратно,
Подала посошок.
Лоб крестом осенила
Правдолюбца-певца.
Богатырская сила
В нем жила до конца.
Он стоял за державу,
Презирал фальшь и лесть.
Витязь смелый и правый,
Русь отстаивал, честь...
И поутру с рассветом
Устремилась душа,
Над ромашковым летом,
Над весною кружа.
Заглянула и в осень,
В золоченую медь,
И январскую просинь –
Всё смогла отогреть.
Воссияла, воспела
И на птичьих кругах
Понесла свет и веру
И к другим берегам.
От земного предела
Полетела гонцом
За Россию и веру
Порадеть пред Творцом.

***

И вновь звонят колокола
В тени кладбищенских раки.
Кого-то вечность позвала.
Тоскою звонной грудь щемит.
Уходит жизнь, а с ней – весь мир,
В нём чьё-то солнце и земля,
И свой Бетховен, свой Шекспир,
Свои пшеничные поля.

***

Ты у меня просил прощения,
И не простить я не могла,
В душе – ни уголка для мщения,
Любовь всё место заняла.

***

Святому не заказан на земле предел –
Над церковью светился в злате крест,
Светился голубь, что к кресту взлетел,
Светились облако и краешек небес.

АНТОНИНА **СЫТНИКОВА**

***

Бегут деревья за окном вагона,
 Сжимает сердце острая печаль,
 И серая распластанность перрона
 Неумолимо ускользает вдаль.
 Сквозь стук колес размеренно унылый
 Летит к окну зеленая звезда,
 А в памяти встает и то, что было,
 И то, чего не будет никогда.

***

«Сонэчко!» – нежно коснулась
 Трепетных струн Украина.
 Юность, далекая юность
 Встала опять возле тына.
 Солнце застыло в зените,
 В воздухе – горечь полыни,
 Марева зыбкие нити
 Делают вещи иными.
 Плавают томно стрекозы,
 Смотрят, чтоб все было в норме,
 Рядом, за кучей навоза,
 Курица выводок кормит.
 Спелое яблоко звонко
 Шлепнуло боком о землю,
 Завороженно буренка
 Звону подойника внемлет.
 Брызнут пахучие струи,
 Первая кружка для внучки,
 С легкой улыбкой подую
 В белую пенную тучку.

«Сонэчко, – бабушка скажет, –
Дуже тонэнька ты стала».
Фартук неспешно повяжет.
«Можэ, видризаты сала?»
Голос смешинкой взорвется,
Высветив прошлого дали.
Словом, лучистым от солнца,
Вы меня снова назвали.

***

Висят подзорами туманы
Над речкой Сасенкой с утра.
Я снова в домике саманном,
И будто не было утрат,
И сердцу милая Украина –
Лишь оком большой земли.
На расстояниях бескрайних
Еще границы не легли.
Еще звучат былые песни,
Веселье плещет через край,
И в танцевальном круге тесно,
– Эй, гармонист, давай играй!
И бабы лучшие наряды,
Чтоб в поле выйти, достают.
И – не поверите! – но радость
Приносит бескорыстный труд.
И за расхристанным туманом,
Попить присевшим у реки,
Растут во ржи косынкой рваной
И бредят Русью васильки.

***

Памяти моего дяди Алексея Неговора

Здесь сентябрь как пирог слоеный,
То оранжевый, то зеленый.
Катит тыквы по огороду,
Запрягает мышей в подводу.
Перед тем, как домой собраться,
Рассказать захотелось вкратце,
Что за синей прохладной речкой
Было поле с медовой гречкой.
И с утра и до самой ночи
Там трудилась, что было мочи,
Над кипеньем крутым летая,
Пчел в согласии дружном стая.
А потом на широком блюде
Плыло золото. Брали люди
Распечатанных сотов ломти.
Свет в ячейках лучисто-ломких
Распадался на сотни капель
И на хлеба горбушку капал.
Дядя Лешка – костыль под мышкой –
Возле ульев ходил вприпрыжку.
Наблюдал за порядком строго
И почти забывал про ногу,
Что осталась в бою под Курском
На прославленном поле русском.

***

«Ты жива еще, моя старушка...»

С. Есенин

Пока живут еще старушки
В людьми забытых деревнях
И травы собранные сушат
В духмяных сумрачных сенях,
Где вековые ароматы
Полыни, мяты, чабреца,
На лавке старые ушаты
И рядом свежий след корца...
Жива Россия. И пред Богом
Все еще может быть права.
И говорят Ему о многом
Молитвы простенькой слова:
«Подай сегодня хлеб насущный,
И отведи от нас беду.
Тот срок земной, что нам отпущен,
Дозволь прожить с собой в ладу...»
А вверх уходит: «Боже Правый,
Спаси Россию в трудный час!»
Многострадальная Держава
Опять в плену. На этот раз
Не мчится с гиканьем и свистом
Лихой раскосый басурман,
Не танк ползет, не слышен выстрел,
Лишь клевета, подлог, обман.
Растет невидимая сила
И разрушает изнутри.
Благословенная Россия
В незримом пламени горит.

***

В саду заброшенном антоновка
Невероятно хороша.
И наливное, с ветки тоненькой,
Срываю молча я, спеша
Вдохнуть глубокий и пленительный,
Неповторимый аромат.
И вспомнить ярко и пронзительно,
Как много-много лет назад
Шла через двор неспешно бабушка,
Сорвав такое же в саду.
На нем роса светилась радужно.
Стирая капли на ходу
Изнанкой фартука атласного,
Бабуля шествовала в хлев.
Несла буренке чудо-лакомство,
Мне подождать в саду велев...
Держу сейчас в руке антоновку,
Как будто кружку молока.
И в этот миг я – внучка Тонюшка,
И снова жизнь легка-легка.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Нарушив тишину молочного рассвета,
Хлопочут ласточки под крышей, щербеча.
И кажется, ничто на белом свете
Не может их заставить замолчать.
И в день прилета в угол запыленный
Они не прекращают болтовни.
Трещат ликующе и оживленно

О том, что видели вдали:
 О путешествии своем за море,
 Диковинных деревьях и цветах...
 Без умолку поют, друг другу вторя,
 О двух огромнейших китах,
 На спинах чьих передохнуть однажды,
 Уставшие отчаянно, смогли.
 Под парусом крыла скользя отважно,
 Могли бы не достичь земли,
 В которой сами родились когда-то,
 И дети их увидят свет.
 Иные есть рассветы и закаты,
 Но лучше этих всё же нет.
 И старый дом под обветшалой крышей
 Милее всех чудес земли.
 И кажется, что здесь и небо выше,
 И мошки слаще, чем вдали.

***

Пахнет горькой полынью вечер,
 Лучезарно прозрачен и тих.
 Затянул свою песню кузнечик.
 Но, как будто в испуге, затих.
 Вьются ласточки низко-низко,
 Будет снова, наверное, дождь.
 С края поля, к дороге близко
 Васильками светится рожь.
 Я иду и крылатой песней
 Прорастают слова внутри.
 Стало им в моем сердце тесно,
 И летят к полосе зари,

Где усталое солнце лижет
Горизонта горбатый бок.
Все вокруг и родней, и ближе,
Лишь на отчий ступлю порог.

***

Прикоснулась к корням,
Вновь припала к истокам,
Напоили меня
Здесь живительным соком
Эти лес и река,
Что достались в наследство
На года, на века
От далекого детства,
Где за рыжей горой
Притаилось болото,
Там ночами порой
Плакал жалобно кто-то.
Мне печаль иногда
В сердце снова стучится,
И неясно тогда,
Плачу я или птица.

КОЛОДЕЦ

Заокало эхо в колодце заброшенном,
Стремится к воде перекатами звук,
Вращаясь, как ворот, который из прошлого
Хранит теплоту человеческих рук.
Смотрю в глубину. В древесине ободранной
Неведомым образом вырос цветок,
А глубже, давно не тревоженный ведрами,
В тени затерялся зеленый чертог.

И небо в конце. С наступлением сумерек
 Там в бисере звезд загорелась луна,
 И сразу теряется благоразумие,
 И тянет к себе, как магнит, глубина...

ОДИНОЧЕСТВО

Один. Тревожно сжало сердце, как тиски,
 Предощущенье неизбежной боли.
 Стучит и ломится назойливо в виски
 Из сада резкий аромат магнолий.
 Похоже, ход вещей взломала эта ночь.
 Ни звезд, ни облаков – всё тьма собой объяла.
 Разрозненные мысли ускользают прочь
 Обрывками большого покрывала.
 Цикады песнь прощальную вдали поют.
 Звук прорывается и гаснет где-то.
 И оторопь берет на несколько минут:
 Не разминется ль эта ночь с рассветом?

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

На двор, где до этого буйствовал день,
 Луч солнца, сверкая, струился по крыше,
 Легла мрачно-лиловая тень,
 И стало так грустно, как будто бы вышел
 За дверь человек бесконечно родной.
 Толкнула тревога – а вдруг не вернется,
 И в жизни, теперь совершенно иной,
 Останется вечно затмение солнца.

***

Не всколыхни серебряный сосуд,
Наполненный животворящей влагой,
И этих удивительных минут
Сумей сберечь дарованное благо.
За светлым днем придет, быть может, день
Неясности, тревог, непониманья,
Когда размолвки замаячит тень
И все укроет сумрак расставанья.
Но будет память бережно хранить
Богатство, обретенное однажды,
И прежних дней связующая нить
Когда-то станет в жизни самой важной.

***

Теряется время, смыкает пространство
Цветочным бутоном свои лепестки,
Залогом житейского непостоянства
Скользят мимо ног моих воды реки.

У бабочки крылья, как будто страницы
Прочитанной книги, захлопнулись враз.
Лишь память приносит знакомые лица
И, как в сновиденье, обрывки из фраз.

Я новую книгу открою и буду
Её с упоением читать до конца.
Поверю пришедшему в жизнь мою чуду,
Вглядевшись в черты дорогого лица.

***

Все прошло. Осталась только нежность,
 А безумство страсти позади.
 Открывает тихую безбрежность
 Новая любовь мне впереди.
 Ты не бойся. Больше не нарушу
 Твой покой ничем случайно я.
 Только где-то трепетную душу
 Вдруг услышит вновь душа твоя.
 Ты не бойся. Мы с тобой коллеги
 И не более того давно.
 И случайность проскользнувшей неги
 Не пьянит нас больше как вино.
 Просто был такой чудесный вечер,
 Долго мы не виделись с тобой,
 Просто я немного рада встрече,
 Вот и все. При чем же здесь любовь?

***

Я еще не исполнена счастья,
 Но уже отвергаю беду
 И на зов неизбывный и властный,
 Всё приемля, как прежде, иду.
 Сердце боль оправдало и снова
 Ждет с надеждой любви и добра,
 Приходящее кажется новым,
 Но «сегодня» лишь отзвук «вчера».
 Мы как будто забыли до срока,
 Что обязаны помнить века.
 И опять повторяем уроки,
 Ошалев от событий слегка.

Тот, кто встретится в дальней дороге,
Вдруг окажется странно знаком.
Среди всех ты узнаешь немногих,
Говорящих твоим языком.

***

Целовались двое на причале.
На волнах дробился свет на части.
И казалось, в мире нет печали,
Только море, только свет и счастье.
Проплывали мимо силуэты,
Растворяясь в сумраке прибрежном.
И казалось, вечным будет лето,
Вечны будут искренность и нежность.
Горизонт закручивался туго –
Море с небом навсегда встречались.
Одаряя вечностью друг друга,
Целовались двое на причале.

***

Всему на земле нужно время,
Чтоб силу почуять свою...
Взошло полновесное семя,
И снова я песни пою.
О ясных медвяных закатах
Над сонной прохладной Окой,
Где месяц в убранстве богатом
Всю ночь караулит покой
Российской срединной природы
В излучине древней реки.
Здесь ивы плакучие в воду

Свои окунают платки,
 И стайка берез белоствольных
 Почти подбегает к воде.
 Здесь так хорошо и привольно,
 Как больше не будет нигде...
 И, водной мелодии вторя,
 Иду вдоль реки не спеша.
 Пою о российском просторе,
 И полнится светом душа.

***

Такие вот сегодня времена:
 Апрель – а все бело от снега.
 Не позволяет вырваться из сна
 Природе расслабляющая нега
 Несобранной и ветреной весны –
 Она опять о сроках забывает.
 Лишь на стволе коричневом сосны
 Дрожит янтарно капелька живая.
 И в унисон дрожит моя душа,
 Туманные улавливая звуки,
 И чувства обновленные спешат
 Освободиться из объятий скуки.
 Пусть напоследок ярится зима,
 Созрела удивительная сила
 И, открывая жизни закрома,
 Перерождение провозгласила.
 И на пороге нового пути
 Пульсируют волнующие соки.
 Стучит в висках: – Пора! Пора идти!
 А сроки?.. Разные бывают сроки.

***

На улице темно и сыро,
Как будто и не Рождество.
Оплавленной головкой сыра
Луна скользит сквозь небосвод.
А в доме теплится лампадка,
Все ожиданием полно,
И пахнет пряностями сладко,
Звезда опять глядит в окно.
Она глядит неугасимо,
Мерцая слабо сквозь века.
Всепобеждающая сила
Есть в слабости наверняка.

***

Какое пламя в небесах,
Какое пламя!
И облака, как паруса,
Плывут над нами.
И гомон ласточек стоит
Неудержимый.
Над лугом бабочка скользит
Все мимо, мимо.
Вонзают сосны в облака
Верхушки-стрелы,
Где небосвода край слегка
Подкрашен белым.
Шмель загудел и полетел
Своей дорогой.
Наверно, он сказать хотел:

«Ты нас не трогай».
У тучи космы разметал
Беспечный ветер.
Себя не зная, красота
Царит на свете!

***

Лист на ладонь мне, кружась, опустился,
В темных прожилках зардевшийся лист.
День наступивший росой умылся –
Так лучезарен, прохладен и чист.
Я наберусь чистоты и прохлады,
Стану сама этой свежей росой.
И ничего-то мне больше не надо,
Только брести по тропинке босой.

ТАТЬЯНА **ГРИБАНОВА**

РАКИТОВЫЙ РАЙ

(триптих)

1.

Из глубинки я, из захолустья.
Видно, Господом отведено
Мне когда-то в селении русском
Народиться, в моём Игино.

Здесь маслята в дубовых кадушках,
И ручьём серебрится плотва,
И капустные плюшки-ватрушки
С пылу, с жару в канун Покрова.

Предложи мне опять народиться,
Мол, где хочешь, сама выбирай,
Я скажу: «Ну зачем мне столица,
Если есть мой раkitовый рай?»

То ль виденье, а может быть, снится:
Дождь над Савиным логом завис –
То ль бабуля, то ль Полуденница
Вышивает на нём алый спис.

Это кто с ней, веснушками личико,
Шьёт нетвёрдой рукой завиток?
Шепчет рódная: «Ах ты, синичка,
Не спеши, наостришься, дай срок».

На столешнице выстелет скатерть –
Тайным списом к потомкам письмо –
Словно русичей древних праматерь,
Сокровенья – крестом да тесьмой.

2.

Пригляделась к узорочью: рыщет
Тьма поганых у наших ворот.
От набата гудит городище,
Поднимается миром народ.

Шли татар легкокрылые кони,
Шёл германца тяжёлый сапог.
Чёрной нитью кресты – это стоны
Полонянок с российских дорог.

И опять ты бедою объята!
Встань же, Русь, аль не чуешь раздрай?
Ничего в мире нашем не свято.
Под хоругви народ собирай!

Вместе мы – с нами крестная сила!
Словно Ольга, хватаюсь за меч...
«Знать, недоброе что-то приснилось.
Видно, жарко протоплена печь.

Дай водицей умою святою
И прочту «Отче наш» над тобой.
Все напасти, касатка, – пустое.
С Богом в сердце прибудет покой, –

Лампу бабушка шумно задует, –
Эк, фитиль баловатый какой!»
Перекрестит меня, поцелует,
Пожалеет шершавой рукой.

От её ли молитвы, от света
Запорхаю во сладостном сне...
И сейчас, знаю, бабушка где-то
С Богом речи ведёт обо мне.

3.

Дед литовкою вжикает звонко
 (Снова грезится мне сквозь туман),
 Учит старый вояка внучонка,
 Как татарник сшибать да бурьян.

Басурманы, фашистское иго
 Не сровняли с землёй Игинó.
 Боже Праведный! Лишенько-лихо!
 В мирный век исчезает оно.

Гибель места родимого – мука!
 Как поставишь на родине крест?
 Дед внучку: «Проще репы наука:
 Знай паши – весь мужицкий секрет».

Я люблю тебя, край мой раKITный,
 Игинской заовражистый край,
 Где луна, словно бабушкин ситный,
 Дышит рожью – бери да кусай,

Где на заводи лебеди-гуси
 Алым шёлком полощут зарю,
 Где сурепочным мёдом и грустью
 Дышит стог за бакшой к сентябрю.

Слышишь, Господи!
 Край мой простужен!
 Навалилась беда за бедой.
 Ты спаси его светлые души!
 Я молюсь за Россию с Тобой!

***

Гукнет голубицей вечер на повети,
Бабушка лампадку Боженьке засветит.

У ключей атласных ленточкою алой
Догорят-погаснут кущи краснотала.

Заиграют в небе золотые рыбки,
«Спи, мой месяц ясный», – мати скрипнет зыбкой.

Заголосит сонный кочеток крылечный,
А в анисах песню заведёт кузнечик.

Дух укропный терпкий прокрадётся в сенцы...
Светом несказанным озарится сердце.

СОЛЬ

Листья смородины, зонтик укропа,
Перец забористый да чесночок.
Свойских огурчиков первая проба –
Намалосолим дубовый бачок.

Мама командует, я – на подспорье,
С детства на кухне знакомая роль.
«Батюшки, Таня! Вот горе так горе!
К тётке скорее! Закончилась соль!»

Хаты – бок о бок, тётка – соседка,
Настежь калитка, дохнуло парным.
Дома – не часто, точней – очень редко,
Летом – на отпуск, зимой – к выходным...

Два великана в углу, две кадушки
 Крупную солью до края полны!
 Взгляд оценив, не стерпела старушка:
 «Ты не отведала, детка, войны!»

Завспоминала под вздохи и ахи
 Рабство в Германии, беженки путь.
 – Горя пришлось под завязку хлебнуть,
 Соль мне казалась послаще, чем сахар...
 Знаю соль жизни.
 И цену, и суть...

***

А. Семёновой

О, Русь! О, милая Святыня!
 Алтарный свет ржаных полос...
 Плакун-трава, дожди грибные,
 С часовней ветхою погост...

Полита кровушкой и потом
 Здесь каждая земная пядь.
 За тяжкий крест под небосводом
 Покров простёрла Божья Мать.

Ах, эта доля, эта доля!..
 По силе духа, видно, крест...
 Какой пронзительною болью
 Голосит нынче Благовест.

Голбец напомнит у дороги,
 Рванётся птичий (бабий?) крик,
 Как раскулаченный, в остроги
 Брёл измордованный мужик.

То по деяньям наказанье
Или глумится сатана? –
Вновь заколочено, в бурьяне
Моё село... моя страна...

Мужик поёт о доле нищей?
Землицы ль задичалой стон?
А может, веет с пепелища
Сгоревших заживо икон?

Гей, Муромцы! Гей, Пересветы!
Кипят кровь славянских вен!
Пожарский Дмитрий, слышишь, где ты?
Пора России встать с колен!

***

Поле родное,
Суглинные прошивы,
Блудную дочь не отринь!
Грешной душою,
До нитки изношенной,
Пью твою горечь-польнь.

Чертополох
Словно жало смертельное...
Что ж ты не взвыла, душа,
Или ослепла?
Засеялась ельником
Торная деда межа!

Каюсь... рыдаю...
Нет силы, нет моченьки
Глаз от стыдобы поднять –

Выстыли поля
Пречистые оченьки...
Что в оправданье сказать?

***

Помолчи, посиди со мной.
Гаснет август. Прислушайся: сливы
С веток капают по одной,
Словно звёзд переспелых ливень.

На болотах – не он ли виной? –
Безнадёжно рыдают выпи.
Эту терпкую ночь, как вино,
Ты до капли из рук моих выпей.

Ворошить ни к чему в душе,
Обречённой на адовы муки.
Говорят, с милым рай в шалаше...
Что сказать о безмерной разлуке?

Всяк себе на заре разольём
Посошок – дней предзимних сиротство.
А душа?.. Обрастёт былём...
И стихами друг к другу прорвётся.

ОН УШЁЛ...

Вот и снова весна... А соседа Михалыча нету.
Не подтянет трёхрядкой своей ввечеру соловьям.
На комод у карточки дедовой нынче с рассвета
Под ломтём без него фронтовых прокисает сто грамм.

Он, бывало, на митинг в костюм выходной облачаясь,
Проходился до блеску суконочкой по орденам...
Обещал рассказать, как стоял у переднего края,
Но смолкал, вспоминая погибших друзей имена.

Он ушёл... как и жил, незаметно, как тысячи... просто,
По долгам расплатившись с семьей и Отчизной сполна.
Он ушёл... как за линию фронта, за ивы погоста,
Внуку Мишке на память оставив свои ордена.

***

Духов день. Щепотью сыплет лето
Вдоль обочин штапельных цикорий.
От лампадой гаснущего света
Таёт аналой берёз на взгорье.

Ничего милее нет и проще
Этого просёлка хуторского
Вдоль грачиной Ярочкиной рощи
И прудка с бобрами Игинского.

В палисадах мяты млеют пряно...
Ржание да бряцанье уздечки...
Может, здесь сронила Несмеяна
С белой ручки в лебеду колечко?

Знать, на этих торфяных болотах
Отыскал Иван-дурак лягушку.
Глухомань... Лишь пчёлы стонут в сотах
Да отец рубанком гонит стружку.

Конный ли бреди, бреди ли пеший,
Всё холмы, да дождь грибной, да лужи...
Манит голубков с крылечка Стеша,
Сыплет им подсолнушки из кружки.

***

Есть место такое на свете,
Где в пояс июньский покос,
С полынной горечью ветер,
А ночь так светла от берёз,
Что дед, закулив из кисета,
Накинув на плечи «пиньжак»,
На лавке читает газету.
Прикинет и эдак, и так,
Коль час его смертный настанет,
Кому завещать – вот вопрос –
Гнездо ласточаток за баней,
С могилами предков погост?
Округу с лазоревой далью
И воздух – не сыщешь хмельней?
А заросль ивана-да-марьи?
А в ней полусонных шмелей?
Поля без конца и без края,
И новый помол на столе?
Душа за воротами рая
Не сможет не ныть о земле,
Об этих заутренних звонах,
Пусть храмовый колокол мал!
И о придорожном поклонном
Кресте, что неделю строгал.
Старик-то и жив лишь одною
Мечтою, что выпадет срок,
Под Вербное, ранней весной,
Отслужится Мишка, внучок.
Осядет и пустит здесь корни,
Заложит с антоновкой сад.
Дом выстроит светлый, просторный...
Старик был бы этому рад.

Чтоб ставни, карнизы резные,
Чтоб в Красном углу – образа,
Чтоб деду ладони родные
Закрыли навеки глаза.

***

Когда-то гору называли Поповкой.
Церквушку взорвали. Связавши верёвкой,
Стащили кресты в тот же день с колокольни.
Давно это было... Но, вольно-невольно,
Бывая на месте израненном том,
Себя осеняю поныне крестом.

Чуть выше сирень укрывает стеной
Времён стародавних погост крепостной.
Здесь кость на кости, среди них – мои предки.
Век с веком сплелись, перепутались ветки,
Замшели кресты, и сровнялись могилы.
Здесь память и грусть моей родины милой...

***

Август спелый,
Стреноженный, в яблоках, ветер.
Мне, как птице,
В дорогу отчалить пора.
Ну не надо о прошлом,
Утраченном лете.
Кони рыжие ждут
И храпят у двора.

А вчера промелькнул
Первый клин журавлиный.
Намотало на спицы
Солнце тонкую нить.

Ранний утренник тронул
В садах георгины.
Ветер стал самосад
На болотах курить.

Что ж так рвётся душа
В непроглядную осень?
Где полынь придорожная –
Горечь разлук.
Где надежды судьба
Несозревшие косит,
И не в двери,
А в сердце
Прерывистый стук...

ЛИВЕНЬ

Прохудились насквозь небеса,
Заплутала – ни тропки, ни стёжки.
Отыскал во бору меня сам,
Поманил обогреться в сторожке.

Сладко-томный дурман в голове –
То ли ты ворожишь, то ли леший...
Пара ульев в дремотной траве,
Частокол из горбатых орешин.

На ступенях – котятками мхи,
И поющие горлинкой сени.
Разувешаны, как у Яги,
Чабрецами купальскими стены.

Да осипшая ветхая дверь,
Да молящий без умолку ливень:
«Хочешь – верь ему, хочешь – не верь,
Но рискни быть сегодня счастливой!»

«На беду, – я шепчу, как в бреду, –
Опоил ты меня своим зельем.
Пропаду, коль с тобой упаду,
На туманы лешачьей постели!»

За окошком всесветный Потоп.
Чу! Качнулась Ковчегом избушка
И плывёт вдоль анисовых троп!
И пророчит нам вечность кукушка...

И нет моченьки глаз отвернуть!
И – губами к щеке колючей!..

Ах, как хочется мне полыхнуть
По судьбе твоей (пусть на чуть-чуть!)
Яркой-яркой звездой падучей.

***

Жукают, жукают поздние пчёлки,
Снытью-сурепкою пенят закат.
Лавку придвинув к оконцу светёлки,
Дедушка Мотя дымит самосад.

Ахнет в часах задичало кукушка,
Или (к чему б?) ни с того, ни с сего
Как страданут половицы в избушке!
Может, прижился лешак у него?

Знать, по заслугам! Букетистый кочет
Кур распушил, шуганул на шесток.
А за бакшою на зареве ночи
Знатной краюхи печётся кусок.

Гнусом зундит в полумраке подворье.
 Спичечной вспышкой горят светлячки.
 Неслух Пушок деду Моте на горе
 Гонит по хате без спросу очки.

Бражницы с лёта стучатся в окошко.
 Время, видать, притаить фитилёк.
 Глазки продрав, «фатирант» полуночный,
 Скрипку наладил оглохший сверчок.

– Что же ты, Мотя, вздыхаешь до свету?
 – Господи, милай! Спаси-сохрани!
 Помочи-мочи ни граммочки нету..
 Скоро ль от жисти меня слобонишь?

ВСЁ ПРОЙДЁТ

Всё пройдёт! И этот зимний вечер
 Промелькнёт, как тысяча других,
 Я была так рада нашей встрече,
 Это было счастье, но на миг...

Всё пройдёт! Меня забудешь скоро –
 Так, как многих до меня забыл.
 Говоришь, что взгляд мой очень дорог..
 Скольким ты об этом говорил?

Всё пройдёт! И, встретившись однажды,
 Не узнаешь, как других, меня.
 Я всего лишь буду день вчерашний
 Или даже часть былого дня...

Всё пройдёт! Но вдруг тебе приснится
Через годы праздной суеты:
Снегопад над городом кружится...
Только ты да я...
Лишь я да ты...

ПРОСЁЛКАМИ

Мозолистые, суглинные...
Сплетенье натруженных жил...
Не ими ль в века старинные
За долей прогоркло-полынною
Мой предок-правятнич ходил?

Ему ли у этих обочин,
У пилигримов-раKIT,
Стервятник заглядывал в очи,
Когда на исходе ночи
Лавиною шли степняки?

Какие сказанья-былины
Слагали о том ковыли?
И в вечность какие кручины
Осыпались градом крушинным
В пласты придорожной пыли?

Почти позабыты святыни,
Что прадед для нас сберегал.
Не вспомнить в стремительном «ныне»
Те вольные песни степные,
Что он для потомков слагал.

Ни роду не помним... ни племени...
И путь, что прапрадед торил,
Засеян терновником-семенем,
Потерян в пространстве и времени.
Сыскать – не достанет уж сил!

Поля... Всё поля бурьянные...
Да солнца истёртый калач.
Да всхлипы ветров гортанные.
Молитва ли?.. Предков послание?..
Иль песня славянская-плач?

***

Я не скопила в сундуках богатства,
И бриллианты в сейфах не горят,
Но я владею тридевятым царством –
Найди попробуй, кто, как я, богат!

Я дорожу, как сказочной жар-птицей,
Рябиною у дедова крыльца,
Пшеничным полем, хутором, криницей,
Где через край плеснулись небеса.

А по ночам я звёзды собираю,
На дно колодца сыплю под окном,
И солнце из сарая выпускаю,
И на закате прячу за гумном.

Люблю церковей к вечеру перезвоны,
Нагретый за день у ручья песок
И тополей серебряные кроны,
И утром Гришки-пастуха рожок.

Храню давно несметные богатства:
Пруд с карасями, в диком хмеле дом.
Готова подарить тому полцарства,
Кто сможет уберечь его потом!

МАМЕ

Ласковый ветер в июньском просторе.
Стёжка хлебами спешит.
Хутор заветный. Две груши на взгорье.
Радуга нижегт зенит.

Сеет обочиной лютики лето.
Если пройти через мост,
То сквозь гирлянды берёзовых веток
Выкредят дали погост.

Мама, в оградке твоей земляника
Спеет... Сирени окрест.
Не оттащить, обвила повилика
Прозеленившийся крест.

Где-то кукушка... как ходики, тикает,
С неба глядят образа.
Светлою-светлою, тихою-тихою
Полнятся грустью глаза.

КУПАЛЬЕ

Я бреду в бору,
По колено – хвощ.
Вся душа – в жару
Во Купалью ночь.

Жутко мне одной
Ворожить в глуши –
Хохот, дикий вой
По кустам крушин.

Травы – зелье-яд
Ножки путают,
А во мхах шипят
Гады лютые.
Сквозь орешины,
Через ямины –
В лапы к лешему –
Дочка мамина.

Пни заводят пляс,
Корогодятся.
Здесь в урочный час
Ведьмы носятся.
Вжик, да хруст, да свист,
Да кошачий ор,
Да кикимор писк
У болотных нор.

Вслед косматый зверь:
«Девка! Воротись!»
Я во тьму: «Теперь
Без дружка – не жизнь!»
Сквозь купавенки!
Сквозь терлич-траву!
Цветик аленький
Всё равно сорву!

Кляत्व любых сильней
Папороть-трава,

Сколько веков о ней
Меж людей молва.
Я сыщу цветок,
Кину подле ног,
Чтобы ты, дружок,
Разлюбить не смог!

ЗА РЕКОЙ ОКОЮ

Где-то за Окою –
Палисад с рябинами.
За рекой Окою –
Пыльный след в степи.
Бор глухой – на взгорье,
Сосенки былинные,
Яхонтами рдеют
У дорог репы.

Следом за Окою
Ветрено-кленовая
Кобылица-осень
Ускоряет шаг.
Над рекой Окою
Сброшенной подковою
Месяц покатился
На небесный шлях.

Слышишь: за Окою
С колокольной звонницы
Благовест растаял
В предрассветный час.
За рекой Окою
Мать Богородица
В храме у просёлка
Молится о нас.

***

Золотой касатушкой
Солнце вьётся в сенцах.
Кормит грудью матушка
Первенца-младенца.

Ангельская душенька.
Сердце воском тает.
За порогом грушенька
В цвете утопает.

Скрип да скрип под ладушки
Люля-колыбелька.
«Вот споймает батюшка
Птичку-коростельку!»

День испит до доньшка.
«Баю-бай, лапуля», –
С незакатным солнышком
Мама ночь толкует.

***

Владимиру Молчанову

Земля лугов душистых, росных,
Российских далей глубина.
О, край июньских сенокосов!
И синь прудов... и тишина...

Вишняк за тыном полудикий,
Горой сосновые дрова,
Пучки сушёной костяники,
Иван-да-марья, трын-трава,

Далёкий скрип телеги в поле,
И вновь – анисовый покой.
Здесь всё идёт по Божьей воле,
До неба здесь подать рукой.

Толпой бегут под горку сливы,
И в окна с простенькой резьбой
Крадётся вечер сиротливый,
Дед спорит с кем-то за избой...

Пройдя тернистые дороги,
Босая, по своим грехам
Иду к отцовскому порогу,
К твоим, Россия, берегам.

РОМАНС

Снова грай за окном – дожидаются птицы отлёта.
И листвою укрывает сентябрь города.
Дым осенних костров – слаще самого сладкого мёда.
Терпкий вкус твоих губ не забыть никогда.

Может быть, оттого обхожу стороною вокзалы.
Корабли – не мои, не мои – поезда.
Даже вечности мне, а не лета блеснувшего мало.
Но не встретимся мы никогда... никогда.

Ни к чему мне одной недопетые августом песни.
Как сквозь пальцы вода – дней пустых череда.
Пожалей, не пиши обещаний напрасных, будь честен.
Нам не встретиться снова с тобой никогда.

На душе ни обид, ни упрёков, ни капли укора...
 И – ни крохи надежды! Одна маета...
 С глаз долой – вон из сердца!
 Не вспомнишь ты имени скоро...
 Только я не смогу без тебя никогда.

ЕЩЁ НЕ ВСЁ СКАЗАЛА РУСЬ

Ухабист путь, тернист и долог,
 Но, зная наших, не страшусь.
 Пока пылит ещё просёлоч,
 Ещё не всё сказала Русь.

Пока, как храмы, осиянны
 Берёзы на родном дворе,
 Молюсь на свет их неустанно,
 Как ликам древним в алтаре.

Дождаться б радостных событий,
 Стряхнув проклятье с русских сёл,
 Взрастить хлеба на чернобылье,
 Очистить зёрна от плевёл.

Стоит на росстанях Россия,
 Венец терновый на челе,
 И копит, копит, копит силы,
 Как богатырь, припав к земле.

ЕЛЕНА **МАШУКОВА**

ЗИМНИЙ КОСТЁР

Когда на дровах заискрится
 Живая, текучая медь, –
 Прищуриться и сквозь ресницы
 На острое пламя смотреть.
 На злые, шипящие стрелки
 В оправе вечернего льда:
 На кобальтовой тарелке
 Танцует морская звезда,
 Мелькающий, жадный, быстрый
 Рассержен осиный рой –
 Взметнутся слепящие искры
 В туманность за «чёрной дырой»,
 В седые, горбатые льдины,
 Во тьму, над которой дымы
 Неслышно и неотвратно
 Медведем встают на дыбы.

***

Приметы родины моей:
 уютность сонных деревушек,
 пустые звонницы церквей,
 глаза запавшие старушек.
 За чёрной слякотью дорог
 грачи клюют каракуль пашни,
 и еле видимый парок
 плывёт над ними.
 День вчерашний
 в озёрной глади отражён,
 и долго слышен от колодца
 ведёрно-бабий перезвон,
 и много,
     очень много
                         солнца.

***

Простота не хуже воровства.
Красота не лучше благородства.
Чистота тетрадного листа
И листа кленового сиротство
Совершенней Книги Перемен,
Завершённой круга постоянства.
На берегах небесных Ойкумен
Спят в песчинках эры и пространства.
Выплеснутся, только дайте срок,
Первый крик, и скорбная молитва,
Ложь глупца, и праведная битва,
И живой в лампаде мотылёк.

СВЕТ

А я далеко.
Я уже не здесь.
Ветрами отрезан
От стен и башен,
Зелёными ёлками
Машет лес,
И тихое поле
Бело от ромашек.

Там я, в этом поле,
Бегу конём,
Копытами эхаю
В гулкое небо.
Там я, в этом небе,
Пою огнём,
Чтоб вновь от земли
Подниматься хлебом.

Мне с детства понятен
Язык воды,
Струящейся вверх –
От корней до кроны.
Ты видишь мерцанье
Далёкой звезды?
Я – свет. И живу
По своим законам.

Я есть и пребуду
Во веки веков
Рождённым для воли,
Любви и странствий.
Храни меня здесь,
И тогда далеко
Я силой своею
Наполню пространство.

В ПОЕЗДЕ

Пустые хлопоты.
Случайный интерес.
День слякотный за окнами вагона.
Назад бежит, спешит трёфовый лес,
над ним кружит пиковая ворона.
И провода,
и рельсы,
и ноябрь,
полей заплатки, станций эпизоды,
столбы, бытовки, хатки, огороды
и в воздухе сыром печная гарь...

Временного промежутка
приоткрыта дверь, но жутко
заглянуть в проём.
Катится по коридорам
в мрак заброшенного дома
серый лист фотоальбома,
скомканный огнём.

АМНЕЗИЯ

Профессор рад, что дочитал букварь.
Рассеянный склероз – диагноз века.
Раскачивает в забытьи февраль
фонарь на улице, над вывеской «Аптека».
Скрипящий маятник, светящийся колпак,
кивает, но едва ли понимает,
что освещать ему, когда, зачем и как.
Идёт по улице в китайской куртке Гамлет.
Он потерял часы – который век? –
сбивается в начале монолога:
быть или... пусть, не быть и кануть в снег
замёрзшим у аптечного порога...
Но вспомнит всё и будет долго жить:
Ночь кончится, и он проснётся дома.
Его спасёт случайно Дездемона,
которую забыли задуть.

САХАЛИН

Здесь
и у берега
океан суров:
зимой то торосами,
то метелями пенится.

По-щелячьи скулит
из-за облаков
беззащитная,
хоть и Большая, Медведица.
Над травой придорожной
то грозы, то пыль,
на камнях придорожных
то иней, то звёзды...
Убаюкал небо
белый ковыль,
облака свивая
в летящие гнёзда.

А когда уходит
последний друг
в самую далёкую
из республик,
так легко здесь верится:
вечность – круг,
и, возможно, даже
похожа на бублик,
на колечко, брошенное в ручей,
на тяжёлое колесо обоза,
на поющую сферу
из тысяч лучей,
где встречаются души
и рождаются звёзды.

КАМЕНЬ

Я – камень. Я – валун. Я наг и беззащитен.
Меня секут ветра и изнуряет зной.
Где встретите меня – ответов не ищите,
Но три дороги вам откроются за мной.

Я – точка бытия. Я – окончанье смысла.
 Не помнящий времён, рождённый на Земле,
 Я небеса молю, навеки веки стиснув,
 За каждого из вас, пришедшего ко мне.

Кому – приют, кому –
 Подставка для бутылки,
 Сушилище походного мешка.
 Я – камень! Я – валун,
 Крепление на стыке,
 Лишь пауза в пути.
 Опора для прыжка.

ЗИМНИЕ ОКРАИНЫ

Кристалльно-нордический окрик окраины ранит,
 Под тяжестью инея гнутся, кряхтя, провода,
 И так неожиданны яркие вспышки гераней
 Сквозь мутную толщу оконного тёмного льда.

Лилейные дымы, подобно волшебным растениям,
 Над стылými крышами вьются, творя полусвет,
 А время крадётся по скользким, скрипучим ступеням –
 Колючей позёмке не вытравить угольный след.

Становится зримым, молочно клубится дыханье.
 Старик закурил и глядит из-под белых ресниц.
 И пёс рыжеухий, зевнув, упоённо облаял
 Величье холодное высокомерных столиц.

***

День светлей и серебристей,
Под окном сугроб растёт.
Дворник снег лопатой чистит,
Только снег опять идет,

Крутит в сетке паутиной
Двор, деревья и дома –
Бело-чёрная картина,
Чёрно-белая зима.

Не беда, что стёрло краски
Снегопадом, – о весне
Мне рассказывает сказки
Кот, мурлыкая во сне.

Луч снежком припорошится
И, с ответом не спеша,
Угадает, где кружится
Вольный мотылёк – душа.

***

Жизнь начинается с любви.
Её высокие качели
Летят над сумраком вечерним
В свеченье Спаса-на-крови.
Всё начинается с глотка
Её горящего напитка –
Так век уходит с молотка
За тайну дедовского свитка,
Так непослушная земля
В смятенье из-под ног уходит,

Когда со смертным говорят
Звучаньем грозовых рапсодий
Они, чей вечный маховик
Играет бурных вод теченьем.
Жизнь начинается с любви
И служит ей предназначеньем.

ЛИВЕНЬ

Он распахивал окна,
Ветром рвал занавески,
Он бросался на стёкла.
Колотил по железке,

Он выделявал сальто,
Выворачивал крыши,
И неслись по асфальту
Мокрым комом афиши,

И блестящие ветки
Тяжелея, клонились,
Красным градом ранетки
Через лужи катились...

Прошумел и растаял.
И опять встрепенулись
Воробьиные стаи
Над потоками улиц.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЛЕТА

Поют поля. Весёлым взглядом
Свой первый день встречает лето.
Ещё никем он не разгадан.
Ещё на всех хватает света.

Ещё не выгорели краски,
Ещё не помутнели воды,
Ещё не омрачила сказки
Шальная пляска непогоды.

Ивняк резные свесил плети.
Янтарный шмель качает клевер.
И только облака да ветер
Торопятся домой, на север.

ОДУВАНЧИКИ

Города мегаскелет
Распростёрся за кубом куб,
Но этих цветов свет
Не признаёт клумб.

Этих цветов аромат
Замешен на горьком желтке,
На мареве автострад
И золотом песке.

Вдоль тротуарных лент
Тонут в тёплой пыли
Осколки дерзких комет,
Летние звёзды земли.

ЧЕМ СЕРДЦЕ УСПОКОИТСЯ

Что было?

Полдень. Белый май. Гроза
дыру озоновую в клочья
рвала. Звенела песенка сорочья
Дождей весенних. Свет
и небо в парусах...

Что будет?

Полночь. Ледяной разряд
безмолвия бетонно-серых комнат.
Но это для уныния не повод:
что будет –
наши внуки поглядят.

Чем сердце успокоится?

Мечтой
несбыточной –
мечтою воплощённой,
улыбкой детской,
взглядом восхищённым,
за окнами площадной суетой.

***

Белый камешек с Края Земли
Согласился стать талисманом.
Бьётся сердце его океаном,
А по венам бегут корабли.

Неприметный, у всех на виду,
Он таким переполнен светом,
Что легко морскую звезду
Превращает в звезду-планету.
Он такие дарует сны
И такие напевы помнит,
Что весенним вихрем наполнит
Вдох и выдох каждой струны.
На разломах небесных плит
Он любую беду переспорит.
Ждёт тебя на Краю Земли
Белый камешек с берега моря.

***

Не приемлет толпа возраженья...
Над острогом – танец комет.
Я холодной луны отраженье
Принимаю за солнечный свет.
Я уже не умею плакать
И почти разучилась дышать.
А шагну – буду только падать,
И никто не поможет встать.
Тянут нищие за рубаху
Так, что тонут колена в снегу.
А какая-то серая птаха
Бойко скачет на том берегу...
...От горячего пепла протает
На четыре сажени лёд.
И никто из них не узнает,
Что душа моя не умрёт.

РАЗГОВОР СО ВРЕМЕНЕМ

Время, пока мы вместе,
в этом чужом подъезде
посиди со мной на ступенях,
поговорим.

Видишь, в ложбинке крестик
из потемневшей меди,
а перед ним – на коленях
пилигрим.

В ритме сердечных сжатий
крутится серый винтик –
лестниц пустынно-зябких
серпантин.

В этой бетонной шахте,
как в дьявольском лабиринте,
дверей четыре десятка,
а выход один.

Здесь облупилась краска
зелёная на решётке
перил,

завитком оборвался
поток.

Время, ты тоже в маске.
В проёме лестничном шёлковый
кружится в ритме стансов
твой платок.

По обнажённым венам
лифт прокатился глыбою,
в чреве его целуются
двойники.

На этих холодных стенах,
пропахших дымом и рыбой,
наши с тобой публикуются
дневники.

Лужи уже рекой.
Ловит такси пешеход.
Слушает рыжий кот
синюю вазу.

***

Десять минут до осени...
В кронах – эхо Россини
Плещется жёлто-синим
Пламенем будущей озими,
Полощется под колёсами,
В поле играет колосьями
Ветра горячая сила
За десять минут до осени,
За десять минут до выдоха,
За десять минут до выхода
Из ласкового в ледяное:
Прижали к сердцу – и бросили...
А мы не считаем времени,
Верим в миры параллельные,
Хлопаем пылью дороги,
Вприпрыжку бежим по просеке, –
За десять минут до осени
На Землю спускаются боги.

КРЫЛЬЯ

На снегу, на песке, на доске,
на вуали трёхдневной пыли,
на окошке замёрзшем, в сквер, –
единение полусфер
я тебе нарисую –
крылья –

***

На берегу рассвета
ветрено. Облачных башен
флюгеры-флаги мерцают
в синих оазисах крыш,
порхает в прядях древесных,
шуршит журавлик бумажный,
а трепет трав лукоморных
то серебрист, то рыж.

На берегу заката
пустынно, но не тоскливо.
Можно сложить из листьев
костёр, из веток – шалаш,
из тишины – диадему,
на белом песке залива
пламени быстрой кистью
нарисовать мираж.

АНДРЕЙ **ФРОЛОВ**

ПОЛИВАЛЬЩИК

Картину детства в сердце берегу я:
Володька Рыжий, дворничихин внук,
Схватив за шею радугу тугую,
Над головою чертит полукруг!

Широкий веер радужных осколков
С шипением врезается в газон.
А мы поодаль, хмурые, поскольку
К Володьке подходить нам не резон.

Штанины клёш – такая нынче мода,
Под синяком сверкает хитрый глаз...
Что говорить, он старше на три года –
Почти эпоха разделяет нас!

НА ПОКОСЕ

Отава изросью умыта.
Из лога выплыла заря.
Литовка шикает сердито
На неумеху-косаря.

Срываю потную рубаху –
Не деревенских я корней,
Но я упрям, и с каждым взмахом
Строка прокоса всё ровней.

Здоровье, вроде, не воловье,
А не устал за два часа –
Шепчу старинное присловье:
«Коси, коса, пока роса!»

БАБЬЕ ЛЕТО

Богом посланная милость –
Тёплый. солнечный денёк.
Это лето зацепилось
Паутинкой за пенёк.

Продолжает труд тяжёлый
Забубённая пчела.
Пацаны бегут из школы
На окраину села.

Промелькнут по косогору –
Мимо пасеки, на брод.
А пескарь в такую пору
И на голый крюк берёт!

РЫБАК

С перегреву зарницами бредя,
День июльский отходит ко сну.
Напевая вполголоса, Федя,
Размахнувшись, бросает блесну.

Котелок, закипая, дымится:
Ох, ушица двойная густа!
Рыбы много пока в Моховице.
Федя знает такие места!..

Но не лезьте с расспросами к Феде –
Пропадут понапрасну труды, –
Он не слишком искусен в беседе,
Любит молча сидеть у воды.

Сырость гасит его сигарету.
 Федя, пристально глядя во тьму,
 Караулит бессонную реку..
 Улыбаются звёзды ему.

***

Линялый август..
 Встать до солнца,
 Когда ещё в ознобе сад,
 И пересуды у колодца
 Вчерашние ещё висят;
 Набросив – так, на всякий случай –
 На плечи дедовский бушлат,
 Хрустя антоновкой пахучей,
 Пробраться мимо спящих хат
 За край села, где по-над лугом
 Туман раскинулся ковром;
 Брести в нём, влажном и упругом,
 На колокольчики коров;
 Ступить в дымящуюся реку
 И плыть заре наперерез..
 Каких же нужно человеку,
 Помимо этого, чудес?

***

Надсадно выла автострада,
 Горячим выхлопом дыша, –
 Через шоссе валило стадо
 Размеренно и не спеша.

Тяжеловесны и угрюмы,
 Как будто спали на ходу,
 Коровы медленную думу
 Жевали, точно лебеду.

И снисходительная жалость
К людской извечной суете
В глазах косящих отражалась,
Как в застоявшейся воде.

РОДИНА

Дойдешь до чёрного столба,
Сверни направо:
Твоя здесь скорбная судьба,
Твоя держава.

Твой худо-бедный огород
В тени крапивы,
Тебя заждались у ворот,
Рыдая, ивы.

В лугах не кошена трава
Четыре срока.
А мама?.. Всё ещё жива,
Да одинока.

Ждёт обветшалая изба
Тебя так долго.
Сверни у чёрного столба, –
Нет выше долга.

ВОРОЖЕЯ

Ходили слухи: бабка – ведьма,
Мол, ей и сглазить – плюнуть раз.
Давно пора ей помереть бы,
Да ведьмам слухи – не указ.

Вот и жила неторопливо,
Мирясь со злобой языков,
И взглядом жгучее крапивы
Стегала души земляков.

Скупа на ласковое слово,
Копной волос белым-бела
И подозрительно здорова...
До той поры, как померла.

С кончиной каверзной старухи
Утихомирилась молва...
А на девятый день округе
Хватать не стало волшебства.

СТРОЙКА

Домишко скромный –
стена в кирпич –
полгода строил
старик Кузьмич.
Село ворчало:
не тот, мол, пыл,
у Кузьмича, мол,
не хватит сил,
ровесник века –
не совладать...
Кузьмич кумекал,
где тёс достать.
Залил фундамент
и начал класть
на камень камень,
перекрестясь.

Стропила, кровля –
не на авось.
Забил к Покрову
последний гвоздь.
Приладил двери
и вытер пот:
– Ну, кто не верил?
Глядите – вот...
Присел в сторонке
и вдруг... чихнул.
Как о приёмке
акт подмахнул.

СТОРОЖ

Десять лет колхоза нету,
Сад давно уже ничей.
Сторож ходит до рассвета,
Он привык не спать ночей.

В ширину – шагов сто двадцать,
Двести семьдесят – в длину.
Он не может отвлекаться
На бездельницу луну.

Перекурит за избушкой,
Пристегнув себя к ружью,
И пугает колотушкой
Тень горбатую свою.

ХОЗЯЙКА ЯБЛОНЕВОГО САДА

Много яблок по деревне.
Только знают пацаны,
Что у бабушки Андревны –
Просто диво как вкусны!

И поэтому, наверно,
Успевает только треть
Урожая у Андревны
Окончательно созреть.

Шибко сердится Андревна –
Мол, коту под хвост труды, –
Собирая на варенье
Уцелевшие плоды.

И который год, не знаю,
Всё страшит пацанву:
– Вот ужо, кого споймаю, –
Ухи-т начисто сорву!..

А потом вздыхает глухо
И, беседа со мной,
Говорит:
– Дурна старуха –
Нешто слопать всё одной?

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Висели дома на высоких дымах –
Отчаянно печи чадили в домах,
И в каждой четвертой по счету печи
Румянили к Пасхе бока куличи.

Клубился ванильный над крышами дух,
Творились молитвы устами старух,
И вздох колокольный летел до небес,
И верили люди:
– Спаситель воскрес!..

***

Родина любимей не становится
С добавленьем прожитых годов.
По моей судьбе промчалась конница –
Глубоки отметины подков.
Выбоины тотчас же наполнила
Светлая небесная слеза.
Сердце от рождения запомнило
Родины усталые глаза,
Спрятанную в сумерках околицу
И дымки лохматые над ней...
Родина любимей не становится,
Родина становится нужней.

ВОСПРИЯТИЕ УТРА

Еле светает, а я уже мчусь на работу
и улыбаюсь такому ж, как сам, идиоту,
каждое утро я бодро ему улыбаюсь,
возле облезлой чугунной ограды встречаясь.
Небо сырое висит в ожидании солнца,
кажется, свистни –
и вниз оно тотчас сорвется.
Сплющит в лепешку
своей многотонной громадой
мир,
окруженный ажурной чугунной оградой,

мир,
где людей не собаки кусают, а люди,
мир,
бесприютней которого нет и не будет...
Всё же я рад за себя и того идиота –
есть у нас общее:

есть у нас дом и работа,
краешек неба, где каждое утро восходы,
и обязательный минимум личной свободы.

***

В период коротких закатов
Кусается злее недуг.
Туман под деревьями матов,
А воздух холодный – упруг.

Ночная тревожная птица
Визгливо ругает росу...
И очень легко заблудиться
В себе, как в дремучем лесу.

***

Теперь, как и прежде, зима неизбежна.
Хотя не морозно ещё и не снежно,
Но в сумерках рыжих запуталось время,
Как спички, сгорев, почернели деревья.
А небо готово на землю свалиться,
И первыми это почувяли птицы
И, вскинувшись, высь надо мной раскачали.
И сердце застыло в предзимней печали...

***

Всю-то жизнь мой отец слесарил,
Почитая свой труд за честь.
Под руками его плясали
Все металлы, что в мире есть.
Размечал заготовки, резал,
И паял, и клепал – за грош.
И шутил:
– Я тебе из железа
Чёрта сделаю, если хошь...

А теперь, как его не стало,
Прихожу я с вопросом:
– Бать,
Из какого, скажи, металла
Мне для сердца броню склепать?
Слишком много на нём отметин –
Так болит, что уж мочи нет...

Прошуршал над погостом ветер
И принёс мне отцов ответ:
– Ты, сынок, только с виду умный,
А на деле – совсем дурак.
Тех, кто ходит с плитой чугунной
Вместо сердца, полно и так.
Ты подумай-ка головою:
С железякой в груди ты б смог?
А болит... Знать, оно живое,
И ты этим гордись, сынок...

ПРО СОСЕДКУ

Долго не пишется...
Яблони ветка
Лезет в окошко, тихонько звеня...
Тут вот на днях прицепилась соседка:
«Ты, – говорит, – напиши про меня.
Я ж, погляди-ка, страдаю от веку:
Брошена, дети – сиротки, как есть...»
Как же, ну как объяснить человеку:
Судеб разбитых на свете – не счесть.
Нынче хорошее встретится редко,
Чаще – предательство, злоба, враньё.
Ну а соседка... Да что там соседка!
Я ведь уже написал про неё:
В этом стихе, и вот в этом, и в этом –
Долго верёвочку горькую вью...
Нет. Обзывает хреновым поэтом –
Хочет фамилию видеть свою.

***

Кажется, я не умру никогда...
Речка дымится над вспаханным полем.
Вслед отступающим страхам и болям
Смотрит насмешливо с неба звезда.

Ей говорю: «Не меня сохрани,
Но береги без конца, год за годом
Тех, что с моим невесёлым уходом
Могут пред миром остаться одни...»

Сорванный лист устремлѐн в никуда –
То ли падение, то ли паренье.
Дочка вишнёвое варит варенье...
Кажется, я не умру никогда.

БОБЫЛЬ

Под сочащимся ржавчиной краном
Торопливо стирает бельѐ,
Объявляет войну тараканам
И проигрывает её.

Вечерами вздыхает устало,
Как в период страды тракторист,
И заглатывает сериалы,
Поминутно влюбляясь в актрис.

Поливает щетинистый кактус,
Не надеясь, что тот зацветѐт.
Если спросишь участливо: «Как ты?»,
Угловато плечами пожмѐт.

ЮРОДИВЫЙ

Тих, одинок, печален.
Нечего взять с него.
Смотрит из-под развалин
Разума своего:
Взглядом пронзит тяжѐлым –
И не удержишь слѐз,
Папёрть метет подолом,
Что-то бубнит под нос.

Скорбный, как шорох листьев,
Голос его дрожит.
И от колючих истин
В страхе народ бежит.

НАБАТ

Даже глухие его услышали.
Даже немые вскричали в ответ...
Он разрастался, уже не стихая,
Мощной волною врвался в рассвет!

В небе клубился и падал отвесно,
Людям до крови сжимал кулаки.
Волей своей заострял повсеместно
Вилы, и косы, и просто штыки.

Гулкий,
тревожный,
надрывный,
натужный,
Как предвещание близкой беды...
Даже безрукие взяли оружие.
Даже безногие стали в ряды.

РЕПЕЙ

Под небом пыльным и сухим,
Меж двух сквозных степей,
Живет адептом строгих схим,
Отшельником репей.

От зноя жилист он и чёрн,
Тревожен, как беда.
Корнями в выветренный дёрн
Вцепился навсегда.

Когда тебе у той черты
Случится проходить,
Не пожалей глотка воды
И дай ему попить.

КОММУНАЛКА

1. Утро

Понедельник. Час рассвета.
Коммунальный коридор.
В ожиданье туалета
вяло тлеет разговор.
И вот-вот совсем потухнет,
темнотой углов распят...
Озабоченно на кухне
восемь чайников сипят.
Завтрак. Судорожный выход –
кто к станку, кто на базар.
Дверь жильцов листает лихо,
как услужливый швейцар.

2. Морской волк

Дядя Коля списан с теплохода –
потому в запое третий год,
и его мятежная природа
продыху соседям не даёт:

то швырнёт их в пасть водоворота,
то волной накроет штормовой...
Зря, конечно, изгнан из морфлота
бывший первоклассный рулевой.
Вот и сам он: в латаном бушлате,
испитой и выпитый до дна,
маетно распластан по кровати,
будто вахта трудная сдана...
Но, вниманье: цокают стаканы –
дядя Коля снова «у руля»...
Стойкие к волнениям тараканы
драпают, как крысы с корабля.

3. Зина

У Зины насуплены брови,
житейская складка меж них;
у Зины хромает здоровье,
а тут ещё бросил жених.
И что ему, глупому, надо?
Да, впрочем, и парень-то – так...
Устав от такого расклада,
она попивает коньяк.
Стучится под вечер к соседу,
пытается выдать смех
и... с треском ломает беседу,
озлобившись:
– А чтоб вас всех!...

4. Вечер

К ночи тягостней промахи власти,
откровенней мольбы стариков –

и коммуна дробится на части
перещёлком надёжных замков.
Гулко кашляет, пьёт валерьянку,
раздражаясь нахальством луны;
убеждает себя: спозаранку –
на работу во благо страны.
А когда перед самым рассветом
беспокойным забудется сном,
беспардонным охрипшим дуэтом
прогнусавят будильник отпетый
и дежурный петух за окном...

ПОСОХ

В зоревых, тяжёлых росах,
В стылой сумеречной мгле
По земле блуждает посох,
Дыры делая в земле.
Сеет смуту и раздоры,
И судачат старики:
– Бродит в поисках опоры,
Твёрдой, праведной руки...

ВИДЕНИЕ

В котомке квас да мятный пряник,
Большою думой светел лик –
В моей Отчизне каждый странник
В своем убожестве велик.

Пряма, как лезвие, дорога.
Бела, как помыслы, луна.
Спокойно спит моя страна,
В своем величии убога.

Со старины привычна к боли,
К обилью жертвенных кровей...
Обрывки снов пасутся в поле,
Их караулит соловей.

СВЕТЛАНА **ГОЛУБЕВА**

НОСТАЛЬГИЯ

Я растерялась, словно ветер
Меня на атомы раздул,
Разнёс на сто дорожных петель,
Оставил от меня лишь гул.

Теперь в морях быльня степного
Я – дальний бесприютный вой.
А где мне взять тепла родного,
А где мне снова стать собой?

Когда закончатся порывы
По всей земле, во все края,
На берег опущусь счастливый –
То будет родина моя,

Где мне сложиться воедино,
Где поднимать своих детей;
Там жить – судьба, а не судьбина,
Там ветер – лишь слуга вестей.

САВЕНКОВО

Какая, однако, стоит тишина.
Она будто в сговоре с дымкой приречной.
Серёга с двустволкой, с котомкой заплечной
Понуро бредёт, не убив кабана.

Кабан поплатился недолгим испугом
И ладно, пускай себе дальше живёт.
В заречном леске над задумчивым лугом
Влюблённая птица зазнобу зовёт.

А я, человек для деревни бездельный,
На сочное дня угасанье гляжу,
И с ним растворяюсь в тиши беспредельной,
И отсветом бледным над лесом скольжу.

***

Услышу Господа не в храме
Среди жужжания голосов.
Я, может быть, поеду к маме
Послушать древний шум лесов.

Там на стволах – опорах небу –
Закатный присмолился луч,
Как мёд, растёкшийся по хлебу,
Горяч, и терпок, и пахуч.

Шум сосен – выдох облегченья,
Нашёптывание молитв,
Издравле данных в утешенье
Держащим неба монолит.

9 МАЯ

Какая тишь! И так необорима
В рассветной неге дремлющая жизнь,
Как будто все снаряды были мимо,
Все мины до одной не взорвались,

И генералы живы, и солдаты,
Все дети родились у матерей,
А если здесь и слышались раскаты,
То разве гроз, примчавшихся с морей.

Зарёй румянясь, в лепестках лежала,
 Дыша малейшей гранулкой земной,
 Такая жизнь, как будто не пропало
 Из завершённых судеб ни одной.

БАБУШКА

Костисты, помню, её запястья
 И вены – синие провода...
 Господь был скуп на земное счастье,
 Зато был щедрым на соль труда...

Косарь старушка была отменный,
 В деревне мало кто так же мог.
 Надев на платье жилет толстенный,
 Она обкашивала ложок.

Рядками набок ложились травы, –
 Тянулся ровный медвяный след;
 Работа с видимостью забавы
 Далась надсадой прожитых лет.

Поодаль я на траве сидела,
 В живой, стрекочущей тишине
 Коса на взмахе чуть-чуть звенела –
 Так почему-то казалось мне.

В ЗАБРОШЕННОЙ ДЕРЕВНЕ

Забытый край, осиротевший дом.
Здесь было всё, что мне вдохнуло душу:
Букеты льна, который рвёшь с трудом,
И лес, в котором сызмальства не трушу,

Валок недавно скошенной травы,
Окутанный прощальным ароматом,
Осенний сад, уставший от листвы,
И жёлтый плёс за ближним перекатом.

Здесь ржали кони, грузовик пыхтел,
Был слышен зычный покрик бригадирши, –
Крапива лишь теперь да чистотел
Глядят из срубов, уронивших крыши.

И тихо всё. И сгорбились дома,
Из тына накрест вывалились жерди.
Один лишь сад замшелый вдоль холма,
Весь в поросли, не нужный даже смерти.

Скрипят тоскливо ветви ли, душа ль,
Вдоль улиц ветер смерчком пылится.
Вернуть бы всё. На то себя не жаль.
Вернуть бы всё – и в этом раствориться.

НА РОДИНЕ

Средь холмов, где притихли озёра
В просмолённой сосновой тайге,
Хорошо бы в вечернюю пору
Прогуляться вдвоём налегке,

Любоваться, как в солнце закатном
Раскалилась сосновая медь;
На шершавом стволе красноватом
Так и хочется руки согреть.

Вон курится туман по озёрам,
Поклоняясь вечерней звезде;
Мы с тобой побежим косогором
Искупаться в туманной воде.

До чего же пугливые ночи:
Только смерклось – и тут же рассвет!
Видно, солнце отсюда не хочет
Уходить на другой континент...

Мы вернёмся на зорьке, вдыхая
Быстротечный прохладный покой.
Безмятежные радости рая
Здесь повсюду у нас под рукой.

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

В моём окне такие виды
Морозной утренней поры:
Пушистых ёлок пирамиды
И лип хрустальные шары.

Блещат засахаренно крыши,
Сосулек стыннут леденцы;
Висят во всех оконных нишах
Узорных шалей образцы.

В пуху кусты, забор, деревья,
Дернинки жухлого белья.
Плывёт в снегах корабль-деревня
С флажками мёрзлого белья.

***

Вода не была голубой.
Оливковой – в озере в чаще лесной,
Похожем на листик ракушки весной;
Асфальтовой – в тихом, заросшем пруду,
Забывшем давно про свою красоту;
Был на море ртутным тяжёлый прибор –
Вода не была голубой!

Сиял Иссик-Куль бирюзовым кольцом;
Катунь в рукава изливалась свинцом;
Струилась Многа серебром меж камней,
Медовой отмель казалась на ней,
И омут чернел под отвесной скалой –
Вода никогда не была голубой!

ИЗ ЦИКЛА «КЛЕНОВЫЙ ПУРПУР»

1

Смотрю в окно, и осень там такая,
Как будто мал ей целый год земной,
И сердцу очарованного Кая
Не стать однажды глыбкой ледяной.

Сорить теплом и золотом – наивно,
Куда глупее это всё беречь.
Летит листва прощально, грустно, дивно,
Как письма с юга, шаль с поникших плеч.

Кленовый пурпур – предостереженьё.
 Понять бы нам, безумным, от чего.
 Но мир несётся в суетном круженьё,
 И вряд ли докричишься до него.

2

Мотовка осень мне отрадна всякой
 На каждой из ступеней увяданья:
 Сентябрьской расточительной гулякой,
 Мятёжницей, отвергшей подаянья, –

Игуменьей, сурово непреклонной,
 Параличом разбитой на восходе;
 Она не мчится в бездну по наклонной –
 Но к одинокой гибели восходит.

3

Хмур ноябрь, словно милую бросил.
 В неприкаянном чуждом краю
 Не люблю тебя, поздняя осень,
 Не сочувствую, не узнаю.

Лишь на родине, в мге непогоды,
 Растворяющей солнечный диск,
 Я пойму обнищавшей природы
 Безутешный псаломный язык,

Дам сквозь душу сочиться туману,
 Не закроюсь от ветра и тьмы
 И сама поздней осенью стану
 И окрест растворюсь до зимы.

4

Да, осень...

Бог с вами! Не худшее зло.
Кому-то и больше в году не везло:
То спать не давал подгулявший сосед,
То мужа, то денег, то совести нет.

Ах, осень! До боли простая пора.
Ты истина, осень, а лето – игра,
Щедра на посулы пустышка-весна,
Зима хороша, да и та... холодна.

Что ж, осень: колючий, занозливый дождь,
И если боишься – гулять не пойдёшь,
Не сыщешь поэзии в серости дня
И в парке туманном не встретишь меня.

5

Ноябрь. Время обнажённых истин.
Как честен мир, освобождаясь от листьев!
Рассвет на ощупь осветил квартиры.
Небесный свод, мутнее улиц сирых,
Всею мощью навалился к нам на крыши.
Такое небо мне родней и ближе,
Понятнее, быть может, милосердней,
Чем в пору синевы его весенней.
Вре́мён и эр свидетель неизменный –
Ему ль не знать наш мир несовершенный;
Отец туманных зорь и неуют –
Ему ль не знать моей душевной смуты.

ИЗ ЦИКЛА «ЧЁРНАЯ ВУАЛЬ»

Отсюда мне видны коробки
Многоэтажек городских,
От них по полю стёжки-тропки
Сюда, к исходу дел мирских.

Один мудрец сказал когда-то:
Прожить – не поле перейти,
Но вот тропа, тимьян и мята,
И вот он, крест в конце пути.

Град Жизни против града Смерти,
Меж ними – рябь дневной жары,
Как будто отразились в Лете
Взаимочуждые миры.

ИЗ ЦИКЛА «НОЧЬ В ПЛЕНУ У ПОЭТА»

1

Безлунна полночь. Звуки редки.
С наружной стороны стекла
Блестит меж штор ночная мгла,
Как взор разлучницы-соседки,

Мужчину сведшей, что коня
С благополучного подворья, –
Ей были б сладки слёзы горя,
Она их ищет у меня,

Злорадство жаждет напитать,
Да только нечем поживиться,
Но, как зимующая птица,
Она готова крошек ждать.

2

Ветры метались калёные, будто из стали,
Видно, луну, непутёвую девку, искали.
В ключья порвали её бархатистые юбки
(Хватит отныне плясать ей, бедовой голубке).

Тщетно ревнивцы носились, сверкая серпами,
Тщетно от них закрывались деревья ветвями,
Нет здесь беглянки, за юбкой она не вернётся:
Бёдра нагие ей шёлком укутает солнце.

3

Загустев от отсветов и отблесков,
Растворила ночь коробки зданий,
И столбцы окошек-иероглифов
Светят неким сокровенным знанием.

И бледнеют звёзд лучи холодные
В по-житейски приземлённом свете.
Видно, звёзды – дырки небосводные –
За земное счастье не в ответе.

ВОЛЧЬЯ МУЗА

(цикл стихотворений)

1

Изменчив облик твой во мгле,
В движенье вечною дорогою.
Я каждый вечер на стекле
Тебя легко ладонью трогаю

И в свете, взятом напрокат,
Я вижу некую таинственность:
Тебе идёт чужой наряд,
Тебе идёт твоя неискренность.

То равнодушна и бледна,
То в душу смотришь, как провидица,
Богиня лживая, Луна,
Поэтов и глупцов любимица.

2

Луна серебряной лузгой
На море чёрное сорит,
Холёной девичьей тоской
Лицо унылое горит –

Портрет мещанки молодой,
Лениво в бдении ночном
Смахнувшей полною рукой
Скорлупки в кустик под окном.

3

Стыдно яркая, полновесная
(Разве можно в ненастье так?),
О, насмешница бессловесная,
Муза бардов, волков, собак.
Поручительница бессонницы,
Символ вечной любовной лжи,
Она платье украла у солнца,
Как служанка у госпожи!

ЕЛЕНА **КОВАЛЁВА**

НА ФОТОКОМПОЗИЦИЮ ГЕННАДИЯ БЛОХИНА

Забытый двор – должно быть, Петроградка –
Я узнаю сухие тополя...
Антенна, точно мачта корабля,
Возносится над бездной беспорядка,
И провода натянуты, как тросы.
Лишь паруса куда-то унесло,
И водостока старое весло
Надломлено и прилепилось косо.
Фрегата трехэтажного осанка
Еще горда, и окна высоки,
Но осенью исполнена тоски
Модерна разоренная изнанка...

***

Кроткий Орлик. Целуют ивы
Отраженья свои в воде,
Безответна, тиха, пуглива
Гладь студенной реки. Нигде
Беззащитнее нет природы,
Полон скорби небесный свод,
Словно нашей земли невзгоды
Видит в зеркале тихих вод.

ОБЛАКО

А. Е.

Поймать живое облако
Трудней, чем журавля.
Притягивает обликом
Небесным издаля...
Но сетью не возьмешь его,
Приманку не берет –
Ржаного хлеба крошево
Не ест, воды не пьет.
Не спустится, чтоб бок его
Погладить мог любой,
Прекрасное, далекое,
Лишь в памяти с тобой...

КОТЛАС

Где-то на Севере небо белей молока,
Киснет дорога, и свет отражается в лужах,
И отчего-то на сердце такая тоска –
Сладко-тягучая и ледяная, как стужа.
Только со временем – веришь ли? – тянет опять
Взять и приехать в забытый неласковый город,
Чтобы смотреть на дорогу, на тучи и ждать
Бледной весны, что сюда доберется не скоро,
Чтобы почувствовать, как драгоценен приход
Нежно-прозрачного неощутимого лета,
Чтоб наблюдать серебристый ночной небосвод
Где-то на самом краю голубино-го света.

***

Сумерки медлительны в апреле –
Неохотно стыннут краски дня,
И на небе виден еле-еле
Хрупкий ломтик бледного огня.
Следуя за нами по аллеям,
Прячется в узорных кронах лип,
Только все заметней и светлее
Край его в темнеющей дали.
В мареве закатном гаснут звуки,
Улицы укрылись тишиной.
Месяц нас от встречи до разлуки
Провожает. Знаю, под луной
Все отходит в сумрачное «было».
Но и тьма уйдет... Увидишь днем –
С жаркой силой древнее светило
Разгорится радостным огнем.

ЭЛИЗИУМ

В мае живешь, в октябре только пишется –
Грустью рождается слово.
В шуме листвы опадающей слышится
Тихая песня иного
Края. Туда отправляются стаями
Тени ушедшего лета.
Видишь, и наши с тобою растаяли
Где-то вдали силуэты.
Там за рекою небесно-зеленою,
Вьющейся неторопливо,

Образы памяти вечно влюбленные
 Бродят в забвенье счастливом –
 Между стволов, погрузившись в молчание,
 В ласку полдневного света,
 Слушают голос листвы и журчание
 Незатихающей Леты.

***

А. Павлову

Детство как снег – прохлада и чистота.
 Сладко бывало варезку снять зубами...
 Помнишь, лежали, болтали с тобою там
 Где-то на крыше, и звездная сень над нами
 Вся развернулась... Помнишь, тогда на нас
 Недра галактик смотрели из дальних далей
 Всеми своими сотнями тысяч глаз.
 Помнишь, и мы смотрели на них: считали,
 Перебирали, как бисерины в горсти, –
 Взглядом забраться можно созвездий выше.
 Небо – большое дерево – потрясти,
 И упадут звезды на нашу крышу.
 Видишь, уже нападали и горят
 Под фонарем бесценные самоцветы –
 Нежные звезды давнего января.
 Детство мое – растаявшая планета...

РЫБИНСК. СТАРЫЙ ОСОБНЯК

Печальные уездные палаццо –
Осевший цоколь, полинявший цвет,
Потеки, щели..., скоро сотня лет
Забвенья – остается удивляться,
Что свет горит и чья-то жизнь чужая
Мерцает. Притягательно тепло
Зеленой лампы – взглядом провожаю
Неясное движенье за стеклом.
Все кажется, что там, в уютной зале,
Ушедший мир, за шторой таясь,
Еще живет – и прошлый век в начале
Пути, и кровь еще не пролилась.

МОСКВА

Пусть ноги в опорках, в заплатках рубаха,
Истерлись до дыр рукава,
Но голову нашу, как дар Мономаха,
Венчает царица-Москва.
Ты скажешь, венец-то утратил сиянье,
Каменья попадали с мест,
И все же взглядишь – на любом расстоянье
Горит предначертанный крест
Не златом червонным, не жарким рубином,
Не лампою в сотни свечей,
Но кротким терпением, но жертвой невинной,
Но силою тихих речей.

И сколько бы ей ни кричали – блудница!
Из жерла распахнутых врат,
За стенами черными падшей столицы
Стоит белокаменный град.
За ревом и лязгом, за звоном тоскливым
Пустых металлических дней
Осенней порою звучат переливы
Со звонниц сожженных церквей.

АНАСТАСИЯ **БОЙЦОВА**

ПОДРАЖАНИЕ КИПЛИНГУ

Когда вы сыты видом красот
В забытой Богом дыре;
Когда у вас прислуга на всё
И восемь поводырей;

Когда вы вспомните счет секунд
От сотни до восьмисот;
Когда вас ветер на всем скаку
С коня и седла снесёт;

Когда от взгляда вскипит смола,
От вздоха порвется ткань;
Когда терпение – пополам
От первого же глотка;

Когда вас звуки бьют по мозгам
И строки по горлу бьют;
Когда вам тесен стал Зурбаган
И слишком скучен Гель-Гью;

Когда весь мир, едва протрезвев,
Подставит уши молве;
Когда с цепи срывается зверь,
Которому имя – Век;

Когда ни шеф и ни мать с отцом
Уже не подскажут – как;
Когда у лошади вдруг – лицо
И морда – у седока;

Когда по дну царапает киль,
В замок не лезут ключи;
Когда вы правой от левой руки
Не можете отличить;

Когда вам совесть жмёт, как корсет,
А компас бешено врёт, –
Тогда... пошлите к дьяволу всех.
Блокнот в кармане? – Вперед!

***

Под небом Господнего гнева, под небом чугунным,
Под небом неверным, неистовым, словно вода,
Скажи мне, любовь моя, кто целовал эти губы,
Те самые губы, что мне не познать никогда?

Под небом рассвета, под небом застенчиво-млечным,
Когда распускает истома свои невода,
Скажи мне, любовь моя, кто обнимал эти плечи,
Те самые плечи, что мне не обнять никогда?

Под небом, заснеженным сказками ветра-скитальца,
Под небом веселым, из самого синего льда,
Скажи мне, любовь моя, кто согривал эти пальцы,
Те самые пальцы, что мне не сжимать никогда?

Под небом невинным, расшитым алмазами ночи,
Под небом безжалостным, небом без тени стыда,
Скажи мне, любовь моя, кто заглянул в эти очи,
Те самые, что на меня не глядят никогда?

Под небом палящим, под небом, пощады не ждущим,
Под небом беспечным, сверкающим, словно слюда,
Скажи мне, любовь моя, кто покори́л эту душу,
Ту самую душу, что мне не поймать никогда?

Под небом проклятым, под небом, пропитанным серой,
 Под небом, пунцовым от самой бессонной зари,
 Скажи мне, любовь моя, кто получил это сердце?
 Скажи мне, любовь моя...
 Жизнь моя, не говори.

***

Благодарю Тебя за все мое богатство:
 За руки и за слух, за упоенье глаз;
 За яркость красоты, которая угасла,
 За яркую судьбу, что так и не сбылась.

Благодарю Тебя за вкус воды и хлеба,
 За запахи земли, за звонкость мостовых;
 Благодарю Тебя за каждого, кто не был
 Моим, но мог им быть; за шорох той травы,

Которую скосить рука моя не властна,
 Но властна все же знать ее упругий вкус;
 За вкус горячих губ – и за незнание ласки;
 За все, что не манит; за все, к чему влекусь;

Благодарю за свет, за звук, за осязание,
 За голос и гортань – за чудо из чудес;
 За влагу и за соль, что мы зовем слезами;
 За сон – последний дар, который знаем здесь;

За похоть и любовь – единственные звенья,
 Способные связать несвязанную нить;
 За голод и еду; за память и забвенье;
 За дар молчания и прелесть болтовни;

Благодарю за речь – за трепетный, нервозный
Ток этого моста – от нищего к царю!
Благодарю за свет. Благодарю за воздух.
И все-таки за смерть – стократ благодарю.

ПЕСНИ МЕДЖНУНА

***

Оттого я безумен, что мать меня родила;
Что недвижна земля; что днем молчат соловьи;
Оттого я безумен, что имя тебе – Лейла;
Оттого я безумен, что эти глаза – твои.

Оттого я дик, как шакал, и худ, как скелет,
Оттого слова мои – пламя, а стоны – дым,
Что из тысячи тысяч ступающих по земле
Нет ноги, что могла бы оставить твои следы.

Оттого-то, как только прохладой пахнет в окно,
Я безумен. Я вижу тебя. Я с тобой вдвоем.
Что мне проку хвалить твои очи и губы, Ночь?
Кто сгорел, тот не хвалит ожоги в сердце своем.

***

За пуды серебра покупают жен,
Словно море, текут по степи стада, –
У меня только нож, да и тот чужой,
Только сердце, да разве ж его продашь?

Две сумы я надел, да и те пусты,
Три страны я прошел – на тебя взглянуть.
Что пуды серебра для такой, как ты?
Все равно, что за грош торговать луну.

Где возьму я парчи тебе для шатра?
 Из каких самоцветов построю дом?
 У меня только нож, да и тот украл;
 Только краденый нож да своя ладонь.

Но из тех, кто рабом для тебя служил,
 Никому не гордиться ни перед кем:
 Разве что-нибудь, кроме крови из жил, –
 Это плата за ночь на твоей руке?

Нет вина у меня – напоить гостей;
 Нет ума у меня – уж не первый год...
 Только нож у меня – рассчитаться с тем,
 Кто под свадебный кров тебя поведет.

***

Я – на руке у тебя перстень с печатью, девушка:
 Мною запечатано слово твое любое.
 Я – у тебя под ногою камень брусчатый, девушка:
 Каждый твой шаг отзывается в сердце болью.

Я – непривязанный пес, и если луна – ты,
 Плач мой несется к тебе на дороге горной.
 Я – у тебя под фатою цветок граната:
 Запах волос твоих перехватил мне горло.

Я – бесноватый, юродивый, грош цена мне,
 Брошенный камень, волны разнесенный рокот.
 Я – под перстами истерзанных струн стенанье,
 Пададь, присохшая взглядом к твоим воротам.

Имя мое для тебя – плод недоспелый, любовь моя,
 Сорванный лист на ветру меж летящих сонмищ.
 Имя мое для тебя – песнь без припева, любовь моя:
 Даже и в сонном бреду ты его не вспомнишь.

Что же во мне, как огонь в пустоте ночи,
Победоносное имя твое звучит?

***

Передайте той, белогрудой, –
Пусть наденет синее платье.
Видеть в синем ее – проклятье,
Я смотреть на нее не буду,
Убегу, уеду, забуду...
Сотвори, о Господь мой, чудо:
Обесцветь проклятое платье,
Перекрась синий цвет повсюду..

НААПЕТ КУЧАК

Клином солнце тянется от дверей,
Под окном премудрствуют сизари...
Я хотел бы певчим быть при дворе,
Чтобы синее платье тебе подарить.

Чтобы стали блеклыми пред тобой
Свод небес и моря лазурный вал,
Я пошел бы горше, чем на разбой, –
Для воров бы на площади танцевал.

Я бы отдал золота сто возов,
Сам за это бы нищим в тюрьме зачах,
Чтобы самый синий в мире узор
Заиграл бы парчой на твоих плечах.

Я запродал бы ключья своей души,
 Чтоб оно предстало моим глазам;
 Я сапфирами дал бы его расшить –
 Пусть рабыням достанется бирюза!

Но бессильны руки мои, и не
 У кого просить: нищета и сор.
 А в чертоги сильных в любой стране
 Не пускают петь ободранных псов.

Никогда бы ты не стала носить,
 Не взяла бы подарка из этих рук...
 И во сне мне снится смертная синь,
 Застилая зной на сером ветру.

***

В кабаке густеет пьяный дым,
 В кабаке пирует всякий сброд...
 Нынче пью с бродягою одним,
 Что сидел на камне у ворот.

И на пальцы, скрюченные вдрожь,
 Ты ему, из дома выходя,
 Уронила в пыль блестящий грош –
 Каплю золотистого дождя.

До кончины дней его тугих
 Он теперь от стужи защищен:
 Отдал башмаки ему с ноги,
 Обменялся платьем и плащом;

Отдал все. И нет тому причин,
Чтобы нам не пьянствовать вдвоем:
Место у ворот теперь мое –
Я его навеки получил.

Кто тебя не видел – не постиг,
Что таится в слове «навсегда».
Мне теперь отсюда не сойти
Даже в час последнего суда.

И ни часовому на посту,
И ни башне в каменном тыну...
Я корнями в камне прорасту,
Ветви над оградой протяну,

Уподоблюсь терну и плющу,
Стану тамариском и травой...
Я корнями сердце проращу
Посреди бульжной мостовой.

Чтобы не сумела миновать
Ни в одной из троп твоих земных –
Для того я выкупил права
На свое владенье у стены.

В кабаке бессумрачные дни,
В кабаке щербатая луна...
Нынче пью с бродягою одним,
Пью и упиваюсь без вина.

Всю неделю ни куска во рту
Не держать почти наверняка –
Все монеты отдал я за ту,
Что дала ему твоя рука.

***

Пятьдесят у тебя рабов, клейменные лбы.
 Пятьдесят у тебя рабов и сорок рабынь;
 Затеряться бы в этом стаде, став посреди...
 Пятьдесят рабов. Со мной – пятьдесят один.

Пятьдесят женихов (был бы с ними, если бы мог).
 Пятьдесят теней, обступившие твой порог,
 Пятьдесят трофеев к чести отцовских седин...
 Пятьдесят влюбленных. Со мной – пятьдесят один.

Пятьдесят ночей не могу осилить тоску.
 В полусотый раз мне снится, как по песку
 Увлекают за трупом трупы с ножом в груди...
 Пятьдесят убитых. Со мной – пятьдесят один.

***

Ты замкнул небеса для меня, Творец!
 Просверлил глаза мне Твой окоем!
 Я бы стал святым на своей горе,
 Если б я любил Тебя, как Ее.

Убери с души мне каменный груз –
 Я, как птица, взлечу к Тебе в вышину!
 Вместо этого ниже и ниже гнусь,
 Ни рукой, ни ногою не шевельну.

Ни движенья, ни сил у меня в груди –
 Только эта проклятая там, внутри...
 Отвори небеса Твои, Господин,
 Забери навсегда меня... забери...

***

Руки высохли. Рот и глаза затянуло льдом.
Даже имя утратил – не помню, когда и где.
Только пепел остался от места, где был мой дом.
Как живой среди мертвых. Как мертвый в мире людей.

Что за тени вокруг разевают немые рты?
Не могу я думать о них, если снилась ты.

Кандалами клубится дороги призрачный шелк.
Я зажал себе уши, пытался закрыть глаза –
Я ушел от тебя, я ушел от тебя, ушел!..
Каждый стон в изможденных суставах тянет назад.

Кто сказал мне о Боге? – Ступайте в свой монастырь!
Не могу я думать о Нем, если снилась ты.

Для чего ты убила меня? Для чего я жив?
Для чего я иду? Для чего обречен дышать?
Это просто во сне я скитаюсь в мире чужих,
Это просто ступни обжигает мне каждый шаг,

Это просто горячка во лбу не хочет остыть...
Как могу я думать о ней, если снилась ты?

Отнялись и глаза, и язык, и на шраме шрам,
А на месте дома – лишь пепел кружат ветра;
Ничего впереди и глумливый смех за спиной...
А куда я иду, не знаю. Мне все равно.

Что за смерть меня встретит в дороге? – Мысли пусты.
Как могу я думать о ней, если снилась ты?..

МЕДЕЯ

1

Время, что в скитаньях несло потоками,
Засочилось каплями в этот час.
(У Медеи пальцы такие тонкие,
Кажется, дотронься – и зазвучат...)

Словно кладенец, облеченный ножами,
Молчалив и скрытен отец-старик.
(У Медеи волосы так уложены –
Раковина в море не повторит...)

Если через год отвечать потребуют,
С нетерпеньем в сердце, с огнем в крови:
Были вы в гостях у Ээта? – Не были, –
Скажешь ты, душою не покривив.

Не носил вас по морю ветер-труженик,
Белый вал не взметывал на лету...
(У Медеи пальцы как будто кружево
В воздухе безмолвствующем плетут.)

Что руно – овечье ли, золотое ли –
Перед сетью воронова крыла?
Это значит, жизнь ничего не стоила
Или даже попросту не была.

Так по приключениям и пропала бы,
Ничего на память не улучив...
У Медеи профиль такой опаловый,
Что насквозь просвечивают лучи.

И стоят с тобою толпой апостолов
Первые бродяги твоих земель –
Все-то им не по сердцу, все не попросту,
Даже подступиться поди сумей.

Кто ты перед нею? Дикарь без племени,
Даже слов не имущий – объяснить...
И стоишь как каменный, как приклеенный
Пред стеной молчания – и ресниц.

Словно, наклонясь над своими зельями,
Призраком колышется и течет
Красота невнятная, чужеземная,
Странно раздражающая зрачок.

Море между вас – или просто тридевять
Поколений крови, как соль, густых?
Как же ты готов уже ненавидеть их,
Эти искусительные персты...

2

Хуже поединка, страшней экзамена,
Вчуже не представить твоё смятение:
«Увези меня, чужеземец, за море», –
Из надменных уст – как веслом по темени.

Поглядеть на собственный ворот латаный
Или на затейливые виски ее...
Уж не издевается ли, проклятая?
Только что ведь глаз на тебя не вскинула!

И какой ты ей, недотроге, суженый,
Чтоб тебя допрашивать: «Украдешь меня?»
Ай, не по карману тебе жемчужина!
Быть того не может, чтоб так задешево.

И перед дружиной в холстах некрашенных,
 Перед далью пройденной, кровью пролитой:
 «А не побоишься ли?» – смеет спрашивать;
 Это у Ясона-то, у героя-то!

А она, зрачком чародейным, дышащим
 На единый миг опалив лицо тебе:
 Удержать кормило, мол, – полбеды еще;
 Слово удержать – потруднее всотеро!

А она, ресницы длиннее невода
 Пологом склонив над очами-чашами:
 Мол, мечом владеть – не большая невидаль;
 Властвовать собою – судьба редчайшая!

Тысячи ли царств или горы вешние
 Между небесами ее – и вашими?
 Да какое право у этой бешеной
 Спрашивать такое?.. Такое спрашивать...

Да бери в свидетели хоть Ахайю всю –
 Ни один не скажет, что славой сыты вы!
 Ладно, увезешь. Пусть потом не кается.
 Будет знать, надменная, как испытывать.

Годы миновали, как ночи зимние,
 А перед глазами стоят глаза ее.
 До сих пор мерещится: «Увези меня.
 Увези меня, чужеземец, за море...»

МОЙ КАПИТАН

Посвящается Э.С. Менделевичу

*Куда собрался, капитан,
Куда ты, брат, собрался?*

Ю. Ким

Наша везде пропадала. Но где бы она ни пропала бы,
Как бы безумный ветер жизни нас ни крутил,
Дай нам, Господь, капитанов, что не покинут палубу
И не позволят сбить себя с истинного пути!

Тот, кто всегда один – но за каждого против тысячи,
Выброшенного на палубу волей житейских вод;
Кто бы ни звал такого на помощь – помощь отыщется,
Хоть все Армады мира будут против него!

Тот, к кому приползаешь разбитый, усталый, раненый,
Чтобы опять, воскреснув, плыть навстречу заре;
Тот, кто – лишь попроси – назовет тебе звезды на небе
И расскажет предания ста двадцати морей.

И для любых свершений в сердце достанет дерзости,
И, как скала, – справедливость среди кипения вод...
Может, на трех китах, действительно, мир и держится;
Ну, если так, выходит – мы видели одного.

Наша везде пропадала. И где бы она ни пропала бы,
В старой знакомой луже или в краях чужих,
Дай нам, Господь, капитанов, что не покинут палубу,
И... сохрани нас, Бог, однажды их пережить.

Так вот оно бывает. Шторм снастей не выламывал,
Ветер из парусины мокрых не рвал полос...
Сердце – то, что вмещало всех утопавших на море,
Что, по словам врача, на кусочки разорвалось.

Но, направляя судно в житейскую несусветицу,
Правя к пиратским отмелям или к иным местам,
Я почему-то знаю, что мы когда-нибудь встретимся.
Ваш караван в дороге. Ждите, мой Капитан!

АЛЕКСЕЙ ШОРОХОВ

***

Д. Ильичеву

Каждый день – как по краешку бездны.
Год за годом – вперёд и вперёд.
Будто кто-то прямой и железный
Там, внутри, в напряженье живёт;

Будто тянет протяжно и глухо,
Как открытая ветру струна,
Эту песню, что слышу вполуха,
Что кому-то на свете нужна.

Каждый день выхожу я из дому,
Будто с поезда ночью – в пургу,
И боюсь, что родных и знакомых
Сквозь метель разглядеть не смогу!

Все теряется в вихренном танце
Загустевших, как соты, минут:
Сотни лиц, переулков и станций,
Где нас, может, добром помянут.

Только кажется, что бесполезней
И быстрее всё мелькает во мгле...
Мы давно уж несёмся по бездне,
Как когда-то неслись по земле!

***

Слава Богу, слава Богу –
Боль проходит понемногу.
Ветер дует, снег идёт,
В Антарктиде тает лёд...

Жизнь проходит понемногу.
Всё когда-нибудь пройдёт.
Всё когда-нибудь случится.
Всем когда-нибудь в полёт.
Надо только доучиться
И – вперёд!

***

«Еще живу, и двигаюсь, и плачу,
И в злобе дней еще чего-то значу.
Пою и пью под солнцем и луной.
Еще ценю и шутку, и удачу...»
Как будто жизнь отсчитывает сдачу
За ту любовь, не встреченную мной.

***

В. М. Клыкову

Как надоело в осень уходить!
Судьба печальна или одинока.
И всё смертельнее её прядётся нить!
Река раскинулась широко...

Всё дальше берег – этот и другой,
Всё больше света, всё темнее воды.
И ни за что не схватишься рукой,
Рукою, полной силы и свободы.

***

Б. Лукину

Как время-то тянется долго!
Как медленно зреет трава!
Пока меж сомнений и долга
Цветут золотые слова.

Как хочется жить! И дождаться!
До края судьбы добрести...
И хоть бы на миг задержаться
У щедрого мира в горсти!

***

Посв. Вик. Бородиной

Душа, как сад, роняет первый цвет
И алым ветром порошит в зарю.
И только счастья не было и нет!
А я опять о счастье говорю.

Как нет любви земной, что без конца,
Которой с детства мы уязвлены.
А есть смешные, глупые сердца,
Поющие в предчувствии зимы.

И есть великих сроков череда,
Когда под знаком славы и беды
Пред тем, чтобы угаснуть навсегда,
Качает сад тяжёлые плоды.

***

Я человек и в этом одинок.
Вода в реке, и поле, и деревья –
Весь этот мир, летящий из-под ног,
Всё меньше чувствую своим теперь я.

И что с того, что ветра свист в ушах,
Что умный луч пронзил моря и стены,
Когда я собственный хочу замедлить шаг
И не могу – один во всей Вселенной!

***

Прот. Владимиру (Герченову)

Адские бездны
Души бесполезной,
Века железного сыпь.
Катятся души
По тверди беззвездной,
Ветры гуляют, как псы.

Что же там светит,
Играя на лицах, –
Зарево или восход?
Катятся души,
Забыв помолиться,
В вечность, на стужу, в расход!

Катятся души,
Тяжелые, наши,
Глупые – им по пути.
Близок огонь, беспощаден и страшен.
Боже, не дай нам уйти!

Близок огонь.
Закрываясь от света,
Шепчем, сползая во тьму:
– Боже, великое солнце Завета
Не отвратить никому!

Посв. С.Б.

***

Одинокая в мире звезда!
Ни души, ни печали, ни тела...
Для чего ж ты так долго летела,
Быть звездой давно перестав?

Только свет – безначальный и злой...
Не томит, а скорее томится,
Обдавая сияющей мглой
Все к нему обращённые лица.

***

Осень проходит, и дни мои стали прозрачны.
Что-то роднит нас ещё с красотой неземною.
Вряд ли дела, что казались нужны и удачны.
Может быть, небо, пропахшее близкой зимою.

Может быть, родина... Радость её неотмирна!
Что-то последнее есть, несравненное в этой равнине.
Что-то такое, что хочешь ответить мирно
Всякому «здравствуй»...
– Во веки веков и отныне!

ПРЕДЗИМЬЕ

К. Самыгину

И всюду будет жизнь, как валенок без пары,
Забытый у плетня в преддверии зимы.
Куда б ты ни уплыл, какие б злые чары
Тебя ни унесли на колеснице тьмы –

Везде отыщешь кров, просевший от заботы;
Везде одни и те ж морщины на челе,
Да горький самогон, как пасынок свободы,
Да сиротливый быт, глядящий из щелей.

Но близко торжество твоей глухой равнины;
Вот-вот, ещё чуть-чуть – и озарится вся
Под низкою луной, средь звёздной ночи дивной,
Нездешней красотой и снегом просияв!

***

В. Юдину

Все грустней, мой друг, все интересней
Этой жизни искренний финал.
Хорошо б ее, конечно, – песней!
А потом бы можно и в пенал.
Ведь не важно, сколько пишет ручка –
Целый месяц или уйму лет.
Важно, что таила эта штучка,
Важно – написалось или нет.

НА СМЕРТЬ ИГОРЯ БЛУДИЛИНА

Лежишь в темноте деревенской
И слушаешь звуки в ночи:
Какою-то тайной вселенской
Земля под тобою молчит!

И гнутся задумчиво ветки,
И тихо вздыхает постель,
И где-то совсем уже редкий
Тревожит поля коростель.

Исчезла в тумане округа,
 И все мы теперь – корабли.
 Плывём и не видим друг друга
 Ввиду уже близкой земли.

И друг, обретающий сушу,
 Сквозь тьму, сквозь туман, забытьё...
 – Что взял он с собой? – Только душу.
 Бесценную. Только её.

БЕСЫ. 1993 ГОД

Россия. Ночь. Удары сердца.
 Удары колокола втуне.
 И никуда от них не деться.
 И совесть, девочка-ведунья,
 Шатается по белу снегу.
 И нету места ей во святцах.
 Стучится, просится к ночлегу:
 – Впустите! Некуда податься...
 И завывает ветер, ветер.
 – Ночная гостья, сгинь!.. Останься...
 А голос безнадежно светел:
 – Впустите!!!
 «...Ветер, вихри, танцы,
 Луна, тоска...»
 – Пустите ж, черти!
 «Все кончено, и многим, многим
 Приснится саван круговерти...»
 – Пустите, я паду им в ноги!
 И никуда от них не деться
 Босой, юродствующей, дурьей! –
 Бьет в колокол. И...медлит сердце.
 Россия. Ночь. Удары бури.

***

Посв. Лоле Звонарёвой

В моей Болгарии лиловы стали тени,
И варненский маяк над синевой повис.
С вершин и склонов гор стекает в город темень,
Смолкает глупость дня, её дотошный визг.

Из глубины морской, как бы из тьмы фракийской,
С тысячелетних нив и из священных роц
Всё глубже и сильнее звучит напев орфийский,
Он крепнет, он манит, он набирает мощь.

И в древней простоте к огню садятся люди,
Благословляют ночь и черпают вино.
И звери внемлют им, людской язык им чуден,
И лавры на ветвях сплетаются в венок...

В родной и вещей мгле спит родина поэтов.
Давай же отопьём фракийского вина!
Уже светлеет ночь и близится к рассвету,
Как время – коротка и словно речь – длинна.

НОЧНОЙ ПОЖАР

Ген. Полякову

Тьма за окнами – тьма, а не марево
Беспокойных больших городов.
И огромное страшное зарево
Средь ночных неподвижных снегов.

С каждым шагом тревожнее дышится,
С каждым метром – навстречу беде.
Вот сирена пожарная слышится,
Вот промчались... Но где это, где?

Ничего не видать за деревьями!
 И зачем мы оставили дом
 И бредём нежилыми деревнями
 По дороге, покрывшейся льдом?

Что нас выгнало в поле с товарищем?
 Что мы ищем в морозной ночи?
 Вот проходим с опаской над кладбищем,
 Где могилы неведомо чьи.
 Всё тревожнее мысли проносятся.
 – Боже правый, прости, не суди!
 И лишь пламя до неба возносится,
 Как молитва из грешной груди.

ТОЛЬКО ЭТО ПРОДЛИ

Посв. Ив. Русанову

Потому что живём, потому что уже не поём,
 Потому что забыли дыханье чумы, Колымы и сумы,
 Потому что страна порастает былём, вороньём и ворьём,
 Потому что – «не мы», ну а, может быть, всё-таки – мы?

Потому что черны и своей, и чужой чернотой,
 Потому что устали задолго ещё до войны,
 Потому что тоска под орлом, и тоска под звездой...
 – Ну же, что там ещё? Чем ещё мы сегодня больны?

Эй, вино-зелено! Нам ли слушать их заячий стон?
 Потерявший любовь не спасётся писанием книг!
 Только музыки звон, уходящий бессмысленный звон!
 Только это продли – на глоток, на улыбку, на миг!

***

Посв. Виктору Смирнову

Осень дышит мне в спину. Родился таков.
Ни друзей и ни птиц – все укрылись от ветра.
И не их в том вина, что не стало деньков,
Тех веселых деньков, нам отпущенных щедро.

Это просто любовь собирает цветы
И пускает венки в студеняющих водах.
Это просто ты вздрогнул у тихой черты,
За которой уже и бессмертье, и отдых.

Просто время пришло, дни такие пришли.
Вот и сын твой подрос, твоя юная вечность.
Все теперь хорошо, поклонись до земли
Своей странной судьбе за ее быстротечность.

Посиди над рекой, поглядись в молоко
Ее утренних снов, в их дыханье парное.
Никогда ты не видел таких облаков
Над своей головой и своею строною!

***

Посв. А.

От луны – ускользящий свет,
По земле разбегаются тени.
Так легко, будто прошлого нет,
Будто не было бед и смятений.
И такая растрёпа – душа,
Вслед деревьям склоняясь над миром,

Ясно видит теперь каждый шаг,
Окружённая лунным эфиром.
Будто не было бед и хлопот,
Будто всё начинаем сначала,
Будто впрямь, как любимый свой плод,
Нас растила луна и качала.

***

Посв. А. Кувакину

Так дохнуло далекой зимой
На весёлое наше бесснежье,
Что не стало дороги прямой
И кривую-то видим все реже.

В этой тьме, что уснуть не дает,
В этой вечности, вставшей за спины,
Слышны темные гулы болот
И осенние песни рябины.

Я все больше теряюсь во мгле
Этих дней, вечеров, перепутий.
Я не помню уже, сколько лет
Этой долгой болезненной жути.

Я все ждал, что товарищ придет,
Что любимая встанет навстречу.
Но тридцатая осень – и вот
Я один в этот памятный вечер...
Все, что будет, уже сочтено.
Знать об этом – душе не пребудет.
Просто время такое: темно...
И дороже от этого люди!

ПРАЗДНИК ПРЕОБРАЖЕНИЯ В БОЛГАРИИ

Пить вино, закусывать его виноградом.
Купаться в море Чёрном и достославном.
Смотреть на горы, разгадывать в газетах шарады
На языке этом древнем и православном.

Видеть жизнь, бояться её потери –
Не потому, что страшно, а просто – что не успеешь.
Добрый мир всё ещё не закрывает двери.
И если это не видишь, прости, брат, но ты тупеешь.

По среднеевропейскому времени сегодня Преображенье.
Это напоминание безмозглой содомской плоти,
Что здесь недолгое последнее уже скольжение,
А там два-три быстрых вдоха – и ты, брат, уже в полёте...

***

Посв. Н.

Слушай, выпьем вина! Это море мудрей наших бед.
Посидим на камнях, побросаем медузам монетки.
Может, именно здесь начинается тот самый свет
В белой пене дождя, шуме волн и под ругань соседки.

Мы научимся жить, будто время уже истекло,
Будто ангелы к нам забредают по-свойски на ужин,
И мы вместе сидим и глядимся в живое стекло,
Где шевелятся звезды внутри и сияют снаружи.

В этой толще воды столько судеб, надежд, голосов,
Что становится страшно, когда зачерпнешь их рукою!
Будто вечности гулкой вращается здесь колесо,
В белых брызгах дробясь и неся в измеренье другое.

...Почему ты не спишь? Этой сказке не будет конца.
Обними меня крепче, прижмись – и откроется море:
В белых космах волос и суровых морщинах лица,
Острых скулах валов и с извечной тревогой во взоре.

АНДРЕЙ ШЕНДАКОВ

***

И. С.

Цветёт полынь – густа, горька,
 холмы чадят июльским жаром,
 ребристой просини валька
 подобен месяц над ангаром;
 темнеет медленно: едва
 текут лучи в дорожной дымке,
 почти не слышатся слова
 в беседке, свитой по старинке;
 над розовеющей кострой,
 над крупной дробью черноплодной
 весь свет пропитан берестой
 и отражён в воде холодной,
 в забытой крынке родника,
 где замирают даже тени
 и к смятым стеблям тростника
 склоняют путники колени;
 где чуть заметная заря
 струится в Оптину обитель
 и, ничего не говоря,
 порой скучает местный житель;
 где окна вновь окроплены
 огнями хлынувшей Вселенной...
 Так будь же, скорбь моей страны,
 всегда, всегда благословенной!

***

Кому-то жить немного скучно,
Кому-то мир давно постыл...
А я живу благополучно,
Хотя и дворик мой уныл:

Забор с кривым утиным лазом
И дров сухая береста;
В колодце тонущим алмазом
Горит вечерняя звезда.

Но не для этой ли Вселенной,
Смотря с таинственного дна,
Живёт планета жизнью тленной,
Всего одна, всего одна...

ЗАСУХА

Летят на землю лепестки.
Их горьким зноем иссушая,
Июль – без гроз и урожая –
Сокрыл ветвями гладь реки.

Тугие гребни накренив,
Темнеют каменные глыбы;
По мелководью ходят рыбы,
Скрываясь в тень прозрачных ив.

Среди ослабших родников
Нет упоения в покое.
Бывало ли когда такое
За далью сгинувших веков?..

***

Эти стены безмолвны и сыры,
Но прислушайся – и различишь,
Как, сгущаясь, разряды-эфир
Будоражат церковную тишь.

Пламенея, свеча восковая
Вдруг подкинет червонный дымок,
И, заветную даль открывая,
Тихо щёлкнет старинный замок.

А за дверью нездешние люди
Ходят, свет смолянистый дробя;
Не пытайся разыскивать сути,
Суты сами разыщут тебя.

Здесь все мёртвые славны и живы,
Тени бродят по стёклам, дрожа...
И вдоль окон летит под оживы*
Испутившая тело душа.

---

* – от фр. ogive – стрельчатый свод в архитектуре.

***

*Огонёк в полусгнившей избёнке
Посреди потемневших полей...*

А. Н. Апухтин

Среди холмов скитается река,
Шумят берёзы, локоны свивая;
Вдали петляет тропка полевая,
Взлетает шмель с поникшего цветка.

По мокрой глине горстками тепла
Плывёт закат, меня уже не грея;
Когда-то здесь была Гиперборея,
Но свой народ куда-то увела.

...Горька отныне летняя страда:
Пустых домов распахнуты глазницы,
Но далеко, как прежде, до столицы,
Молчит в колодце тёмная вода.

Село, село!.. Трава твоих лугов
Давным-давно не кошена, не мята,
Как будто снова за грехи расплата
Пришла на Русь из глубины веков.

***

Воздух полон богов на рассвете...

Ю. Кузнецов

Тишина пред рассветом такая,
Что острее, чем бритва, душа:
Сквозь одежду, как луч, проникая,
В мир она вылетает, шурша
Невесомыми стайками веток,
Перламутровым лоном листа.
Этот миг удивительно редок:
В каждой капле звучит высота.

***

Брату С.

Горячий Крым давно ли скучен?..
Ты потянулся в глубину –
В седую оторопь излучин,
В свою исконную страну.

Но не к истокам, а к Сибири,
Куда-то даже за Тюмень.
Ты разыскал в заветном мире
Красу пустынных деревень.

В них много стынущей полыни,
Таёжный шум разноголос.
А два патрона в карабине
Порой дороже папирос.

ОСТРОВ КУНАШИР

С. Н.

К Сахалину идёт теплоход...
И берутся откуда-то силы?
Еле светится в дымке восход,
Позади – снеговые Курилы...

Позади – океан, Кунашир,
Где молчат за туманом вулканы
И в безлюдном посёлке трактир
Дополняет пейзажа изъяны.

Уничтоженный, выжженный лес,
Лишь зелёные стрелы бамбука;
Здесь, пожалуй, не встретить чудес,
Здесь везде и тоска, и разлука.

Разве только горячий откос,
Старый гейзер, дымящийся мглисто,
И голодный медведь-альбинос
Удивят ненадолго туриста.

Здесь каркасы советских застав
Воют, словно шаманские струны,
И, ныряя в свинцовый расплав,
Умирают бесхозные шхуны...

НА РАССВЕТЕ

Что я ищу в земном покое?..
Струится ввысь речной дымок;
Обняв село береговое,
Светлеет огненный поток.

В траве нескошенной, медвяной
Дрожит насмешливо роса,
В воде то мутной, то стеклянной
Петляет тропка-полоса.

Рассвет горит, течёт, мерцая
Последней утренней звездой.
Случайных птиц ночная стая
Безмолвно кружит над водой...

***

Травы искристая купель
Окроплена пылью ракушек,
А дальних туч волнистый свиток
Несёт небесную капель.

За каплей капля – шум реки,
Река к реке – водовороты,
Нерукотворный мир Природы,
Галактик светлые круги.

И всё вмещается во мне:
Нет ничего быстрее взгляда.
И ничего уже не надо
В такой бескрайней стороне!

***

*Здесь всё меня переживёт,
Всё, даже ветхие скворешни...*

А. Ахматова

Журавли еле слышно несут
Весть благую над миром-скворечней;
У плотины к проталине вешней
Подступает разлившийся пруд.

Ветер пахнет вишнёвой корой,
И сырым табаком, и духами;
Свет лампад разгорается в храме,
Луч с деревьев стекает смолой.

Боязливы огни автострад
Вдалеке, над курящимся смогом;
Снова мыслю в дороге о многом,
Вдохновенным видениям рад.

Ночь пасхальная снова темна,
Но в пустынной глуши переулка
Мне поёт незнакомая струнка
Ручейка – с поднебесного дна...

ДЕРЕВЕНСКАЯ ОСЕНЬ

Вся округа – в молочной сорочке.
Вдалеке, на пологом холме,
Фонарей разноцветные точки
Беспокойно мерцают во тьме.

Чернобровая юная осень
С тёплым ветром идёт налегке,
Её глаз холодящая просинь
Проступает в ночном роднике.

На штакетнике мокрые банки
Озаряет лучом бирюза.
И над крышами с зеленью дранки
Одиноко темнеют леса.

***

Между прошлым и будущим – яма,
Ведь у многих судьба не сладка,
А у стен старосельского храма
Смотрят куклы-матрёшки с лотка...

И такая находит неволя,
И такая сжигает тоска,
Что сквозь дымку низинного поля
Слышен хруст воскового песка:

То ли мёртвые, то ли живые
Восстают из глубин Бытия,
Вдалеке на щиты дождевые
Налетает огонь острия.

Зазывалы кричат голосисто:
Может, что-то ещё продадут.
Не востребован лишь у туриста
Неподъёмный крестьянский хомут.

РЕКА ИСЕТЬ

Молчала буднично Исеть:
В речной воде ходили рыбы,
Закат в расставленную сеть
Ловил разбросанные глыбы.

А вечер был туманно-сер,
Как горизонт на всём Урале;
Глазницы вскинутых пещер
Сквозь ветви сосен проступали.

К проёму Каменных Ворот*
Петляли узкие ступени.
В предгорьях северных широт
Цвели июньские сирени.

***

А. В. Фролову

Что впереди?.. Рассудит Бог.
Но, к счастью, жизнь полна, как прежде:
закатный луч прильнул к одежде
заречных трав, пройдя сквозь смог

---

* Природная достопримечательность в Каменске-Уральском Свердловской области.

и склеив грани арматур
когда-то крепкого завода;
теперь почти везде – свобода,
теперь почти везде – гламур...

А рядом с городом цветы
и придорожная пшеница,
луны суконная петлица
глядит из жидкой темноты;

миры сплелись в небесный жгут,
и, словно гребни океана,
посадок волны из тумана
за мной бегут, бегут, бегут...

ТУВА

С. Г.

Двуголосое соло – Тува,
Чудеса Урянхайского края...
Здесь растёт ледяная трава,
Вдоль крутых берегов наплывая.

Горы вклинены в просинь степей,
Тундра спорит с ветрами пустыни,
Где горчит на губах сухостей
Терпкой веточкой вольной полыни.

Чуть на север – густая тайга,
Бьёт шаман в заколдованный бубен;
Серебрятся под солнцем снега,
Путь к вершинам запутан и труден.

Ночью льётся небесный айран
В бирюзовую даль Енисея.
И сквозь топкий прибрежный туман
Слышен призрачный плач хоомя*...

***

Рябин осенних звёзды-угольки –
На блёклом небе вспыхнувшие бусы,
А облака то пепельны, то русы,
В листве горит закатный всплеск реки.

Сквозь камыши мелькает свет костра,
Холмам кивает сонная крапива,
Над садом долька белого налива –
Луна в ветвях спокойна и хитра.

Ещё летает в сумерках оса,
Но, чтоб её услышать, мало слуха...
И на пороге слабая старуха
С ладони кормит радостного пса.

НОВОЕ НЕБО

(сон)

Я видел небо, но иное...
Иными были облака,
в ином, возвышенном покое
блестела в сумерках река...

---

* Горловое пение тувинцев, называемое «двуголосым соло».

В ночные капельки на крыше
иной впитался аромат,
иные звёзды были ближе,
был неземным иной закат.

Был центр галактики светлее:
она была кругла, как нимб;
в её загадочном елее
лучи окутывались в дым...

Когда-нибудь сторгят земные
дороги, реки, города...
Но с неба в сумерки густые
сойдёт воскресшая звезда!

***

С.

Искрятся капельки дождя,
Бросая брызги под навесом,
И я вдыхаю с интересом
Небесный шум в начале дня;
Струится в окна благодать –
Её я слышу, прозревая,
А в сердце струнка дождевая
Вшивает солнечную гладь:
Поток дождя – живой эфир,
Далёких странствий продолженье.
И я пишу стихотворенья
Как целый мир, как целый мир!..

***

И. С.

Безлюдный сквер и над оврагом мост,
Шум тополей во дворике лица,
А весь пейзаж провинциально прост:
Струится дождь, в лицо настырно целя,
И на подъёмных кранах крепежи
Слегка дробит, выматывая душу.
Как мысли в прочной клетке ни держи,
Они, как птицы, просятся наружу
И оживляют пёструю страну
С её былым и повседневным сором,
Её сельчан, влюблённых в старину,
И горожан с житейским кругозором.
А между тем, ключи от Тайны – здесь,
Её нельзя найти сиюминутно,
Когда осенних звёзд скупая взвесь
Летит над килем земляного судна.
Сквозь дождь лучи закатных парусов
Плывут легко, тепло, неповторимо.
И где-то вновь, в созвездии Весов,
Шумит волна космического дыма...

НОВАЯ ПЛАНЕТА

Мне снилась иная планета,
Мне снилась другая Земля...
Она была солнцем согрета,
Бескрайними были поля.

Просторы светились лучисто,
 Но люди без скуки и бед
 Здесь жили, наверное, триста,
 А может быть, тысячу лет.

Как сказано в Древнем Завете,
 Так длились уклады веков,
 Поскольку на этой планете
 Не ведали люди грехов.

Добром и любовью согрета,
 Щедра, благодатна, мила...
 Обычная эта планета,
 Наверное, раем была.

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

Скажи: кто ты и кто твой дух?..
 Откуда ты приходишь в строфы?
 Быть может, с утренней Голгофы
 Иль разговоров двух старух...

Из повседневности земной,
 А может, из иных материй,
 Где нет обычных суеверий.
 Кто ты, лирический герой?

Ты знаешь больше, чем поэт;
 Возможно, ты соавтор Божий,
 Среди знакомых бездорожий
 За мной плывёшь, как лунный свет.

Душой, энергией, лучом
Ты снова пишешь предложенье,
А я – твоё преображенье –
Почти не знаю ни о чём...

***

..Словом можно сжигать города,
Превращая строенья в руины,
И сметать, словно щепки, плотины,
Так что плавится даже слюда.

Но гораздо сложнее, пройдя
Через всё это адское пекло,
Сделать так, чтоб душа не поблекла,
Словно радуга после дождя.

Словом можно убить – на века! –
И талант, и любовь, и свободу.
Но важнее, являясь народу,
Быть для мира огнём маяка!

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

Александров Иван Васильевич (15.02.1932 – 18.09.2010) – член Союза писателей СССР с 1970 года. Автор четырнадцати книг стихотворений и прозы. Произведения включены в хрестоматию для школ и вузов «Писатели Орловского края. XX век», публиковались во многих литературных журналах страны. Лауреат двух Всероссийских литературных премий: им. А.А. Фета и «Вешние воды». Почётный гражданин города Мценска и Мценского района.

Блынский Дмитрий Иванович (23.02.1932 – 20.10.1965) – наиболее известный орловский поэт-лирик, автор четырнадцати прижизненных сборников стихотворений и поэм, а также многочисленных публикаций в центральных советских журналах и газетах. Член Союза писателей СССР с 1957 года. Положительную оценку творчеству Д. Блынского давали такие поэты, как М. Исаковский и Л. Ошанин. После смерти поэта в Москве и Орле неоднократно выходили книги его избранных произведений.

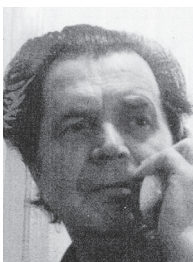
Перовский Николай Михайлович (31.12.1934 – 13.09.2007) – поэт, прозаик. Автор более двадцати книг и множества публикаций в областных и центральных периодических изданиях. Член Союза писателей СССР с 1964 года. При жизни Николай Перовский не был удостоен правительственных наград и престижных литературных премий. Его награда – опубликованные книги и любовь читателей.

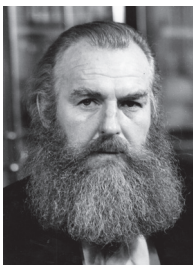
Шиляев Анатолий Степанович (6.02.1938 – 31.08.1987) – поэт. Автор семи книг стихотворений, а также многочисленных публикаций в литературных изданиях СССР и России. Член Союза писателей СССР с 1969 года. Долгое время возглавлял Бюро пропаганды художественной литературы при Орловской областной писательской организации, затем работал ответственным секретарём организации, был одним из зачинателей Фетовского праздника на Орловщине.

Подсвиров Иван Григорьевич

(р. 12.14.1939) – прозаик, публицист, литературовед. Автор многих книг, вышедших в издательствах Тулы, Москвы, Пятигорска. На протяжении нескольких лет работал ответственным секретарем Орловской областной писательской организации. Член Союза писателей СССР с 1973 года. Лауреат Пушкинской и Чеховской литературных премий Московской писательской организации Союза писателей России, Международного конкурса «Умное сердце» им. Андрея Платонова, премии им. В.И. Вернадского.

Родичев Пётр Иванович

(30.01.1939 – 16.10.2009) – поэт, прозаик, публицист, литературный критик, художник. Автор пятнадцати книг, шестнадцати поэм, двухтомника публицистики и множества публикаций в литературных периодических изданиях. Член Союза писателей СССР с 1987 года. В течение последних лет жизни – учредитель и редактор газеты «Залп». Был известен как блестящий полемист, отличавшийся независимостью суждений, и настоящий патриот.

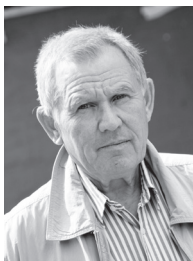
Дронников Виктор Петрович

(18.08.1940 – 24.08.2008) – поэт, автор четырнадцати поэтических книг и многих публикаций в советских и российских журналах. Член Союза писателей СССР с 1973 года. Делегат трёх советских и российских съездов Союза писателей, член-корреспондент Академии поэзии. Произведения включены в антологии «Русская поэзия. XX век», «Русская поэзия. XXI век» и в хрестоматию для школ и вузов «Писатели Орловского края. XX век». Лауреат четырёх Всероссийских литературных премий: Союза писателей России, им. А.А. Фета, им. Ф.И. Тютчева, «Вешние воды»; юбилейной Пушкинской премии Администрации Орловской области, премии ЦФО. Кавалер ордена Дружбы и знака «Общественное признание».

Крохин Игорь Дмитриевич

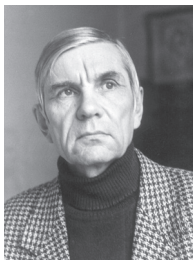
(1.05.1940 – 28.02.1992) – поэт. Автор пяти книг стихотворений. Член Союза писателей СССР с 1978 года. Произведения публиковались во многих литературных журналах, включены в хрестоматию «Писатели Орловского края. XX век» и антологию «Русская поэзия. XX век».

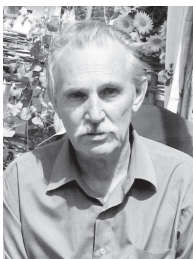
Попов Геннадий Андреевич

(р. 30.08.1948 – 10.07.2015) – поэт, публицист. Автор семи книг стихотворений и поэм, а также многочисленных публикаций в отечественных и зарубежных литературных изданиях. Член Союза писателей России с 1991 года. С 1994 года – ответственный секретарь Орловской писательской организации. Лауреат премии I степени Центрального федерального округа в номинации «За произведения художественной литературы», а также нескольких Всероссийских премий и конкурсов. Сопредседатель правления Союза писателей России. Член Президиума Академии российской словесности, член-корреспондент Академии поэзии. Произведения включены в антологию «Русская поэзия. XX век», в хрестоматию «Писатели Орловского края. XX век», в антологии «Россию сердцем обнимая» и «Молитвы русских поэтов XX – XXI вв.». За литературную деятельность награждён орденом Дружбы, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества», медалями «За служение литературе» и «Ревнителю просвещения. В память 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина».

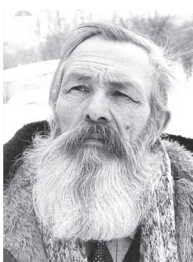

Ерёмин Вадим Геннадьевич

(10.01.1941 – 18.04.2009) – автор шестнадцати книг стихотворений, семь из которых адресованы детям. Произведения публиковались во многих литературных изданиях России. Положительные отзывы на его работы публиковали такие известные писатели, как В. Берестов и Ю. Кузнецов. Член Союза писателей России с 1985 года, лауреат Всероссийских литературных премий им. А.А. Фета, «Вешние воды», премии Союза писателей России «Новая русская книга – 2005».

Турбин Михаил Леонидович

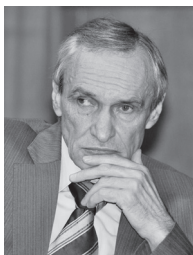
(р. 29.03.1941) – поэт, автор шести книг стихотворений. Произведения публиковались в центральных литературных журналах России. Член Союза писателей России с 1996 года. Награждён «Золотой Есенинской медалью» Московской областной организации Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды».

Логвинов Александр Серафимович

(1.03.1942 – 1.03.2010) – поэт, прозаик, публицист, литературовед. Автор нескольких книг стихотворений, трёх сборников литературоведческих очерков о творчестве писателей-орловцев, а также многих публикаций в литературных и научных периодических изданиях. Член Союза писателей СССР с 1977 года. Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды».

Перкин Владимир Петрович

(26.12.1943 – 24.12.2002) – поэт. Автор восьми поэтических книг и многочисленных публикаций в литературных изданиях СССР и России. Член Союза писателей СССР с 1976 года. Много лет работал старшим редактором в Орловском отделении Приокского книжного издательства, главным редактором издательства «Современник», позже – главным редактором издательства «Московский писатель».

Котюков Лев Константинович

(р. 9.01.1947) – поэт, прозаик, публицист. Автор более сорока книг поэзии и прозы, получивших заслуженное признание в России и за ее пределами. Член Союза писателей СССР с 1977 года. Лауреат более тридцати Международных, Всероссийских и региональных литературных премий. Секретарь правления Союза писателей России, главный редактор журнала «Поэзия» и газеты «Московия литературная», генеральный директор Творческого объединения литераторов газовой промышленности при ОАО «Газпром», заслуженный работник культуры Российской Федерации.

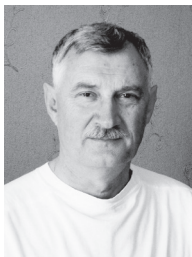
Переверзев Владимир Иванович

(14.03.1947 – 27.03.2009) – поэт, публицист, журналист. Автор нескольких поэтических и публицистических книг. Член Союза писателей России с 2006 г. Автор нескольких поэтических и публицистических книг. Долгое время работал на Сахалине редактором отделения Дальневосточного книжного издательства. С 1992 года, как редактор и ведущий ОГТРК, выпустил более 400 телевизионных программ. Лауреат многих областных и общероссийских конкурсов тележурналистов, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Фролов Геннадий Васильевич

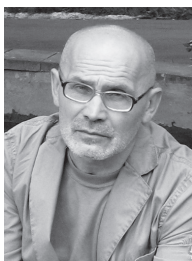
(р. 31.01.1947) – поэт, автор девяти книг стихотворений. Произведения публиковались во многих российских литературных изданиях. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького, где учился вместе с Николаем Рубцовым, Юрием Кузнецовым. Член Союза писателей СССР с 1987 года. Работал в издательствах «Современник», «Советский писатель», в московских литературных журналах. Член Императорского Палестинского общества. Известен как переводчик с языков народов СССР. Лауреат Всероссийских литературных премий им. А. Фета, К. Бальмонта, премии журнала «Наш современник».

Садовский Виктор Фёдорович

(р. 16. 08. 1947) – поэт, журналист, композитор, собиратель и исполнитель казачьих народных песен. Автор пяти стихотворных, двух песенных сборников, а также многочисленных публикаций в коллективных сборниках и периодической печати. Член Союза писателей России с 2008 года. Дипломант Министерства культуры РФ, победитель многих музыкальных конкурсов и фестивалей, как Всероссийских, так и городских. Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды».

Семёнова Ирина Семёновна

(р. 22.05. 1949) – поэт, автор семи книг стихотворений и поэм, многочисленных публикаций в ведущих литературных периодических изданиях. Член Союза писателей России с 1991 года. Стихотворения включены в антологии «Русская поэзия. XX век» и «Русская поэзия. XXI век», в хрестоматию «Писатели Орловского края. XX век», переведены на ряд языков народов ближнего зарубежья. Член Высшего Творческого Совета Союза писателей России. Член-корреспондент Академии поэзии. Лауреат Всероссийских литературных премий им. А.А. Фета, им. А.Т. Твардовского, «Вешние воды», им. П. Васильева, международной премии им. Э. Володина «Имперская культура», дипломант Всероссийской литературной премии «Александр Невский».

Ермаков Владимир Александрович

(р. 6.06.1949) – поэт, эссеист, автор двенадцати книг и множества журнальных публикаций как в России, так и за рубежом. Произведения переводились на финский, английский и польский языки. Член Союза писателей России с 2000 года. Лауреат Горьковской литературной премии. Заслуженный работник культуры РФ.

Корнева Валентина Ивановна

(р. 1.03.1949) – поэт, прозаик, автор четырёх поэтических книг, краеведческой книги «Град на острожной горе» и книги стихотворений для детей. Произведения публиковались во многих литературных журналах России. Член Союза писателей России с 2002 года. Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды».

Сытникова Антонина Семёновна

(р. 10.07.1955) – поэт, автор трёх поэтических сборников. Произведения публиковались в центральных литературных изданиях. Член Союза писателей России с 2013 года. Дипломант Международного поэтического конкурса «Лики истории».

Грибанова Татьяна Ивановна

(р. 20.02.1960) – автор пяти книг стихотворений и рассказов, множества публикаций в российских литературных изданиях. Член Союза писателей России с 2009 года. Лауреат Международной литературной премии им. Андрея Платонова «Умное сердце», премии Губернатора Курской области им. Евгения Носова, Международного поэтического конкурса «Звезда полей» им. Н.М. Рубцова, обладатель специального диплома «Прохоровское поле».

Машукова Елена Анатольевна

(р. 14.09.1963) – поэт, прозаик, публицист. Автор пяти книг, множества публикаций в российских литературных изданиях, а также произведений для детей и ряда литературоведческих статей. Член Союза писателей России с 2010 года. Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды» и премии Сахалинского фонда культуры.

Фролов Андрей Владимирович

(р. 22.02.1965) – поэт, прозаик. Автор шести книг стихотворений и прозы, многочисленных публикаций в ведущих литературных журналах России и столичных периодических изданиях. Произведения включены в антологию современной литературы «Наше время», антологию «Русская поэзия. XXI век». Победитель VIII Международного поэтического конкурса «Золотое перо», дипломант нескольких Международных и Всероссийских литературных конкурсов. Лауреат Всероссийских литературных премий «Вешние воды» и «Белуха» им. Г.Д. Гребенщикова, учреждённой Союзом писателей России, Ассоциацией Уральских писателей и редакцией журнала «Бийский вестник».

Голубева Светлана Сергеевна

(р. 3.03.1967) – прозаик и поэт, автор четырёх книг, в том числе сказок и повести для детей. Произведения публиковались во многих литературных журналах России – от Воронежа до Алтая. Член Союза писателей России с 2010 года. Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды» и Международного конкурса литературы для детей и юношества им. А.Н. Толстого.

Ковалёва Елена Витальевна

(р. 9.06.1967) – поэт, автор трёх поэтических сборников. Произведения публиковались в российских литературных журналах и альманахах. Член Союза писателей России с 2013 года.

Бойцова Анастасия Анзоровна

(р. 23.07.1970) – автор двух книг стихотворений и поэм, публикаций в российских литературных изданиях. Член Союза писателей России с 2009 года.

Шорохов Алексей Алексеевич

(р. 8.11.1973) – поэт и публицист, автор восьми книг стихотворений и публицистических статей. Произведения публиковались в российских, сербских, болгарских, латвийских, польских и германских журналах, входили в сборники и антологии. Член Союза писателей России с 2002 года. С 2004 года – секретарь Правления Союза писателей России. В 2011 году избран Почётным членом Союза писателей Сербии. Лауреат Всероссийских литературных премий «Хрустальная роза Виктора Розова», «Эврика», «Вешние воды»; Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина. Награждён памятной медалью «150-летие А.П. Чехова» и общественной медалью «За активную гражданскую позицию и патриотизм».

Шендаков Андрей Игоревич

(р. 22.06.1978) – поэт, автор книги стихотворений «В старинном городке» (2013). Произведения публиковались в литературных журналах и сборниках. Лауреат Всероссийских литературных конкурсов «Дети солнца», им. С.А. Есенина, «Хрустальный родник»; Международного литературного конкурса «Золотая строфа»; Межрегионального литературного конкурса «Моя родная Русь». Дипломант Международного литературного конкурса «Белая скрижаль», Международного литературного конкурса детской и юношеской литературы им. А.Н. Толстого в номинации «Поэзия для юношества». Член Союза писателей России с 2013 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Александров	5
Дмитрий Блынский	21
Николай Перовский	39
Анатолий Шиляев	55
Иван Подсвиров	75
Пётр Родичев	89
Виктор Дронников	101
Игорь Крохин	117
Геннадий Попов	135
Вадим Ерёмин	159
Михаил Турбин	175
Александр Логвинов	193
Владимир Перкин	211
Лев Котюков	227
Владимир Переверзев	245
Геннадий Фролов	261
Виктор Садовский	277
Ирина Семёнова	295
Владимир Ермаков	319
Валентина Корнева	335
Антонина Сытникова	353
Татьяна Грибанова	369
Елена Машукова	391
Андрей Фролов	409
Светлана Голубева	427
Елена Ковалёва	439
Анастасия Бойцова	447
Алексей Шорохов	463
Андрей Шендаков	477

ISBN 978-5-87295-289-3

9 785872 952893

Четырёхтомное собрание произведений
современных орловских писателей

СОВРЕМЕННЫЕ ОРЛОВСКИЕ ПИСАТЕЛИ
ИЗБРАННОЕ

Том второй

ПОЭЗИЯ

Ответственный за выпуск *Е.А. Машукова*
Технический редактор *Г.В. Скорикова*
Корректор *А.А. Гудкова*

Издательство «Вешние воды».
302028, г. Орел, ул. Салтыкова-Щедрина, 1.

Подписано в печать 27.07.2015 г. Формат 60x84/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 29,39. Тираж 1000 экз. Заказ № 8847.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Новое время».
г. Орёл, ул. Итальянская, 23.